

• •

[Stable URL: <http://elar.uni.yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2169>]

[. . . 1896: :]

• • • •

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

ИСТОРИЯ РАБСТВА, ⁹ И 59

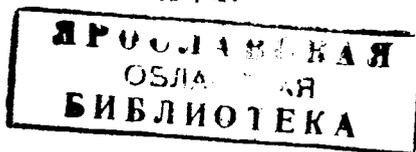
ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ДО НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

Сочиненіе Дж. Н. Ингрэма.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

Съ дополненіями ихъ трудовъ Валлона, Турманя, Рамбо и Лависса. въ переводѣ Н. П. Новоборской.

225691

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Паровая скоропечатня А. Пороховщикова Гороховая, № 12.

1896.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Новый духъ, проникающій историческія изслѣдованія послѣдняго времени, сказывается главнымъ образомъ въ томъ, что объектомъ изслѣдованія служитъ теперь вся жизнь человѣчества въ ея послѣдовательномъ развитіи. Правда, художественное и драматическое изображеніе отдѣльныхъ событій также имѣетъ свою цѣнность и находятъ себѣ мѣсто въ историческомъ изслѣдованіи, но теперь оно все болѣе и болѣе отступаетъ на второй планъ передъ изученіемъ основнаго соціальнаго движенія, понять и объяснить которое—конечная цѣль историка.

Хотя для вполне раціональнаго изслѣдованія такого движенія необходимо разсмотрѣть въ общей сложности всѣ его составные элементы и найти связующую нить между прогрессомъ отдѣльныхъ соціальныхъ факторовъ и прогрессомъ вообще,—въ видахъ удобства приходится разсматривать каждый изъ этихъ факторовъ отдѣльно, не теряя, однако же, изъ виду его зависимости отъ другихъ факторовъ, и обратно. Главная задача автора этой книги состоитъ въ томъ, чтобы выдѣлнить одну такую

лнiю развитiя, которая можетъ быть проведена черезъ всю исторiю западно-европейскихъ нацiй и, по воздѣйствiю своему на судьбы нашей расы, стоять не ниже всякой другой, а именно—переходъ отъ рабства древнихъ временъ къ современной системѣ свободнаго труда. Кромѣ изслѣдованiя этого великаго переворота, книга наша содержитъ въ себѣ описанiе вредной системы колониальнаго рабства, его повсемѣстнаго уничтоженiя и успѣй, которыя употребляются въ наше время, чтобы произвести подобный-же переворотъ на Востокѣ, гдѣ существуетъ еще понынѣ первобытная форма рабства. Въ виду этого, мы съ особеннымъ вниманiемъ отнеслись къ послѣднимъ событiямъ въ Африкѣ, ибо, еслибы удалось разъ навсегда положить конецъ травлѣ и продажѣ человѣческихъ существъ на африканскомъ континентѣ, то къ домашнему рабству у мусульманскихъ нацiй Востока можно было-бы относиться съ извѣстной терпимостью: оно вѣроятно прекратилось-бы мало по малу само собой, въ силу тѣхъ-же причинъ, которыя обуславливали прекращенiе его въ древней Римской Имперiи.

Въ первой части книги я старался держаться главнымъ образомъ исторической, а не антикварной точки зрѣнiя и нигдѣ не вдавался въ подробности, хотя ихъ накопилось у меня множество, и притомъ весьма любопытныхъ. Вообще я не пытался выказывать эрудицию, на которую, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ моего изслѣдованiя, не могу предъявлять притязанiй. Я писалъ не для школьниковъ, но для массы мыслящихъ

и образованныхъ мужчинъ и женщинъ, и потому стремился, по отношенію къ исторіи рабства, дать широкіе взгляды и общія идеи, какія должны входить въ составъ умственной пищи каждаго развитого человѣка. Въ то же время я старался соблюдать величайшую точность въ изложеніи фактовъ и буду весьма удивленъ и огорченъ, если мнѣ укажутъ на какую-нибудь серьезную ошибку въ этомъ отношеніи. Я свободно пользовался трудами тѣхъ, кто, до меня, разсматривалъ вопросъ о рабствѣ въ цѣломъ или въ частностяхъ; библіографическій перечень источниковъ, приложенный къ книгѣ, показываетъ, что изъ трудовъ моихъ предшественниковъ я пренебрегъ весьма немногими, доступными для изученія. Я долженъ выразить особую благодарность двумъ изъ нижепоименованныхъ авторовъ, изслѣдовавшихъ, весьма внимательно и добросовѣстно, бѣольшую часть той области, въ которой приходилось двигаться мнѣ, — Г. Валлону, въ его *L'Esclavage dans l'Antiquité*, и Э. Сугенгейму, въ его *Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft*.

Нѣсколько примѣчаній, которыя имѣютъ отношеніе къ главному предмету изслѣдованія и заслуживаютъ вниманія, но которыя, будучи помѣщены въ текстъ книги, нарушили-бы правильный ходъ разсказа, — помѣщены особо.

Слѣдуетъ прибавить, что настоящая книга есть воспроизведеніе, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, статьи «Рабство», вошедшей въ девятое изданіе *Encyclo-*

сlopxedia Britannica. Эта статья была, сколько мнѣ
извѣстно, первой попыткой на англійскомъ языкѣ дать
полный, хотя и краткій очеркъ рабства и крѣпостного
права древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ.

Дж. К. Ингрэмъ.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

Знаменитый французский экономист Дюнуайе ¹⁾ утверждает, что экономический режим каждого общества, въ началѣ его осѣдлой жизни, непременно основывается на рабствѣ въ рабочихъ профессіяхъ, и самыя обширныя историческія изслѣдованія подтверждаютъ эту его мысль. Въ охотничій періодъ воинъ-дикарь не обращаетъ въ рабство побѣжденнаго врага, а убиваетъ его; женщины покореннаго племени онъ уводитъ къ себѣ и дѣлаетъ ихъ женами или служанками, такъ какъ въ этотъ періодъ домашнія работы почти исключительно выполняются женщинами. Въ пастушескій періодъ, рабовъ держатъ только для продажи, за исключеніемъ немногихъ, которые могутъ понадобиться для охраненія стадъ или для слабыхъ попытокъ къ только-что нарождающемуся земледѣлію. Но, по мѣрѣ того, какъ укореняется осѣдлая жизнь и земледѣліе начинается практиковаться въ болѣе широкихъ размѣрахъ, — а люди по прежнему остаются проникнутыми воинственнымъ духомъ, — усиливается потребность въ трудѣ рабовъ: они добываютъ пищу для господина и въ то же время избавляютъ его отъ утомительной домашней работы. На этой стадіи обществен-

1) De la Liberté du Travail, L. IV. chap. IV. § 1.

наго развитія рабство является повсемѣстнымъ и непобѣдимымъ.

Но тамъ, гдѣ установилась теократическая организація, рабство, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, не могло сдѣлаться жизненнымъ элементомъ общественнаго строя. Въ странахъ, гдѣ населеніе раздѣляется на касты, гдѣ между этими кастами распределены всѣ общественныя повинности, ручной трудъ и ремесла,—не остается мѣста для рабовъ; ихъ употребляютъ лишь въ ограниченномъ количествѣ, для домашнихъ услугъ, или же, большими массами, для гигантскихъ сооружений, которыя по временамъ предпринимаютъ вожди такихъ общинъ. При социальномъ устройствѣ такого рода, низшая каста можетъ быть угнетенной и презираемой, но она не находится въ состояніи рабства: члены ея подчинены высшимъ классамъ не индивидуально, а коллективно.

Зато въ общинахъ, организованныхъ спеціально для войны, въ общинахъ, гдѣ военное сословіе преобладаетъ надъ сословіемъ жрецовъ, рабство является вполне естественнымъ и понятнымъ. А такъ какъ войны въ исторіи человѣчества играютъ весьма важную роль, мы, при всемъ нашемъ справедливомъ отвращеніи ко всѣмъ видамъ рабства, должны признать его необходимой ступенью общественнаго развитія. Наибольшимъ препятствіемъ къ признанію этой важной истины была вполне основательная ненависть общества къ современному рабству, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ колоніяхъ европейскихъ государствъ. Но современное рабство не представляло собою, подобно древнему, временной необходимости, произвольно вытекающей изъ условій извѣстнаго общественнаго строя и ведущей къ счастливымъ послѣдствіямъ; оно было чудовищнымъ извращеніемъ естественнаго порядка вещей, созданнымъ искусственно и враждебнымъ интересамъ цивилизаціи.

Что рабство играло весьма существенную роль въ социальной экономіи древнихъ, это мы можемъ заключить

уже изъ того факта, что самые замѣчательные политики и мыслители древнихъ временъ въ принципѣ признають его непзбѣжнымъ. Но если мы самостоятельно рассмотримъ послѣдовательный ходъ развитія человѣчества, мы придемъ къ подобному-же заключенію. Не говоримъ уже о томъ, что при всемъ томъ отвращеніи, которое оно внушаетъ современному человѣку, все же рабство, рассматриваемое относительно, было громаднымъ шагомъ впередъ на пути прогресса, такъ какъ, съ его водвореніемъ, убіеніе плѣнныхъ, часто сопровождаемое каннибализмомъ, замѣнилось пожизненной работой или службой побѣдителю ¹⁾. Это всѣми признанная заслуга рабства. Любопытна старинная, хотя и неправильная этимологія этого слова ²⁾. Но далеко не всѣ еще убѣждены въ томъ, что рабство оказало также относительно важныя услуги въ позднѣйшій періодъ соціальной эволюціи. Такъ напр., нѣкоторые указываютъ на то, что — во первыхъ, рабство сообщило военному сословію, въ его стремленіяхъ къ господству, интенсивность и стойкость, что необходимо для системы подчиненія одного народа другимъ, посред-

1) Hor. Ep. 1. XVI. 69.

«Vendere cum possis captivum, occidere noli:
Serviet utiliter».

«Il est fort probable que, sans une telle transformation, l'aveugle passion guerrière du premier âge social aurait déterminé depuis longtemps la destruction presque entière de notre espèce». Контъ, Philosophie positive, 53 leçon.

2) «Servi autem ex eo appellati sunt quod imperatores captivos vendere ac per hoc servare nec occidere solent». Юстиніанъ, Inst. I lit. 3. § 3. Но слово *servus* вовсе не одного происхожденія съ словомъ *servare*; въ сущности, оно родственно Гомерическому *Εἰρερος* и глаголу *Εἶρω*, однородному съ латинскимъ *sero*. Не мѣшаетъ замѣтить, что англійское слово *slave* (рабъ) употреблялось первоначально для обозначенія національности; такъ назывались славяне, появившіе въ плѣнъ къ германцамъ и обращенные ими въ крѣпостное состояніе. «Отъ Эвксинскаго порта до Адриатики, въ качествѣ военнопленныхъ или рабовъ... они (т. е. славяне) распространились по всей странѣ; случай или злой умыселъ измѣнили значеніе національнаго имени, и слово *slave* (отъ *слава*) стало обозначать — рабъ». Гиббонъ, *Decline and Fall*, ch. I v (Рус. пер.).

ствомъ завоеваній—къ чему, въ сущности, и сводились эти стремленія; во вторыхъ, что будто-бы оно принуждало плѣнныхъ, потомки которыхъ, мало по малу, составили большинство населенія покорившей ихъ страны, вести дѣятельную, трудовую жизнь, несмотря на отвращеніе къ правильной и продолжительной работѣ, присущее человѣческой природѣ, въ особенности въ раннихъ стадіяхъ социальнаго развитія, когда беззаботность является чуть ли не общей характерной чертой, а освобожденіе отъ всякой отвѣтственности—желаннымъ и благодѣтельнымъ. Впрочемъ, съ такими предположеніями согласны далеко не всѣ социологи.

Относительно этой послѣдней заслуги рабства слѣдуетъ замѣтить, что производительная промышленность не создавалась лишь добровольными усиліями человѣка; во всѣхъ, сколько нибудь извѣстныхъ намъ странахъ, сильный принуждалъ къ труду слабого, и привычка трудиться воспитывалась въ народѣ только строгой дисциплиной насилія ¹⁾. Съ первобытной точки зрѣнія, свободный человѣкъ, который въ то время былъ непременно воиномъ, и рабъ—были союзниками, одновременно выполнявшими различныя функціи и взаимно дополнявшими другъ друга: каждый былъ необходимъ для поддержанія жизни и дѣятельности другаго, и слѣдовательно, оба, безъ всякихъ столкновеній и соперничества, работали на пользу общую. Въ современномъ же рабствѣ въ колоніяхъ, гдѣ занятія господъ и рабовъ болѣе или менѣе одинаковы, существованіе класса рабовъ, не освобождая хозяевъ настолько, чтобы они могли съ пользою приложить свои силы на другомъ поприщѣ служенія обществу, только оберегаетъ самодовольный покой и благосостояніе нѣкоторыхъ, обрекая въ то-же время другихъ на праздность и нищету.

¹⁾ Въ данномъ случаѣ авторъ несомнѣнно заблуждается, приписывая рабству такія заслуги, въ какихъ оно не повинно. Есть мѣстности, гдѣ рабства никогда не существовало, хотя «правильныя и продолжительныя работы» представляютъ общее правило. Пр. р е д.

Дѣятельность военнаго сословія въ Греціи была безсистемна, часто безцѣльна, и, за исключеніемъ сопротивленія Персіи, закончившагося походомъ Александра, не дала, въ сущности, никакихъ результатовъ. Только въ Римской имперіи это сословіе выполнило социальную миссію, оправдывающую его существованіе; Римъ-же былъ главнымъ рассадникомъ рабства, во все время выполненія этой миссіи. Лишь только побѣдное шествіе Римлянъ и сопровождающее его присоединеніе къ нимъ покоренныхъ народовъ достигли своихъ естественныхъ предѣловъ, рабство начало видоизмѣняться; когда-же имперія распалась на отдѣльныя государства, разившіяся подъ ея охраной, и система обороны, характеризующая средніе вѣка, замѣнила наступательную систему древнихъ, рабство постепенно исчезло, уступивъ мѣсто крѣпостному или ленному праву, которое, въ свою очередь, съ развитіемъ современной промышленной жизни, уступило мѣсто личной свободѣ.

Контъ доказалъ ¹⁾, что политеизмъ и осѣдность распространялись одновременно и что образованіе осѣдлыхъ общинъ непременно влекло за собою политеизмъ, какъ религію; изъ этого мы можемъ заключить, что появленіе политеистическихъ ученій соответствуетъ, по времени, введенію систематическаго рабства. И дѣйствительно, между ними существуетъ естественное соотношеніе, такъ-же какъ между фетишизмомъ и убіеніемъ плѣнныхъ, между монотеизмомъ и свободой. Фетишизмъ, какъ религія строго мѣстная (племенная), не могъ связать побѣжденныхъ и побѣдителей никакими духовными узами, способными противостоять импульсу разрушенія и потому требовалъ истребленія плѣнныхъ. Но каждая форма политеизма обладаетъ извѣстной степенью приспособляемости и не вполне исключаетъ другія формы: по-

1) Phil. р. о. L. 52. L. 53—мастерской трактатъ о древнемъ политеизмѣ вообще.

этому въ религіозныхъ понятіяхъ побѣдителей и побѣжденныхъ оказывалось достаточно общаго, чтобы между господиномъ и рабомъ могла установиться извѣстная гармонія привычекъ, но въ то же время и достаточно разницы, чтобы поддерживать ихъ на приличномъ разстояніи другъ отъ друга. Самое покореніе побѣжденнаго уже показывало, что его боги находятся на низшей ступени достоинства, и этого было достаточно, чтобы оправдать и освятить его подчиненное состояніе.

Подобное-же соотношеніе существуетъ между рабствомъ и сляніемъ духовной и свѣтской властей. характеризующимъ древность. Строгая и стойкая внутренняя дисциплина обществъ, проникнутыхъ воинскимъ духомъ, подкрѣплялась соединеніемъ матерьяльнаго господства съ религіознымъ авторитетомъ. Это соединеніе, особенно въ области домашнихъ отношеній, давало власти господина санкцію свыше и въ то-же время избавляло его отъ вмѣшательства въ его поступки жрецовъ, что неминуемо подорвало-бы его авторитетъ. Вездѣ, гдѣ рабство, являясь результатомъ завоеваній, существовало наравнѣ съ монотеизмомъ, мы встрѣчаемъ также и соединеніе властей; въ принципѣ, оно противно монотеизму, но иногда, въ силу особыхъ условій, уживается съ нимъ.

До сихъ поръ мы разсматривали политическіе результаты древняго рабства и нашли, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно было не только полезно, но и неизбѣжно. Но если мы разсмотримъ это учрежденіе относительно его нравственнаго воздѣйствія на человѣчество, при всемъ стараніи избѣгать преувеличеній, мы должны будемъ признать, что оно имѣло крайне пагубное вліяніе, какъ на рабовъ, такъ и на господъ. Благодѣтельныя послѣдствія привычки къ труду парализовались для раба тѣмъ, что въ немъ не могло развиваться чувство человѣческаго достоинства, которое есть основаніе всякой нравственности; такъ какъ никто не давалъ себѣ труда заботиться о воспитаніи понятій и чувствъ раба, а слишкомъ

часто онъ былъ лишень и естественнаго воспитанія, вытекающаго изъ нормальныхъ семейныхъ отношеній. На нравственность господъ—личную, семейную и общественную—рабство также оказало самое печальное вліяніе.

Привычка къ абсолютному господству, вообще опасная для нашей природы, особенно пагубно дѣйствовала тамъ, гдѣ это господство сказывалось въ каждой мелочи житейскаго обихода и гдѣ ничье вмѣшательство извнѣ не могло помѣшать господину распоряжаться по своей прихоти чувствами и судьбой своихъ подчиненныхъ. Подвергая господина разрушительному дѣйствию мести, рабство уничтожало въ немъ способность сдерживаться и владѣть собой—первое условіе нравственнаго совершенствованія. Въ семьѣ рабство потворствовало и способствовало распущенности нравовъ; рабыни силою и рядомъ падали жертвами животной страсти господина или же развращались, едва выйдя изъ дѣтства. Оно вносило разладъ въ супружескія отношенія, компрометируя достоинство и разрушая счастье жены. Оно въ раннемъ возрастѣ подтачивало цѣломудріе сыновей, и общій уровень чувствъ и понятій молодого поколѣнія понижался, благодаря его интимнымъ сношеніямъ съ презираемымъ и униженнымъ классомъ. Особенно-же сильно отражалась эта воспитанная семьею привычка къ жестокому или, по крайней мѣрѣ, суровому отношенію къ низшимъ, въ нравственности общественной. Юмъ указываетъ намъ на то, какъ «мало человѣчности наблюдается у людей, привыкшихъ съ дѣтства безконтрольно властвовать надъ подобными себѣ и попирая ногами человѣческую природу.... Суровые, даже варварскіе нравы древнихъ временъ объясняются всего удовлетворительнѣе привычкой къ домашнему рабству, благодаря которому всякій знатный человѣкъ дѣлался маленькимъ тираномъ и воспитывался среди мести, угодаливости и низкопоклонства своихъ рабовъ ¹⁾).

1) Essay on the Populousness of Ancient Nations.

Да и какъ иначе объяснить эти двѣ прискорбныя черты характера древнихъ — суровость и жестокость, проявившіяся не только въ частыхъ политическихъ звѣрствахъ, но и въ общественныхъ развлеченияхъ, и обезображивавшіе нравственный образъ лучшихъ типовъ, какіе даетъ намъ древняя исторія? Прискорбныя послѣдствія рабства, описанныя нами, разумѣется, не были повсемѣстнымъ явленіемъ; какъ между господами, такъ и между рабами встрѣчаются замѣчательныя исключенія— примѣры доброжелательнаго покровительства съ одной стороны и безкорыстной преданности съ другой ¹⁾. дѣлающія честь человѣческой природѣ, но все-же дурные результаты неизмѣримо перевѣшивали хорошіе.

ГЛАВА II.

Рабство въ древней Греціи.

Разсмотрѣвъ политическое и нравственное воздѣйствіе на чловѣчество древняго рабства вообще, обратимся теперь къ изученію этого учрежденія въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало собственно у Грековъ и Римлянъ.

Въ Гомерической періодъ рабство является уже вполне установленнымъ фактомъ. Побѣдитель обращаетъ военнопленныхъ ¹⁾ въ рабовъ, или продаетъ ихъ ²⁾, или возвращаетъ роднымъ за извѣстный выкупъ ³⁾. Иногда въ завоеванномъ городѣ или области побѣдители убиваютъ всѣхъ мужчинъ, а женщинъ уводятъ въ плѣнъ ⁴⁾. Нерѣдко пираты захватывали въ плѣнъ свободныхъ людей и продавали ихъ въ другія страны (Эвмей въ Одиссеѣ). Такимъ образомъ рабъ по происхожденію могъ быть равенъ своему господину, и та-же судьба могла постигнуть этого послѣдняго или кого-нибудь изъ членовъ его семьи. У Гомера рабство не является особенно суровымъ, тѣмъ болѣе, если мы примемъ въ соображеніе

1) Δμῶς, излюбленный терминъ, употребляемый Гомеромъ для обозначенія раба, происходитъ отъ корня δμᾶ, отсюда δαμῶω, и означаетъ собственно: чловѣкъ, побѣжденный въ бою и лишенный свободы. Δούλος не встрѣчается у Гомера, но мы находимъ у него женскій родъ этого слова δούλη (Od., iii, 12) и производныя δούλιος и δουλοπύχη.

2) Илиада, XXIV. 752.

3) Ib., VI. 427.

4) Одиссея, IX 40.

(по указанію Грота), что «все́ классы общества были почти на одномъ уровнѣ вкусовъ, чувствъ и образованія». Рабы мужнины обрабатывали землю и присматривали за скотомъ; рабыни занимались домашнимъ хозяйствомъ, руководѣлемъ и прислуживали своей госпожѣ. Часто рабы пользовались полнымъ довѣріемъ своего господина; на нихъ возлагались весьма важныя обязанности; за долготѣною и усердною службою ихъ отпускали на волю, награждая при этомъ домами и помѣстьями ¹⁾. Миѣніе Грота, что женщины рабыни находились въ болѣе печальномъ положеніи, чѣмъ рабы мужнины, повидимому, несомнѣтельно, за исключеніемъ, развѣ, алетридъ, размалывавшихъ зерно на ручныхъ мельницахъ и приготавливавшихъ муку для домашняго потребленія; эти рабыни, у жестокихъ хозяевъ, дѣйствительно, иногда изнемогали подъ бременемъ непосильнаго труда ²⁾. Часть земледѣльческихъ работъ выполнялась иногда наемными рабочими (тэтами); то были свободные люди, но жалкіе бѣдняки, нанимавшіеся почти исключительно къ мелкимъ землевладѣльцамъ; древніе поэты отзываются о нихъ съ презрѣніемъ, какъ о паряхъ ³⁾. Не имѣя могущественнаго покровителя и завися отъ случайной работы, эти люди могли позавидовать положенію обыкновенныхъ рабовъ, хотя Гомеръ и находить участь послѣднихъ горчайшею ⁴⁾; надо принимать во вниманіе, что въ его описаніяхъ неизбѣжнымъ элементомъ является переходъ къ неволѣ отъ болѣе высокаго общественнаго положенія. Въ знаменитой пѣснѣ ⁵⁾ онъ прекрасно характеризуетъ чувство нравственнаго униженія, испытываемоеобыкновенно рабомъ.

И все же для насъ въ высшей степени важно изучить рабство въ древней Греціи, о которой мы имѣемъ много

1) Одиссея, XIV. 64.

2) *Ib.*, XX. 110—119.

3) *Ib.*, XI. 490.

4) Одиссея, XIII. 528; Илиада, XIX. 302.

5) Одиссея, XVII. 322.

документальныхъ свѣдѣній, и въ особенности въ Аѳинахъ, гдѣ греческая цивилизація достигла своего апогея. Спарта въ этомъ отношеніи имѣетъ свои особенности и должна быть разсмотрѣна особо.

Источниками рабства въ Греціи были:

1. Рожденіе, такъ какъ неволя была наследственной. Это былъ источникъ не обильный, ибо рабынь насчитывалось значительно меньше, чѣмъ рабовъ, и мудрый господинъ разрѣшалъ своимъ рабамъ вступать между собою въ бракъ скорѣе въ видѣ награды за усердную службу, чѣмъ въ видахъ спекуляціи ¹⁾. Вообще, дешевле было купить раба, чѣмъ воспитывать его до того возраста, когда онъ станетъ годенъ къ работѣ.

2) Продажа дѣтей свободными родителями, терпимая повсюду, за исключеніемъ Аттики ²⁾, и подкидышаніе ихъ, дозволенное вездѣ, кромѣ Фивъ ³⁾. Результатомъ послѣдняго являлось иногда развращеніе дѣвочекъ, какъ это мы видимъ въ комедіяхъ Плавта и Теренція, какъ извѣстно, рисовавшихъ не римскіе, а греческіе нравы.

3) Законъ. Въ Аѳинахъ, до Солона, несостоятельный должникъ дѣлался рабомъ кредитора. Аѳинскіе вольноотпущенники и метэки, т. е. проживающіе въ Аѳинахъ иностранные подданные, не выполнившіе своихъ обязательствъ по отношенію къ государству, продавались въ рабство, точно такъ-же, какъ и заѣзжіе чужестранцы, обманомъ присвоившіе себѣ права гражданъ.

4) Взятіе въ плѣнъ. Рабами становились не только

1) Ксен. СЕсop, IX, 5.

2) Законы Солона ограничивали это родительское право правомъ отца продать дочь, обезчестившую себя незаконной связью.

3) Въ Фивахъ существовалъ законъ, воспрещавшій подкидывать дѣтей, но позволявшій отцу, страдавшему подъ гнетомъ крайней нищеты, принести свое новорожденное дитя городскимъ властямъ, которые и продавали его; причемъ покупатель, непременно гражданинъ, принималъ на себя обязательство воспитать ребенка и за это получалъ право считать воспитанника своимъ рабомъ.

плѣнные Азіаты или Фракійцы, но во многихъ войнахъ между греческими государствами, на континентѣ или въ колоніяхъ, сами греки попадали въ рабство къ своимъ-же соотечественникамъ. Такимъ образомъ, спартанцы оказывались рабами въ Тегей, а Гелонъ продалъ и выселилъ изъ отечества всѣхъ обитателей *Hyblaean Megara*. Въ Платей, въ Сикіонѣ, въ Мелосѣ, мужчины были перебиты или отправлены въ изгнаніе, а женщины обращены въ рабство. Аѳиняны, послѣ неудачнаго окончанія ихъ экспедиціи, продавали на о. Самосѣ и въ Спидлію. Въ борьбѣ партій на Корцирѣ, каждая партія, въ періодъ своего торжества, осуждала другую на смерть или рабство. Калликратидъ возсталъ противъ порабощенія грековъ греками же, но самъ первый измѣнилъ своему убѣжденію; зато Энаминондъ и Целопидъ, повидимому, всю жизнь оставались вѣрны ему. Финингъ продалъ захваченныхъ въ плѣнъ Олиноійцевъ, а послѣ взятія Фивъ Александромъ, продано было, говорятъ, около 30,000 женщинъ и дѣтей.

5) Морское разбойничество и похищеніе дѣтей. Нанаденія пиратовъ на берега постоянно грозили опасностью жителямъ; продавалъ-ли пиратъ своихъ плѣнныхъ, или бралъ съ нихъ выкупъ, онъ всегда оставался въ выигрышѣ. Выкупленный плѣнный, по Аѳинскому закону, становился рабомъ своего избавителя и оставался имъ до тѣхъ поръ, покуда не возвращалъ заплаченныхъ за него денегъ или не отработывалъ ихъ. Похитители дѣтей (*andrapodistae*) съ успѣхомъ дѣйствовали даже и въ городахъ и воспитывали украденныхъ дѣтей, какъ рабовъ. Война, пираты, кража дѣтей—словомъ, опасность сдѣлаться рабомъ грозила каждому греку; надъ головою его всю жизнь висѣлъ Дамокловъ мечъ рабства ¹⁾.

¹⁾ Напомнимъ замѣчательное мѣсто въ книгѣ Адама Смита, «Теорія нравственныхъ чувствъ» (Рус. пер.), ч. VII, сек. II, гдѣ, объясняя, почему древніе считали, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, самоубійство дозволи-

6) Торговля. Помимо продажи рабовъ, являвшейся результатомъ захвата городовъ и вообще войны, въ Греціи производилась и систематическая торговля рабами. Закупали ихъ въ Сириі, Понтѣ, Фригіи, Лидіи, Галатіи, Пафлагоніи и, въ особенности, во Фракіи. Египетъ и Эфіопія также поставляли значительное число рабовъ, а отчасти и Италия. Изъ иностранцевъ, цѣнились дороже другихъ азіаты, какъ наиболѣе послушные и знакомые со всѣми ухищреніями утонченной роскоши. Но выше всѣхъ цѣнились греки, которыхъ сбывали главнымъ образомъ за границу. Собственно Греціи и Іоніи снабжали наложницами, музыкантшами и пѣвицами гаремы избалованныхъ восточныхъ государей. Важнымъ рынкомъ работорговли были Аѳины, причѣмъ городъ взималъ извѣстный налогъ съ каждой продажи; но главными центрами ея были Кипръ, Самось, Эфесъ и, въ особенности, Хіосъ. Въ позднѣйшее время приобрѣлъ большое значеніе также

225/41

тедьнымъ и даже необходимымъ, авторъ указываетъ на присущее всѣмъ грекамъ чувство неувѣренности и тревоги, обусловленное самымъ строемъ греческой жизни. «Всѣ греческія республики», говоритъ онъ, «у себя дома страдали отъ крамолы и жестокихъ распрей, а внѣ вели кровавыя войны съ сосѣдями, причѣмъ каждая стремилась не только захватить въ свои руки власть и господство, но также уничтожить съ корнемъ всѣхъ своихъ враговъ, или, что не менѣе жестоко, обратить ихъ въ худшее изъ всѣхъ состояній, свойственныхъ человѣку, въ состояніе домашняго рабства; мужчины, женщины и дѣти продавались на рынокъ, какъ скоть, тому, кто дастъ больше. Большинство этихъ мелкихъ государствъ были такъ малы, что каждое изъ нихъ подвергалось весьма вѣроятной опасности испытать на себѣ всѣ ужасы бѣдствія, на которое оно обрекало, или, по крайней мѣрѣ стремилось обречь своего сосѣда. При такой неурядицѣ, даже полная невинность, въ соединеніи съ высокими положеніемъ и важными заслугами обществу, не могла внушить человѣку увѣренности въ томъ, что когда нибудь, въ случаѣ, если въ государствѣ возьметъ перевѣсъ враждебная ему партія, его не оторвутъ отъ семьи, родныхъ и согражданъ, и не подвергнутъ самому жестокому и поворному наказанію. Если онъ попадалъ въ плѣнъ во время войны, или если враги захватывали его родной городъ, онъ подвергался, если возможно, еще худшимъ оскорбленіямъ и обидамъ.. Всякій греческій патріотъ и герой не могъ не сознать опасности своего положенія и долженъ былъ приучить себя къ мысли, что его ждутъ всевозможныя бѣдствія».

Делось; рассказываютъ, что тамъ, втеченіе одного дня, продавалось иногда до десяти тысячъ рабовъ.

* Торговля рабами очень распространеннымъ явленіемъ въ древнемъ мірѣ. Она особенно поддерживалась въ государствахъ, гдѣ господствовали внутреннія войны и разныя злоупотребленія царской и родительской властью. Всѣ греческія колоніи посылали на рынки цѣлыя толпы рабовъ.

Особенно цѣнились греками рабы восточные, еще на родинѣ привыкшіе къ послушанію. Сами греки, по требованію сластолюбивыхъ азіатскихъ государей, посылали на востокъ, для ихъ удовольствій и празднествъ, своихъ дѣтей. Въ постыдной торговлѣ людьми соперничали съ греками сирійскіе и другіе иностранные купцы. Они являлись въ завоеванные города или вѣдѣ за побѣдителями, или даже и въ мирное время, рассчитывая на силу золота съ одной стороны и силу нищеты съ другой. Часто покупали для перепродажи молодыхъ дѣвушекъ и торговали ихъ невинностью, всячески заботясь, ради собственной выгоды, о сохраненіи ихъ молодости и красоты.

При продажѣ купцы всегда старались показать товаръ въ возможно лучшемъ видѣ, выставляя его достоинства и скрывая недостатки. Для привлеченія вниманія публики, рабовъ одѣвали въ блестящія платья; безобразныхъ вродѣ Эзопа, ставили такъ, чтобы ихъ безобразіе еще болѣе поддерживало красоту и статность стоящихъ рядомъ. Рабъ, на которомъ останавливалось вниманіе покупателя, выступалъ изъ рядовъ и, подобно домашнему животному, подвергался самому тщательному осмотру, до глазъ и рта включительно. Его раздѣвали, осматривали, ощупывали, заставляли ходить, прыгать, бѣгать, какъ это дѣлають съ лошадьми, и вообще проявлять

---

*) Текстъ, заключенный между звѣздочками (*) представляетъ дополненія, сдѣланныя изъ книгъ Tourmagne (Hist. de l' esclavage, Hist. de servage), Wallon; Aubé, Boissier, Duruy и др.

свою ловкость и всё свои таланты подъ сверкающимъ взоромъ и угрожающимъ кнутомъ хозяина. Были извѣстные пороки, за которые рабовъ возвращали обратно. По окончаніи торго несчастный слѣдовалъ за своимъ новымъ господиномъ, оставляя навсегда въ неизвѣстности жену и дѣтей.

Въ Аѳинахъ продажа рабовъ производилась на площади среди огороженнаго пространства, гдѣ, по словамъ Гезихія «продавали домашнюю утварь и тѣла» (рабовъ). Хозяева употребляли разныя усилія, чтобы вытравить въ рабахъ все человѣческое и тѣмъ легче низвести ихъ до животныхъ на этомъ гнусномъ рынкѣ.

Рабы, какъ предметъ купли и продажи, имѣли свою стоимость, которая для рабовъ труда зависѣла отъ рола ихъ занятій, а для рабовъ роскоши и удовольствія—отъ каприза или фантазіи покупателя. Безобразный и бесполезный рабъ, какъ Эзонъ, стоилъ по преданію 60 оболовъ (3 рубля). Рабы роскоши и удовольствій цѣнились дороже всѣхъ остальныхъ; далѣе слѣдовали рабы, занимающіеся какими нибудь промыслами и, наконецъ, работавшіе на поляхъ, на мельницахъ и въ рудникахъ. По Ксенофонту рудоконь приносили своему господину по одному оболу чистаго дохода ежедневно. Если считать по 20 % на капиталъ,—а таковъ былъ дозволенный закономъ процентъ того времени,—то выходитъ, что подобный рабъ стоилъ 75 рублей. Такова же была цѣна полевого и городского раба въ періодъ Пелопонесскихъ войнъ. Рабы ремесленники стоили приблизительно вдвое дороже: 3—4 мины (91—121 р.), а главные мастеровые 5—6 минъ (152—218 рублей), смотря по роду занятій. Рабы просвѣщенные, какъ софисты, продавались за 10—15 минъ (304—451 руб.), а рабы роскоши и удовольствій 20—30 минъ (609—919 руб.). Одна коринфская куртизанка куплена за 919 рублей. Но при продажѣ большими партіями средняя цѣна всякаго раба безъ различія была 2—5 минъ (61—152 рубля). Во времена Филиппа, когда цѣны вообще

возвысились, выкупъ солдата равнялся 4-мъ минамъ, выкупъ Платона—700 р. Цѣна ученаго во времена Демосфена равнялась цѣнѣ лошади. При предложеніи, значительно превышающемъ спросъ, цѣна иногда падала невѣроятно низко. Такъ во Фракіи, случалось, людей вымѣнивали на соль. *

Рабы исполняли всевозможныя домашнія работы—завѣдывали хозяйствомъ, прислуживали за столомъ, составляли личную свиту ¹⁾, исполняли обязанности нянекъ, грумовъ и т. д. Большая часть земледѣльческихъ работъ также выполнялась рабами. До Перикла, землевладѣльцы Аттики жили въ своихъ помѣстьяхъ. Пелопонесская война измѣнила этотъ порядокъ вещей: помѣщики переселились въ Аѣны, и сельское хозяйство перешло въ руки рабовъ, причемъ одному изъ нихъ нерѣдко поручалось управленіе фермой и даже цѣлымъ имѣніемъ. Въ области промышленности и торговли трудъ рабовъ также постепенно вытѣснилъ свободный трудъ. Спекуляторы или сами эксплуатировали своихъ рабовъ-ремесленниковъ или торговыхъ и банковыхъ агентовъ, часто поручая имъ важныя дѣла и крупныя цѣнности; или-же отдавали ихъ внаймы—то для работъ въ рудникахъ и на фабрикахъ, то для службы въ частныхъ домахъ, въ качествѣ поваровъ, флейтистовъ и т. д., или-же для болѣе низкихъ цѣлей. Были также рабы общественныя; одни изъ нихъ принадлежали храмамъ, которымъ они были поднесены въ даръ—между ними куртизанки, исполнявшія обязанности гіеродуль въ Коринѣ и Эриксѣ, въ Сициліи; другіе состояли на службѣ у городскихъ правленій, финансовыхъ компаній и т. д., или же употреблялись для

---

¹⁾ При выходѣ изъ дому и въ путешествіи, господина и госпожу непременно сопровождали одинъ или нѣсколько человекъ рабовъ. Уже во времена Гомера, женщина не выходила изъ дому безъ свиты изъ двухъ служанокъ. Въ Аѣпахъ, мальчиковъ отправляли въ школы и гимназіи въ сопровожденіи раба—т. наз. педагога.

общественныхъ работъ. Въ Аѳинахъ до 1200 стрѣлковъ, носившихъ имя Скифовъ, (хотя, безъ сомнѣнія, не всѣ они были одной національности) составляли городскую полицію; рабы служили также въ арміи и во флотѣ—обыкновенно, какъ чернорабочіе, въ исключительныхъ случаяхъ, какъ солдаты.

* Вообще говоря, въ своей общественной и домашней жизни Греки пользовались рабами для всевозможныхъ занятій, начиная съ самыхъ позорныхъ и унижительныхъ и кончая самыми благородными. Рабы служили евнухами, проститутами; привязанные у дверей, они замѣняли сторожевыхъ собакъ; рабы гребли на галерахъ, работали въ рудникахъ, въ случаѣ крайней опасности даже ходили на войну. Кромѣ того, они служили средствомъ существованія и наживы для многихъ гражданъ и въ качествѣ непосредственнаго предмета торговли. Торговля ихъ профессіями была очень распространена. Такъ многіе посылали практиковать своихъ рабовъ—врачей отъ своего имени и въ свою пользу. Иногда рабы возвышались до званія ученыхъ и философовъ. Протагоръ былъ носильщикомъ, когда Демокритъ открылъ въ немъ философа по его манерѣ складывать дрова. По зову богача, молодые сладострастные дѣвушки плясали вокругъ гостей, а дѣти, выдрессированныя недостойными учителями, изображали, почти голыя, разныя нескромныя сцены. Ксенофонтъ, не смущаясь, выводитъ подобную сцену на ширю, гдѣ фигурируетъ между прочимъ и Сократъ. Нерѣдко граждане покупали рабынь—куртизанокъ, а Солонъ покупалъ женщинъ для основанія въ Аѳинахъ домовъ терпимости. Храмы тоже владѣли не только рабынями (гіеродулы), но и рабами, извѣстными подъ священнымъ именемъ гіеродуловъ.. Эти рабы жертвовались частными лицами изъ благочестія или изъ тщеславія. * Ксенофонтъ Эфесскій, отправляясь на Олимпійскія игры, обѣщаетъ въ случаѣ побѣды принести молодыхъ дѣвушекъ въ даръ Венерѣ своего отечества. Объ исполненіи

этого обѣта свидѣтельствуешь такой нетлѣнный и вѣчный памятникъ, какъ пѣсни Пиндара.

Города и республики такъ же, какъ и отдѣльныя лица, владѣли рабами труда и рабами удовольствій. Нерѣдки случаи, когда рабы становились даже повѣренными господина. Подобныя положенія, обусловливаемые рѣдкимъ достоинствомъ или рѣдкимъ счастьемъ, смягчали суровую долю раба и подавали надежду на освобожденіе и даже на полную свободу.

Число рабовъ въ Греціи, или хотя-бы въ самыхъ Аѳинахъ, трудно опредѣлить даже приблизительно. Атеней (VI. 20), опираясь на авторитетъ Ктезикла, утверждаетъ, будто, по народной переписи при Деметріи Фалерѣ, въ 309 г. до Р. X. въ Аѳинахъ насчитывалось 21,000 гражданъ, 10,000 метэковъ (постоянно живущихъ въ городѣ иностранцевъ) и 400,000 рабовъ. Тотъ-же авторъ сообщаетъ, что въ Коринфѣ было до 460,000 рабовъ, а въ Эгинѣ 470,000. Юмъ, въ своемъ «*Essay on the Populousness of Ancient Nations*», находитъ это утвержденіе Атеней относительно Аѳинъ совершенно невѣроятнымъ; онъ говоритъ, что число рабовъ преувеличено по крайней мѣрѣ въ 10 разъ и что ихъ не могло быть болѣе 40,000. Воескh и Letronne специально занимались изученіемъ этого вопроса. Первый опредѣлилъ число рабовъ въ Атикѣ въ 365,000; второй въ 100,000 или 120,000. M. Walopp, разсматривъ работы этихъ ученыхъ, дополнилъ ихъ своими собственными примѣчаніями ¹⁾. По его мнѣнію, число рабовъ, употребляемыхъ во всей Атикѣ для домашнихъ работъ, равнялось 40,000; для земледѣльческихъ работъ—35,000; въ рудникахъ—10,000; въ промышленности и торговлѣ—20,000. Къ этому надо прибавить 6,000 стариковъ и 20,000 дѣтей

¹⁾ Докторъ W. Richter (*Die Slaverie im griechischen Alterthume*, 1886) признаетъ справедливость увѣренія Атеней; его поддерживаетъ также Büchenschütz въ своемъ прекрасномъ сочиненіи *Besitz und Erwerb im griechischen Alterthume*.

до двѣнадцатилѣтняго возраста, а также общественных рабовъ, изъ которыхъ, какъ намъ уже извѣстно, 1200 скифскихъ стрѣлковъ составляли аѳинскую полицію. Въ концѣ концовъ снѣ приходится къ заключенію, что количество рабовъ въ Атикѣ колебалось между 188,000 и 203,000 душъ; число свободныхъ гражданъ достигало 67,000, а метѣковъ 40.000. Слѣдовательно, между рабами и свободнымъ населеніемъ существовало отношеніе 3 : 1. Хотя Воескіи и подтверждаетъ данныя Атеней относительно Коринфа и Эгины, все же эти данныя кажутся преувеличенными; по крайней мѣрѣ Клинтонъ и М. Валлонъ отвергаютъ ихъ; подлинныя цифры были, безъ сомнѣнія, значительны, но мы не имѣемъ возможности опредѣлить ихъ даже приблизительно. Ближе всѣхъ къ этимъ городамъ, по количеству рабовъ, стояли—на континентѣ, Мегара, а изъ острововъ—Хіосъ и Родосъ. Милетъ, Фокея, Тарентъ, Сибарисъ, Цирена также владѣли значительными количествами рабовъ. Пока оставляемъ въ сторонѣ Спарту, гдѣ плоты были поставлены въ особыя условія и не могли идти въ сравненіе съ рабами въ другихъ греческихъ общинахъ.

* Богатые аѳинскіе граждане, по сообщенію Платона, владѣли болѣе чѣмъ 50-ю рабами, которыхъ они употребляли для разныхъ домашнихъ услугъ. На этомъ основаніи Демокритъ говорилъ, что онъ пользуется рабами, какъ членами своего тѣла, каждымъ для извѣстной надобности. Ксенофонтъ утверждаетъ, что въ рудникахъ нѣкоторыхъ изъ его согражданъ работало по 300, 600 и по 1000 рабовъ. Но Греки, избѣгая особеннаго блеска, умеренно пользовались рабами при своихъ выходахъ. Было въ обычаѣ, чтобъ за господиномъ всегда слѣдовалъ одинъ рабъ; не имѣть возлѣ себя ни одного раба считалось признакомъ бѣдности, а имѣть троихъ было уже доказательствомъ роскоши. Вообще нужно замѣтить, что количество рабовъ въ домашнемъ обиходѣ не переходило извѣстныхъ предѣловъ. Греки, во главѣ съ Ари-

стотелемъ, находили, что большое количество слугъ скорѣе обременительно, чѣмъ полезно, и потому ихъ дома не походили въ этомъ отношеніи на дома знатныхъ римскихъ гражданъ, представлявшіе изъ себя настоящіе дворцы. У Аристотеля было 13 рабовъ, изъ которыхъ 5 онъ завѣщалъ освободить, 8 отказалъ по завѣщанію, а остающихся еще нѣсколько человѣкъ дѣтей запретилъ продавать и велѣлъ воспитать и освободить впоследствии сообразно ихъ достоинству. Теофрастъ, глава школы послѣ Аристотеля, владѣлъ девятью рабами; 5 онъ освободилъ, 3 подарилъ, а послѣдняго продалъ. При Филиппѣ число рабовъ въ домахъ дѣлается больше. Общественное мнѣніе смотритъ на обладаніе рабами, какъ на положительную необходимость. Лукіанъ смѣется надъ тѣми, которые сами мѣсятъ муку и сами несутъ въ баню сосудъ съ масломъ. *

Положеніе рабовъ въ Аѳинахъ было, въ общемъ, не особенно печально ¹⁾. Демосфень ²⁾ говоритъ, что если бы варвары, продавшіе рабовъ, узнали, какъ мягко обходятся съ ними новые владѣльцы, они прониклись-бы большимъ уваженіемъ къ Аѳинянамъ. Плавтъ въ своихъ пьесахъ нѣсколько разъ ³⁾ находитъ себя вынужденнымъ пояснить зрителямъ, что рабы въ Аѳинахъ пользуются такими привилегіями и даже вольностями, которыя, несомнѣнно, должны удивлять зрителей—римлянъ. Существовалъ извѣстный ритуаль для введенія раба въ исполненіе его

1) См. приложение къ этой главѣ, изъ котораго видно, что относителная точка зрѣнія, усвоенная Ингремомъ, мѣшаетъ видѣть нѣкоторыя темныя стороны рабства. П р. р е д.

2) In Mid. стр. 530.

3) Въ Stich., 446 : —

Atque id ne vos miremini, homines servulos.

Potare, amare, atque ad cenam condicere.

Licet hoc Athenis nobis.

Демосфень увѣряетъ, что рабы въ Аѳинахъ пользовались большей свободой слова, чѣмъ граждане въ другихъ государствахъ. Фил., III, стр. 111.

обязанностей въ семьѣ. * Рабъ, входя въ первый разъ въ домъ своего господина, садился у очага, а хозяйка дома высыпала надъ его головой сушеные плоды и лакомства, выражая пожеланія, чтобъ эти издержки не пропали даромъ. Этотъ обрядъ какъ бы имѣлъ цѣлью расположить раба къ дому хозяина. * Если не законъ, то практика дозволяла ему имѣть собственность и увеличивать ее посредствомъ пріобрѣтенія; обычай признавалъ его бракъ законнымъ. Вообще, рабы не могли присутствовать при священныя церемоніяхъ и общественныхъ жертвоприношеніяхъ, но они принимали участіе въ домашнихъ торжествахъ и допускались въ религіозныя собранія частнаго свойства; имъ разрѣшено было принимать участіе въ нѣкоторыхъ народныхъ празднествахъ ¹⁾; для нихъ даже были установлены особыя празднества, какъ въ Аѣинахъ, такъ и въ другихъ большихъ центрахъ Греціи. Смертные останки рабовъ покоились въ фамильномъ склепѣ господина; нерѣдко этотъ послѣдній, въ знакъ скорби и признательности, воздвигалъ даже памятники своимъ рабамъ.

Часто между рабами и главой семьи или младшими членами ея существовала тѣсная близость и дружба; хотя слѣдуетъ бояться, что короткость эта обуславливалась не взаимнымъ уваженіемъ, какъ въ героическомъ примѣрѣ Улсса и Эвмея, но наглою самоувѣренностью съ одной стороны и недостойнымъ потворствомъ съ другой; послѣднее имѣло свой *raison d'être* въ унижительныхъ услугахъ, оказываемыхъ рабами. Несмотря на такое, вообще гуманное отношеніе къ рабамъ, Аристофанъ и Плавтъ

¹⁾ Демосф. *In Neoe gami*, стр. 1374. Эта рѣчь принадлежит если не Демосфену, то во всякомъ случаѣ его современнику.

Рабъ, если онъ былъ грекомъ по рожденію, кажется, могъ быть посвященъ даже въ элевзинскія таинства. Рабы принимали участіе въ празднествахъ въ честь Діонисія въ Аѣинахъ. На праздникъ Гермеса на островъ Критъ, имъ прислуживали господа; подобный же обычай существовалъ на празднествахъ въ Трезенѣ.

показываютъ намъ, какъ часто, даже въ домашнемъ обиходѣ, рабы подвергались наказанію кнутомъ. Участіе невольниковъ, работавшихъ въ мастерскихъ, гдѣ надсмотрщики обыкновенно сами выходили изъ рабскаго сословія, вѣроятно, была еще тяжелѣе участіе домашнихъ слугъ; рабовъ, обрабатывавшихъ землю, нерѣдко заковывали въ цѣпи и вообще обращались съ ними не лучше, чѣмъ съ рабочимъ скотомъ. Рабы, возбуждшіе недовольство своего господина, ссылались на болѣе тяжелыя работы, на мельницы или въ рудники. Впрочемъ, они могли найти защиту отъ жестокаго обращенія въ храмахъ, у алгарей боговъ и геросвъ и у священныхъ могилъ. Аѳинскій законъ также до извѣстной степени покровительствовалъ рабу ¹⁾. Демосфенъ ²⁾ хвастаетъ тѣмъ, что рабъ имѣлъ право, какъ и свободный человѣкъ, за личное оскорбленіе притянуть къ суду обидчика; за смерть его отъ руки чужестранца государство мстило, какъ и за смерть гражданца (Эврип., Нес., 228); если господинъ, въ принадлежнѣ гнѣва, убивалъ раба, онъ искупалъ это эпитеміей или даже временнымъ изгнаніемъ. Даже въ томъ случаѣ, когда рабъ убивалъ своего господина, родственники убитаго не имѣли права сами наказывать его: они обязаны были предать его въ руки мѣстныхъ властей и его судили легальнымъ порядкомъ. Рабъ, имѣвшій уважительныя причины быть недовольнымъ своимъ господиномъ, могъ требовать, чтобы его продали другому; въ случаѣ, если онъ предъявлялъ право на свободу, законъ давалъ ему дароваго защитника, а святилища—пріютъ до произнесенія приговора.

Оберегая себя отъ возмущенія рабовъ, хозяева избѣгали соединять невольниковъ, принадлежавшихъ къ одному племени и говорившихъ однимъ языкомъ; для пре-

¹⁾ Въ Гомерическій періодъ, господинъ повидимому имѣлъ абсолютную власть надъ жизнью и смертью своихъ рабовъ. См. Одиссея, IV, 743, XIX, 489.

²⁾ Mid., стр. 530.

дупрежденія побѣговъ, рабовъ иногда заковывали въ цѣпи, и послѣ первой же попытки къ бѣгству, клеймили раскаленнымъ желѣзомъ, чтобы потомъ легче было найти бѣглеца. Государства и отдѣльныя лица, для взаимнаго обезпеченія, заключали между собою условія относительно выдачи бѣглыхъ невольниковъ. Насколько послѣдніе пользовались каждымъ случаемъ для освобожденія, мы видимъ изъ того, что, когда Спартанцы заняли Децелею, изъ Аѳинъ бѣжали и присоединились къ нимъ до 20,000 рабовъ. Возмущенія рабовъ въ коняхъ Лавріума и на островѣ Хиосѣ не разъ принимали значительныя размѣры ¹⁾). При допросѣ рабовъ—и мужчинъ и женщинъ—сплошь и рядомъ прибѣгали къ пыткамъ, разумѣется, съ согласія ихъ хозяевъ; ораторы обыкновенно рекомендовали этотъ способъ, какъ вѣрное средство добиться правды, и только иногда, если того требовали ихъ интересы, начинали утверждать обратное. Различные способы пытки перечислены въ «Лягушкахъ» Аристофана. Если послѣ такого вопроса «съ пристрастіемъ», рабъ оказывался изувѣченнымъ, лицо, потребовавшее пытки, обязано было вознаграждать за это—не его, а его господина.

По соглашенію съ господиномъ, рабъ могъ откупиться на свободу. Освободить раба можно было по завѣщанію; если господинъ желалъ освободить его еще при жизни, онъ приказывалъ глашатому провозгласить объ этомъ въ театрѣ, въ судахъ и иныхъ общественныхъ мѣстахъ, или заносилъ его имя въ общественные списки, или-же, какъ дѣлалось въ позднѣйшее время, продавалъ его тому или другому божеству: такая продажа дѣлала раба не гѣродуломъ, но вольноотпущенникомъ. Иногда отпускъ на волю сопровождался условіями—напр. обязательствомъ оставаться пожизненно или временно въ домѣ прежняго господина, или кого онъ укажетъ; иногда вольноотпущенникъ долженъ былъ нести какую-нибудь специальную

¹⁾ См. дополненіе къ этой главѣ.

службу; права на его заработокъ и наследованіе имущества часто также удерживались господиномъ. Послѣ освобожденія аѳинскій рабъ становился, по отношенію къ государству, — метэкомъ, по отношенію къ своему бывшему господину, — кліентомъ. Получалось нѣчто среднее между рабствомъ и полною свободой. Если вольноотпущенникъ нарушалъ свои обязательства по отношенію къ господину, послѣдній подавалъ на него въ судъ и, въ случаѣ обвинительнаго приговора, недавній свободный гражданинъ опять становился рабомъ. Полноправнымъ гражданиномъ, онъ, подобно иностранцамъ, могъ сдѣлаться только по баллотировкѣ въ собраніи изъ шести тысячъ гражданъ; да и это его избраніе могло быть признано недѣйствительнымъ посредствомъ такъ наз. *graphè raganothn*. Рабы, оказавшіе важныя услуги государству, напр. сражавшіеся при Аргинузѣ и Херонеѣ, принимались въ число гражданъ, въ сословіе т. наз. платейнъ¹⁾. Но повидимому и въ этомъ случаѣ, гражданскія права освобожденнаго раба были ограничены и переходили полностью только къ его дѣтямъ, при условіи брака съ свободной гражданкой. Число вольноотпущенниковъ въ Аѳинахъ никогда не достигало значительныхъ размѣровъ.

Извѣстно, что Аристотель считалъ рабство естественнымъ и необходимымъ, а, при правильной постановкѣ вопроса, не считалъ его и выгоднымъ для обѣихъ сторонъ. Если принять въ соображеніе условія его времени, то, съ политической точки зрѣнія, до нѣкоторой степени онъ былъ правъ. Практическій совѣтъ его таковъ: «Ни обидь, ни фамплярности»²⁾. Рабу всегда слѣдуетъ подавать надежду, что, въ награду за свою службу, онъ будетъ отпущенъ на волю³⁾. Платонъ осуждаетъ обычай Грековъ имѣть у себя рабами своихъ-же единоплеменниковъ; тео-

1) Въ такихъ случаяхъ стоимость раба выплачивалась господину изъ государственной сокровищницы.

2) Платонъ говоритъ то-же: *Legg.* VI. стр. 777.

3) *Polit.* VII, § 9.

рія Аристотеля, уже по самой ещности своей, также не допускаетъ этого обычая. Въ Законахъ Платонъ объявляетъ рабство необходимымъ, но обременительнымъ, и совѣтуетъ, въ интересахъ безопасности хозяевъ, смѣшивать рабовъ разныхъ національностей и хорошо обращаться со всѣми. Но, осуждая жестокость по отношенію къ рабамъ, онъ въ то же время поощряетъ чувства словнаго презрѣнія къ нимъ ¹⁾).

* Платонъ не оправдываетъ рабства, ни отвергаетъ его, а признаетъ, какъ существующій фактъ. Государствамъ, обремененнымъ рабствомъ, онъ противопоставляетъ свою «Республику», гдѣ всѣ государственныя нужды удовлетворяются свободнымъ трудомъ. Платонъ не признаетъ рабства тѣмъ естественнымъ правомъ, въ которомъ старались найти основаніе для его оправданія. Философская мысль Платона свободна отъ этого общественнаго предразсудка. Въ его политической теоріи философъ преобладаетъ надъ государственнымъ человѣкомъ. Въ теоріи же Аристотеля наоборотъ: государственный человѣкъ преобладаетъ надъ философомъ. Аристотель не возвышается въ этомъ вопросѣ надъ понятіями своихъ современниковъ: онъ говоритъ, что рабство заложено въ самой природѣ человѣка. Отношенія раба къ господину онъ сравниваетъ съ отношеніемъ тѣла къ душѣ. Рабъ— это тѣло, отдѣленное отъ господина (души) какъ бы для того, чтобъ освободить его отъ печати той усталости и скорби, которыя сообщаются душѣ тѣломъ, но тѣло это настолько связано съ природой души, что даже видъ ея не имѣетъ собственной реальности. И не въ смыслѣ одной только чистой абстракціи и идеи Аристотель говорить слѣдующее: «господинъ— есть господинъ только по отношенію къ рабу, рабъ же, напротивъ, есть не только рабъ по отношенію къ господину, но и въ совершенной зависимости отъ него». Въ домашнемъ оби-

1) L e g g. VI. p. 786.

ходѣ чловѣка рабы, по его мнѣнію, играютъ роль жпвой собственности; роль перваго изъ одушевленныхъ орудій. Аристотель не предполагаетъ, чтобъ можно было обойтись безъ этихъ одушевленныхъ орудій. Это было бы возможно при условіи, чтобъ неодушевленные орудія получили силу двигаться сами собой, а это невозможно безъ нарушения физическихъ законовъ природы. Сама природа однихъ создала для того, чтобъ повелѣвать, другихъ— чтобъ повиноваться: такъ въ чловѣкѣ тѣло повинуется душѣ, въ семьѣ женщина мужчине, въ природѣ— животное чловѣку, въ обществѣ рабъ господину. Словомъ. тѣ отношенія, которыя существовали въ современномъ ему обществѣ, Аристотель возводитъ въ естественный и непреложный законъ. Въ томъ обществѣ рабъ было существо настолько презрѣнное, что презрѣніе иногда слѣдовало за нимъ и по ту сторону могилы: въ Марсели были двѣ погребальныя колесницы— для людей свободныхъ и для рабовъ; самъ Харонъ, у Аристофана, отказываетъ рабу въ лодкѣ для переезда въ страну тѣней. *

Ксенофонтъ, рекомендуя мягкое обращеніе съ рабами, повидимому, заботится не объ ихъ благосостояніи, но лишь о выгодѣ господина ¹⁾). Последнія нравственные школы Греціи почти не занимаются этимъ учрежденіемъ. Эпикуреецъ нисколько не смущается рабскимъ состояніемъ тѣхъ, чьи труды доставляютъ ему покой и удобства; онъ только старается быть съ ними ласковымъ. Для стоика же свобода и рабство— лишь внѣшнія формы жизни, не представляющія важности для мудреца; онъ не видитъ повода гордиться свободой или жаловаться на неволю; изъ нестерпимаго униженія есть всегда выходъ— самоубійство.

Поэты, въ особенности авторы Новой Комедіи, сурово увѣщевали чловѣчество, настаивая на всеобщемъ равенствѣ, включающемъ и рабовъ. Знаменитое «*homo sum*»—

1) СЕ е о и. X. и XII.

свободный переводъ изъ Алексиса ¹⁾, и духомъ этого изреченія проникнуты многія мѣста въ греческихъ драмахъ. Въ одномъ отрывкѣ, Филемонъ ²⁾, какъ бы возражалъ Аристотелю, говоритъ, что «не природа, а судьба дѣлаетъ человѣка рабомъ». Эврипидъ, вообще «опередившій свое время», какъ и слѣдовало ожидать отъ его гуманитарнаго направленія, въ своихъ сужденіяхъ о рабствѣ возвышается надъ уровнемъ понятій своихъ современниковъ. По словамъ м-ра Пэли (Pally), онъ любитъ подчеркивать въ рабахъ «вѣрность хозяину, преданность ему въ житейскихъ испытаніяхъ, ихъ признательность за доброе и ласковое обхожденіе, ихъ стремленіе составить себѣ хорошую репутацію»... Онъ позволяетъ рабамъ разсуждать, совѣтовать, направлять, позволяетъ имъ даже философствовать по поводу глупостей или пресмаховъ своихъ господъ. Но трудно предположить, чтобы даже этотъ свободный мыслитель и новаторъ могъ допускать возможность уничтоженія рабства, пустившаго такіе глубокие корни какъ въ общественной жизни, такъ и въ умахъ его современниковъ.

Положеніе илотовъ въ Лаконіи довольно рѣзко отличалось отъ положенія рабовъ вообще въ другихъ государствахъ Греціи. Относительно происхожденія илотовъ мнѣнія расходятся, и мы не станемъ здѣсь вступать въ разбирательство этихъ пререканій. Илоты считались собственностью государства, которое отдавало ихъ въ пользованіе частнымъ лицамъ, но всегда оставляло за собою право освободить ихъ. Илоты исполняли обязанности домашней прислуги у Спартанцевъ; они-же служили своимъ господамъ за сисситіей или общественной трапезой. Но главнымъ образомъ они жили въ деревняхъ и на фермахъ, обрабатывали земли спартанцевъ-помѣщиковъ и выплачивали своимъ хозяевамъ извѣстную, опредѣлен-

¹⁾ Meineke. Fragm. Com Gr. т. III. стр. 453.

²⁾ Meineke, т. IV. стр. 47 Φύσει γὰρ οὐδεὶς δοῦλος ἐγενήθη ποτὲ, Ἡδ' αὖ τὸ γῆ τὸ σῶμα κατεδοῦλῶσατο.

ную часть доходовъ; часть эта не могла быть увеличена по произволу. Имъ разрѣшалось имѣть свои собственные дома, женъ, семью, пріобрѣтать имущество; ихъ не могли продать въ другія страны, да, кажется, и вовсе не продавали. Илотами, безъ сомнѣнія, пользовались для общественныхъ работъ; во время войны, изъ нихъ обыкновенно (формировались легко вооруженные отряды, присоединявшіеся къ гоплитамъ-спартанцамъ или періэкамъ, но въ крайнихъ случаяхъ они сами замѣняли гоплитовъ. Приходилось имъ подчасъ нести и службу на морѣ. За усердную службу плотовъ иногда отпускали на волю, но и тутъ они не становились періэками, а образовывали особое сословіе, извѣстное подъ именемъ *Neodamodeis*¹⁾. Повидимому, это сословіе составляло революціонный элементъ въ государствѣ²⁾. Часть дѣтей илотовъ воспитывалась вмѣстѣ съ дѣтьми ихъ хозяевъ спартанцевъ; эти назывались *мотаками* (*Mothakes*) и, кажется, лично были свободны, хотя и не имѣли гражданскихъ правъ, которыя даровались имъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, въ видѣ особой милости. Весьма возможно, что въ это сословіе включены были и дѣти спартанцевъ, рожденные отъ матерей илотовъ. Экономическое положеніе плотовъ едва-ли было особенно тягостно; но сознаніе своего греческаго происхожденія, которое, по мнѣнію Грота, должно было облегчать ихъ участь, на самомъ дѣлѣ, вызывало въ нихъ очень горькое чувство, тѣмъ болѣе, что это сознаніе постоянно поддерживало въ ихъ господахъ-спартанцахъ боязнь возстанія илотовъ и слѣдовательно ненависть къ нимъ. Такимъ образомъ, отношенія между спартанцемъ и илотомъ были гораздо менѣе просты и естественны, чѣмъ отношенія между

1) Плутархъ сообщаетъ, что когда Клеоменъ обещалъ свободу всякому илоту, который внесетъ за себя выкупъ въ пять аттическихъ миръ, то такимъ путемъ было собрано пятьсотъ талантовъ, т. е. шесть тысячъ илотовъ внесли требуемый выкупъ.

2) Ксен., *Неллен.* III, 3, 6.

обыкновеннымъ хозяиномъ грекомъ и рабомъ принадлежащимъ къ чуждой ему и менѣе цивилизованной расѣ. Правительство Спарты никогда не довѣряло илотамъ, какъ сословію, и однажды около двухъ тысячъ илотовъ, отличившихся своими всинскими заслугами, были тайно умерщвлены. Плутархъ утверждаетъ, хотя его свидѣтельству не всегда можно вѣрить, будто эфоры каждый годъ объявляли войну илотамъ, и по обычаю, называемому криптоейя, поручали небольшому отряду, составленному изъ юношей-спартанцевъ, умертвить тѣхъ изъ илотовъ, которые считались особенно опасными. Валлонъ насчитываетъ въ Спартѣ 220,000 илотовъ и 32,000 спартанцевъ. Пенесты (Penestae) въ Фессаліи и Клароты (Clarotae) на о. Критѣ, повидимому, находились въ положеніи, сходномъ съ положеніемъ илотовъ въ Лаконіи. Въ Греціи существовали также мелкія общины, всѣ члены которыхъ были крѣпостными какого-нибудь божества, большею частью Аполлона, и обязаны были платить дань или нести службу при одномъ изъ его храмовъ.

ДОПОЛНЕНИЕ КЪ II ГЛАВЪ.

Положеніе рабовъ въ Греціи.

(Изъ Wallon, Tourmagne и др.).

Чтобы составить себѣ болѣе ясное представленіе о положеніи рабовъ въ древней Греціи, необходимо познать: съ нѣкоторыми фактами, освѣщающими это положеніе болѣе детально.

Въ классической Элладѣ, даже въ демократическихъ Афинахъ, всякій рабъ безъ различія, что бы ни послужило причиной рабства, поступалъ въ полное распоряженіе господина; въ его рукахъ онъ становился вещью или собственностью, на которую господинъ имѣлъ такія же права, какъ и на всякую другую собственность: онъ могъ продать раба, отдать его въ наймы, бить, казнить смертию, и все это такъ же безнаказанно, какъ если бы дѣло касалось животнаго. Право собственности на раба, какъ и на другой предметъ, было наследственно и вѣчно. Все, чѣмъ владѣлъ или что могъ пріобрѣсти рабъ, всѣ дѣти, рождаемыя отъ него, все это было такой же собственностью господина, какъ и онъ самъ. Такъ какъ рабъ былъ только вещью, то и личность его не играла никакой роли ни въ государствѣ, ни въ обществѣ, ни въ семьѣ. У него не было ни правъ, ни установленныхъ обязанностей. Если рабу доставалось какое нибудь наследство или награда за оказанныя услуги, то и другое принадлежало его господину. У рабовъ не существовало ни семьи, ни брака. Иногда союзы между мужчиной и женщиной рабамъ разрѣшались;

Плавтъ сообщаетъ даже о свадьбахъ, праздновавшихся рабами, но союзы эти были только терпимы и всегда могли быть отмѣнены господиномъ. Также иногда за рабами признавалось и нѣкоторое право собственности: имъ дозволялось дѣлать сбереженія. Для составленія этихъ сбереженій они откладывали часть достававшихся имъ продуктовъ, подачки, получаемыя за разныя мелкія услуги, награды, достающіяся отъ великодушныхъ господъ; часто они даже ограничивали себя въ пищѣ, лишаясь необходимаго, иногда также пользовались небрежнымъ отношеніемъ господина къ своей собственности. Но подобныя сбереженія, какой бы подѣль частью дорогой цѣнной они ни доставались рабу, не были обезпечены за нимъ. Его *rescilium*, *) какъ и онъ самъ, всецѣло принадлежало господину. Этотъ послѣдній, получая такимъ образомъ выгоду отъ бережливости раба и боясь неумѣреннымъ пользованіемъ лишиться ея, не злоупотреблялъ своимъ правомъ и прибѣгалъ къ нему въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, какъ напр. въ дни рожденія или дни свадьбы кого либо изъ членовъ семьи.

Женщины рабыни, какъ и куртизанки, не имѣли права носить именъ священныхъ или національныхъ предметовъ. Рабы были исключены изъ религіозныхъ церемоній и жертвоприношеній; если ихъ и допускали въ храмы, то лишь для услуженія. Иногда же одно присутствіе ихъ уже считалось святотатствомъ: въ Аѳинахъ, въ праздники Эвменидъ и во время мистерій Цереры, ихъ изгоняли изъ храма Венеры во время жертвоприношеній этой богини. Но у рабовъ были и свои праздники, когда имъ дозволялось смѣшиваться съ гражданами въ играхъ, на играхъ садиться за столъ своихъ господъ, а на одномъ изъ праздниковъ имъ даже прислуживали господа. Былъ у рабовъ свой верховный жрецъ, непременно бѣглый

*) *Rescilium*—это римскій терминъ для обозначенія сбереженій раба. У Грековъ же не существовало даже термина для выраженія этого понятія. См. гл. III

плѣнникъ, оказавшійся побѣдителемъ въ единоборствѣ; онъ находился въ Эпидаврѣ, при храмѣ Минервы. На Олимпѣ у рабовъ также были свои боги: Меркурій, покровительствовавшій кражамъ и раздѣлявшій ихъ съ рабами, и Сатурнъ, переносившій ихъ въ свои годовые праздники въ тотъ золотой вѣкъ, когда не было рабства.

Демосѣенъ говоритъ, что въ Аѳинахъ рабы пользовались большей свободой слова, чѣмъ граждане во многихъ другихъ городахъ, но эта свобода была жалкая иллюзія, быстро исчезающая подъ палкой господина. Въ одной изъ своихъ комедій Аристофанъ хвалится тѣмъ, что «удалены тѣ рабы, которые всегда кричали, чтобы этимъ дать поводъ товарищамъ говорить имъ, смѣясь надъ получаемыми ими ударами: «несчастный бѣднякъ, что съ твоей кожей? Не напала ли на твою поленицу и не изборошила ли тебѣ спину цѣлая армія дикообразовъ?» Въ «Осахъ» одинъ рабъ восклицаетъ: «О черенаха! какъ я завидую чешуѣ, защищающей твою спину!» Въ минуты дурного расположенія господь, рабы служили предметами, на которыхъ они изливали свой гнѣвъ. Въ «Лягушкахъ» есть такое выраженіе: «Когда наши господа живо чѣмъ нибудь интересуются, на насъ сыплются удары». Домашніе рабы были постоянной жертвой нерасположенія духа своихъ господъ и старались вознаграждать себя извѣстной фамильярностью въ обращеніи.

Если рабъ не исполнялъ какой нибудь обязанности, господинъ въ гнѣвѣ билъ его, морилъ голодомъ или подвергалъ болѣе тяжелымъ работамъ. Въ случаѣ болѣе тяжкой вины со стороны раба, его ожидали: тюрьма, бичъ, розги, влѣшца, колесованіе, при которомъ растягивались члены и трещали кости, и все это примѣнялось по усмотрѣнію господина, въ прямые интересы котораго входило беречь раба. Не было также недостатка въ средствахъ для усмиренія или возвращенія раба въ случаѣ возмущенія или бѣгства: оковы на ноги, кольца на руки, желѣзный ошейникъ, клеймо на лобъ.

Заботы господина о рабахъ ограничивались самымъ необходимымъ для жизни. На ихъ пропитаніе выдавались еженедѣльно: мѣра муки, винныя ягоды, взвѣшиваемыя рукой господина, чеснокъ, который съ ними же раздѣлялъ и господинъ, немного разныхъ плодовъ. Затѣмъ смотря по странѣ, падавшія съ дерева маслины, а за недостаткомъ ихъ — просоленныя. Одеждой рабамъ служилъ кусокъ полотна, превращенный въ поясъ, короткій плащъ, шерстяная туника, колпакъ изъ собачьей кожи и грубая обувь. О жилищахъ рабовъ ничего не говорятъ греческіе авторы, но Катонъ, а за нимъ Варронъ ставятъ ихъ на ряду съ хлѣвомъ для быковъ, а по Колумеллѣ непослушные рабы, закованные въ цѣпи, жили въ подземельяхъ, освѣщаемыхъ маленькими окнами, находящимися довольно высоко надъ землей.

Существо безправное, рабъ не могъ взывать къ суду, такъ какъ суда для него не существовало. Господинъ— былъ его единственнымъ судьей. Такъ какъ рабъ былъ вещью, только «тѣломъ», то и при допросѣ обращались только къ его тѣлу, подвергая всевозможнымъ пыткамъ и получая такимъ образомъ, по выраженію Демосфена, «свидѣтельскія показанія тѣла». Казалось, чѣмъ больше страданія и горечи выражалось въ крикахъ этихъ несчастныхъ, тѣмъ искреннѣе и справедливѣе были эти показанія тѣла и крови. Въ одной изъ комедій Аристофана упоминаются, въ качествѣ орудій допроса и пытки, висѣлица, блокъ, длинный и узкій ремень, и даются такія указанія: «бей, рви, крути, наливай укусы въ ноздри, прикладывай къ бокамъ раскаленную череницу» и пр. Одинъ господинъ, отказавшійся подвергнуть раба пыткамъ, самъ былъ занозрѣнъ и уличенъ въ преступленіи, въ которомъ его обвиняли. Исключеній не допускалось ни для пола, ни для возраста: женщины, можетъ быть, даже чаще подвергались пыткамъ, такъ какъ онѣ чаще бывали свидѣтельницами разныхъ домашнихъ сценъ. Подобныя допросы производились или особыми палачами, или самими

тяжущимся. За ущербъ, нанесенный рабу, отвѣчали какъ и за раненое животное предъ его господиномъ. А въ Афинахъ, по признанію Грековъ, было еще особенно много гуманности въ обращеніи съ рабами!

Законъ былъ строгъ, а жизнь и обычаи мягче и снисходительнѣе: они иногда признавали за рабомъ права мужа и отца и права на рещіиши. Въ свободное отъ труда время, которое такъ рѣдко выпадало рабу, онъ какъ бы желалъ вознаградить себя за всѣ невзгоды рабской доли, предавался всякимъ излишествамъ и разгулу. Въ возрастѣ полного расцвѣта сынъ рабъ былъ предаваемъ труду или порокамъ, смотря по капризу владѣльца, — болѣе грубые—труду, болѣе деликатные—пороку. Пресытившись самъ, господинъ торговалъ рабами въ свою пользу; въ старости рабъ становился жертвою дряхлости и нищеты. Иногда умершихъ рабовъ даже оставляли безъ погребенія, на большихъ дорогахъ, такъ что господа получали приказаніе убирать оттуда трупы.

Хотя во время праздниковъ рабы и не допускались въ священныя мѣста, но въ нуждѣ они всегда могли находить въ нихъ убѣжище; по словамъ оракула, «проситель свить и чистъ». Одно уже соприкосновеніе съ такими священными предметами, какъ повязка, лавровый вѣнокъ Апполона, обезнечивало раба отъ гнѣва господина и вводило его подъ защиту боговъ. Нѣкоторые храмы даже возвращали рабовъ на свободу, и тогда они вѣшали свои цѣпи на деревьяхъ священнаго лѣса. Но господа очень заботились о томъ, чтобъ не выпускать изъ своихъ рукъ рабовъ и не давать имъ широко пользоваться этимъ правомъ убѣжища. Бить раба, обладающаго видимыми знаками покровительства боговъ, считалось оскверненіемъ святыни; поэтому, прежде чѣмъ бить, съ него все это снимали. Отторгнуть раба отъ алтаря также считалось невозможнымъ. — его заставляли уйти оттуда посредствомъ голода или огня, «Я пойду къ Вулкану, врагу Венеры», говорить господинъ, угрожая рабу, просителю

богнии. Въ концѣ концовъ рабу трудно было найти убѣжище даже противъ злоупотребленій господина, хотя Аѳины, въ противоположность Спартѣ, и давали нѣкоторыя гарантіи рабамъ. Последнее являлось гораздо больше результатомъ мудрой политики, чѣмъ чувства гуманности. Благодаря сравнительной свободѣ рабовъ, въ Аѳинахъ возстаній не было. Но тамъ, гдѣ господствовало жестокое обращеніе съ ними, возстанія часто всныхивали, и тѣмъ болѣе угрожающія, что число рабовъ превосходило число свободныхъ гражданъ въ три, въ четыре, даже въ десять разъ. Такъ рудоконы въ Лавріумѣ умертвили своихъ сторожей, овладѣли крѣпостью и опустошали страну въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Тоже самое не разъ происходило на о. Хиосѣ, гдѣ было особенно много рабовъ, и гдѣ они содержались чрезвычайно строго. Свѣдѣнія объ одномъ изъ такихъ возстаній сообщаетъ Сиракузянинъ Нимфодоръ. Возмущившіеся рабы, укрывшись въ городахъ, нападали на жилища своихъ господъ, разоряли и грабили ихъ. Предводитель возставшихъ бѣглыхъ рабовъ, Дримакусъ, принудилъ жителей къ отдачѣ имъ всего имущества. Въ договорѣ, заключенномъ между обѣими сторонами, защищались интересы всѣхъ рабовъ: для себя и своихъ Дримакусъ выговорилъ право воспользоваться всѣмъ, что содержалось въ ихъ амбарахъ, въ такомъ количествѣ, какое онъ признаетъ необходимымъ и справедливымъ; что касается другихъ рабовъ, то имъ возставшіе должны обезпечить пріютъ у себя въ томъ случаѣ, если тѣ имѣли достаточно основаній быть недовольными и искать выхода въ бѣгствѣ. Впрочемъ, убѣжавшіе безъ причины подлежали возвращенію. Такимъ образомъ, и грабежъ и бѣгство допускались только въ извѣстныхъ узаконенныхъ границахъ. Оброкъ, который побѣжденные должны были выплачивать новому господину, опредѣлялся этимъ послѣднимъ ежегодно послѣ жатвы, а не былъ установленъ разъ навсегда. Кромѣ этого оброка, съ нихъ не взидали никакихъ другихъ повинностей. Въ качествѣ

господина, Дримакусъ расхаживалъ въ праздники по деревнямъ, получая всякіе дары и наказывая заговоры, направленные противъ него. Это продолжительное и унизительное для подчиненныхъ господство вызвало взрывъ негодованія и кончилось тѣмъ, что голова Дримакуса была оцѣнена, и этотъ послѣдній, человѣкъ уже пожилой, не то отъ утомленія жизнью, не то отъ недовѣрія къ рабамъ, призвалъ къ себѣ одного молодого раба и велѣлъ тому отрубить ему, Дримакусу, голову. Жители Хиоса съ радостью уплатили за это убійство, но ликовать имъ пришлось не долго: революціонныя силы, сдерживаемыя Дримакусомъ, далеко не были исчерпаны; бѣгство рабовъ и грабежи продолжались, но уже безъ всякаго контроля и безъ мѣры. Тогда только жители прониклись почитаніемъ къ памяти Дримакуса, окружили ее извѣстнымъ ореоломъ и даже воздвигли жертвенникъ «Благодѣтельному герою»; бѣглые рабы стали приносить ему первинку отъ добычи, а господа говорили, что онъ предупреждалъ ихъ о готовящихся грабежахъ со стороны рабовъ и тѣмъ давалъ возможность принимать предохранительныя мѣры. Впослѣдствіи жители о. Хиоса, прославившіеся введеніемъ работорговли, сами погибли въ рабствѣ, будучи переведены, какъ рабы, Митридатомъ въ Колхиду.

Наиболѣе ясно выразился характеръ отношеній между побѣжденными и побѣдителями въ Законіи. Какъ извѣстно, побѣжденные раздѣлялись здѣсь на періэковъ и плотовъ. Періэки—это были покорившіеся Ахейцы, сохранившіе за собой свои города и часть деревень. Они могли участвовать въ Олимпійскихъ играхъ, пользовались въ ограниченной сферѣ извѣстнымъ самоуправленіемъ, но политическихъ правъ не имѣли. Они занимались промышленностью, искусствомъ, составляли легкіе отряды въ арміи, а иногда служили и въ рядахъ гонимыхъ. Торговля также была въ ихъ рукахъ. Часто періэки проявляли недовольство спартиатами и бывали во враждѣ съ ними. Тѣмъ не менше періэки какъ бы составляли особое общество рядомъ со

спартанцами, управляемое ими, но живущее своей особой жизнью. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находились илоты. Самое слово *плотъ* обозначаетъ плѣнника, сдѣлавшагося рабомъ. Илоты были рабы общественные. Часть ихъ была раздѣлена между гражданами для занятія земледѣліемъ, пастушествомъ и домашними работами. Илоты слѣдовали за господиномъ на войну. Въ битвѣ при Платеѣ каждый спартіатъ былъ окруженъ семью илотами. Илоты же исполняли и морскую службу. Высшія права надъ илотами принадлежали государству. Господинъ по собственной волѣ не могъ продать ихъ на чужую территорію, но не могъ и освободить. Они обрабатывали землю, платили извѣстный оброкъ, разъ навсегда установленный государствомъ въ количествѣ, достаточномъ для содержанія спартіата со всей челядью, живущей въ его домѣ. Оброкъ этотъ состоялъ изъ зерна, жидкостей, вродѣ масла и вина, и фруктовъ. Только остатокъ отъ оброка принадлежалъ илоту; такимъ образомъ жизнь спартіата всегда была обезпечена, существованіе же илота — подвержено всякимъ невздамъ и находилось въ полной зависимости отъ количества урожая. На обязанности илотовъ, говоритъ Миронъ, лежали самыя позорныя и черныя работы. Ихъ заставляли носить колпакъ изъ собачьей кожи и одѣваться въ кожу животныхъ. Ежегодно, безъ всякой вины съ ихъ стороны, имъ опредѣлялось извѣстное количество ударовъ только для напоминанія о томъ, что они рабы. Болѣе того: если кто-либо изъ нихъ превосходилъ ту норму силы, которая приличествовала рабу, его наказывали смертью, а господина штрафомъ за то, что онъ не сумѣлъ задержать его физическаго развитія.

Илотамъ запрещены были мужественныя иѣсни Доріанъ и ихъ воинственные пляски. Пьянствомъ ихъ и другими пороками пользовались, какъ отрицательнымъ примѣромъ для юношества. Нѣкоторые авторы даже думаютъ, что среди илотовъ нарочно поощрялось пьянство, чтобъ этимъ вызывать въ молодыхъ людяхъ чувство от-

вращенія къ этому пороку.—Илотовъ въ Спартѣ было 220 тысячъ, періаковъ 120 т. и спартиатовъ 32 т. Такое несоотвѣтствіе между количествомъ свободныхъ гражданъ и несвободнаго населенія грозило постоянной опасностью Спартѣ. Илоты всегда готовы были подняться противъ своихъ притѣснителей. Это положеніе вещей очень хорошо понимали граждане и употребляли цѣлый рядъ предосторожностей; такъ подь разными предлогами они удаляли изъ отечества тѣхъ, которые имъ казались наиболее опасными: другихъ, даже награждая ихъ титулами, отсылали кому нибудь на помощь, тѣхъ допускали въ ряды гоплитовъ или освобождали за услуги отечеству. Однажды, по сообщенію Фукидида, двѣ тысячи самыхъ славныхъ и храбрыхъ илотовъ были созваны въ храмъ будто для освобожденія. Они явились съ вѣнками на головахъ, какъ это требовалось обычаемъ, а затѣмъ исчезли неизвестно куда; полагаютъ, что они были умерщвлены. Крайнимъ выраженіемъ чувства страха по отношенію къ илотамъ были такіе террористическія упражненія, какъ кристейя.

Не смотря на всѣ эти мѣры, и здѣсь дѣло не обходилось безъ заговоровъ, такъ какъ слишкомъ уже велико было количество недовольныхъ. Всѣхъ недовольныхъ (отпущенниковъ, періаковъ, илотовъ и лишенныхъ наслѣдства гражданъ, терявшихъ вмѣстѣ съ этимъ свои гражданскія права) объединилъ заговоръ Цинадона. Эфоры спросили доносчика, открывшаго заговоръ, какими средствами располагали заговорщики. Тотъ отвѣчалъ слѣдующее: Цинадонъ, отведя его на край площади, велѣлъ сосчитать, сколько на ней находилось спартиатовъ; ихъ оказалось около сорока, включая царя, эфоровъ и сенаторовъ. «На этихъ сорокъ, сказалъ Цинадонъ, смотри какъ на враговъ; всѣ остальные (а ихъ было на площади болѣе четырехъ тысячъ) союзники». При этомъ онъ прибавилъ, что и на улицѣ можетъ указать тамъ одного, тамъ двухъ враговъ, а остальные тоже союзники; въ деревнѣ врагъ

только хозяинъ. Заговоръ не удался; Цинадонъ признался и выдалъ участниковъ. Какъ на причину заговора, онъ указалъ на желаніе не быть лишеннымъ наслѣдства. Такимъ образомъ, имъ руководили причины личнаго, а не общественнаго свойства.

Подобныя ялотамъ рабы существовали какъ въ каждомъ изъ болѣе мелкихъ греческихъ государствъ, такъ и въ колоніяхъ, подъ разными названіями. Положеніе ихъ всегда было болѣе или менѣе одинаково. Всюду побѣдители господствовали надъ побѣжденными и жили ихъ трудами. Въ одной старой пѣснѣ критявъ говорится: «стрѣлой я обрабатываю землю и собираю жатву съ поля и съ виноградника».

Рабство совершенно убило свободный трудъ въ Греціи, а бѣдные граждане, побуждаемые необходимостью, должны были искать иныхъ средствъ къ существованію,—помимо труда. Свободные классы обезсилѣли въ праздности и лѣни, а мѣсто народа, живущаго трудомъ, замѣнила та непорочная и продажная чернь, которую застали при своемъ появленіи римскіе легіоны. Греція, склонившаяся подъ игомъ Македоніи, была превращена Римлянами безъ всякихъ успій въ провинцію, а многіе жители обращены въ рабство (146 г.).

ГЛАВА III.

Рабство въ древнемъ Римѣ.

Мы уже замѣтили, что, при томъ строѣ жизни, какой сложился у Римлянъ, рабство являлось явленіемъ, вполне объясняющимся весьма глубокими причинами и въ этомъ смыслѣ слова естественнымъ. Въ Римѣ ¹⁾, рабство приняло болѣе широкіе размѣры, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ и нѣкоторымъ образомъ даже было приведено въ систему. Но нашего особеннаго вниманія, оно заслуживаетъ не только на этомъ основаніи, а еще потому, что современный пролетаріатъ исторически развился и вышелъ именно изъ сословія рабовъ, благодаря той организаціи, какую оно получило въ странахъ подвластныхъ римской имперіи.

Мы должны различать рабство позднѣйшихъ временъ отъ «старого и до нѣкоторой степени невиннаго» рабства ²⁾ при которомъ фермеръ, воздѣлывая землю, шелъ за плугомъ рядомъ съ своимъ рабомъ, или если у него было земли столько, что онъ самъ не могъ съ нею управиться, поселялъ раба на отдѣльной фермѣ—въ качествѣ управляющаго, или арендатора, который обязанъ былъ отдавать хозяину известную часть урожая. Хотя первыя же побѣды римлянъ надъ своими итальянскими сосѣдями доставили Риму порядочное количество рабовъ.—рабовъ

1) Slavery among the Romans, гл. I.

2) Mommsen, History of Rome, кн. IV гл. II. (Рус. пер. изд. Солдатенкова).

на мызахъ и хуторахъ въ этотъ періодъ римской исторіи было немного. Но владѣнія патриціевъ все росли, а постоянныя отлучки гражданъ, обусловливаемые системой завоеваній, все расширяющей свое дѣйствіе, по необходимости вызывали большой спросъ на подневольный трудъ; соотвѣтственно этому постепенно расло и количество военно-плѣнныхъ. О томъ, какимъ обильнымъ источникомъ рабства была война, могутъ дать понятіе нѣсколько статистическихъ данныхъ изъ временъ зрѣлости республики и перваго вѣка имперіи.

Въ Эпирѣ, послѣ побѣды Эмилиа Павла было продано 150,000 плѣнныхъ ¹⁾. При Аквѣ Секстіѣ и Верцеллѣ (Aquaе Sextiæ и Verzellæ) было взято въ плѣнъ 90,000 тевтоновъ и 60,000 кимбровъ ²⁾. Цезарь однажды продалъ въ Галліи 63,000 плѣнныхъ ³⁾; Августъ вывезъ изъ страны Салассовъ (Salassi) 44,000 плѣнныхъ ⁴⁾; огромное количество ихъ погибло отъ голода, тяжкихъ трудовъ и въ поединкахъ на аренѣ цирка, но все пополнило война съ Іудеями, давшая Риму 97,000 рабовъ ⁵⁾.

* Другая причина рабства, болѣе распространенная въ Римѣ, чѣмъ въ Авінахъ, и можетъ быть болѣе постоянная, заключалась въ правѣ кредитора обратить въ рабство своего должника. По закону 12 таблицъ отецъ пользовался неограниченной властью надъ дѣтьми, а кредиторъ надъ должниками. По особому соглашенію должникъ могъ обязываться, не теряя своихъ политическихъ правъ, исполнять кредитору различныя работы въ счетъ уплаты своего долга. По истеченіи срока уплаты, если мировой сдѣлки не заключалось или не являлся поручитель, должникъ вполнѣ присуждался кредитору и, окованный, содержался на его счетъ въ заключеніи вѣ.

¹⁾ Лив., XLV. 34.

²⁾ Лив., Epit LXVIII.

³⁾ De Bello Gall., III. 16.

⁴⁾ Страбонъ, IV. стр. 205.

⁵⁾ Іосифъ, Bell. Jud.

теченіе шестидесяти дней. Предусмотрительный законъ опредѣлялъ даже для такихъ случаевъ количество хлѣба (не менѣе 1 фунта въ день) и вѣсъ оковъ (не болѣе 15 фунтовъ). Во время содержанія должника въ темницѣ кредитора, послѣдній долженъ былъ въ продолженіи трехъ рыночныхъ дней выводить его на площадь и объявлять публично, какой за нимъ числится долгъ, и не найдется ли желающихъ уплатить долгъ и тѣмъ выкупить должника. Если никто не трогалъ его несчастнымъ положеніемъ, то его казнили или продавали за предѣлы города. Такіе рабы, свидѣтельствующіе объ упадкѣ города, служили прообразомъ того печальнаго будущаго, которое могло ожидать каждаго плебея, изнуреннаго трудами и войной. Вотъ почему законъ не допускалъ большого скопленія ихъ въ Римѣ. При существованіи нѣсколькихъ кредиторовъ «пусть раздѣлятъ его (тѣло должника) на части» говорилось въ законѣ. Римскіе писатели подтверждаютъ фактъ существованія въ законахъ 12 таблицъ такого варварскаго постановленія; но постановленіе это не исполнялось буквально. Римское право умѣло дѣлать и такіе недѣлимые предметы, какъ человѣка: его продавали, а выручка раздѣлялась между кредиторами.

* *Addictus* (порабощенный должникъ), какъ и сынъ, проданный отцомъ, находились скорѣе въ крѣпостномъ состояніи, чѣмъ въ настоящемъ рабствѣ, и состояніе это всегда было временное. Съ потерей свободы они не теряли всѣхъ правъ, не теряли того права свободнаго рожденія, которое никогда не могло быть сообщено рабу отпущеніемъ его на волю. Рабъ получившій свободу, дѣлался отпущенникомъ, а *addictus*—свободнорожденнымъ (*ingenus*). *Addictus* могъ выкупиться на свободу и помимо воли господина, на что не имѣлъ права рабъ. Кромѣ того, *addictus* пользовался признаніемъ закона (рабъ былъ внѣ его) и сохранялъ свое имя, прованіе и названіе племени, что составляло привилегію только свободнаго чело-

вѣка. Но бывали и такіе случаи, когда гражданинъ превращался въ полнаго раба: это наказаніе постигало его за уклоненіе отъ народной переписи (*incensus*), въ которую не вносились рабы, и за отказъ вписаться въ списки легіона. По общему правилу, свободный человѣкъ не могъ продать себя въ рабство. Если гражданинъ, старше 20 лѣтъ, выдавалъ себя за раба своего товарища и продавался этимъ послѣднимъ третьему лицу съ цѣлью воспользоваться сообща вырученными деньгами, а потомъ заявлялъ, на правахъ гражданина, о своей свободѣ, то за подобный обманъ онъ наказывался рабствомъ.

* Въ то время, когда государственная власть и имущество находились почти исключительно въ рукахъ патриціевъ, а большинство народа бѣдствовало, порабощеніе должника и сына, проданнаго отцомъ, было обыкновеннымъ и очень распространеннымъ явленіемъ. Безпрерывныя войны ложились всей своей тяжестью на плебеевъ и разоряли ихъ. Гражданинъ, отвлекаемый отъ труда постоянными походами, долженъ былъ заниматься у болѣе богатыхъ для пропитанія своего семейства. Благодаря лихоимству, долгъ этотъ настолько возрасталъ за продолжительное отсутствіе должника, что послѣдній по своему возвращенію не въ состояніи былъ уплатить его. При этомъ условіи трудно было избѣжать всей строгости законовъ о долгахъ, угрожавшихъ рабствомъ, какъ несостоятельному должнику, такъ и всей его семьѣ, тѣсно съ нимъ связанной. Въ постепенной продажѣ каждаго изъ членовъ своей семьи, несчастный искалъ средствъ отдалить отъ себя наступленіе этого ужаснаго момента. Вотъ гдѣ нужно видѣть причину той жестокой необходимости, которая такъ часто вынуждала и отца продавать своихъ дѣтей. Война отнимала у гражданина все, даже его личную свободу. Этихъ честныхъ людей, сражавшихся за предѣлами своего отечества за независимость и господство, ожидали на родинѣ гнетъ и неволя, достойныя награды за военные подвиги. У Тита Ливія

подобныя внутреннія картины тогдашняго общества отмѣчены самыми драматическими чертами. Такое положеніе дѣлъ вызывало въ народѣ чувство глубокаго недовольства и жажду мести. Недоставало только случая для ихъ проявленія, и случай этотъ представился въ 495 г. при наступленіи Вольсковъ. Вотъ какую картину рисуетъ Титъ Ливій.

«Въ толпу бросился блѣдный, изможденный страданіями старикъ и разсказалъ свою недолгую повѣсть, подтверждая ее кровавыми слѣдами позорнаго бичеванія, виднѣющимися рядомъ съ благородными рубцами. Благодаря Сабинской войнѣ, въ которой онъ самъ принималъ участіе, онъ лишился своей жатвы, усадьбы, имущества и скота; одно было истреблено, другое предано огню и грабежу. Для уплаты налоговъ, необходимо было прибѣгнуть къ займу на покрытіе котораго пошло не только поле и все, что у старика оставалось, но потребовалось и его тѣло, его личность. Народъ пришелъ въ страшное негодованіе и возмущеніе. Толпа должниковъ, еще окованныхъ или уже освободившихся отъ оковъ, распространилась по городу и угрожала возстаніемъ. Сенатъ предоставилъ консуламъ успокоить толпу какимъ нибудь эдиктомъ. Заключение должники получили свободу для того, чтобы выступить противъ непріятели. Въ эту критическую минуту имъ гарантирована была, на все время похода, неприкосновенность ихъ дѣтей и цѣлость имущества, но по возвращеніи ихъ подвергли тѣмъ же оковамъ. Такимъ образомъ недобросовѣстность сената только скомпрометтировала двухъ консуловъ, но Валерій, въ качествѣ диктатора, не желая жертвовать этой политикѣ популярностью своего имени, отказался отъ своихъ словъ, не будучи въ состояніи сдержать ихъ. Народъ снова пришелъ въ негодованіе. Онъ увидѣлъ и понялъ, что ему нужно надѣяться только на самого себя, и удалился на священную гору, откуда вернулся съ трибунатомъ (493 г.) Но и трибунатъ не улучшилъ положенія должниковъ. Кредиторы продолжали

по прежнему ежедневно толпами уводить ихъ съ форума; при домѣ каждаго патриція находилась для нихъ тюрьма. Оставалось то же очень строгое долговое право, та же личная кабала должника, и пока существовала послѣдняя, были беспильны и законы Лицинія, по которымъ проценты, уплаченные по долговымъ обязательствамъ, зачислялись въ уплату капитала. Для уничтоженія же нужно было обезпечить личную неприкосновенность должника, и вотъ какимъ обстоятельствомъ была вызвана эта мѣра. Одинъ изъ кредиторовъ патриціевъ слишкомъ злоупотребилъ своею властью надъ юношей плебеемъ, доставшимся ему въ кабалу. Этотъ патрицій смотрѣлъ на него, какъ на своего раба и, придя въ ярость, велѣлъ обнажить и избить его розгами. Истерзанный юноша предсталъ предъ народомъ и разсказалъ ему о жестокостяхъ кредитора. Вся толпа тѣмъ болѣе была тронута состраданіемъ къ несчастной жертвѣ, что подобной участи могъ подвергнуться каждый изъ плебеевъ и его дѣтей. Всѣ устремились на форумъ, а оттуда въ курию. Внезапное волненіе народа побудило консуловъ пригласить сенаторовъ, и по мѣрѣ того, какъ появлялись послѣдніе, народъ бросался къ ихъ ногамъ, указывая на окровавленное тѣло юноши. «Въ этотъ день, говоритъ Титъ Ливій, плохо сдержанное насиліе одного человѣка расторгло страшныя узы кредита». Изданъ былъ законъ Петилія (325 г.), по которому не могъ быть заключенъ въ оковы ни одинъ гражданинъ, не уличенный въ преступленіи и не подвергающійся за это наказанію. Ручательствомъ кредитору должно служить только имущество должника, но не личность его. Это событіе Титъ Ливій называетъ «новой эрой свободы» для римскаго плебса*.

Кромѣ вышеозначенныхъ были и другіе источники, снабжавшіе Римъ рабами, хотя и въ гораздо меньшихъ размѣрахъ; такъ напр. за нѣкоторыя преступленія виновныхъ обращали въ рабство (*servi poenae*) и отправляли на общественныя работы, въ рудники или каменоломни.

По законамъ 12 таблицъ. отецъ имѣлъ право продавать своихъ дѣтей. Осужденные на казнь преступники также дѣлались рабами, потому что въ Римѣ только раба можно было передать въ руки палача. Впослѣдствіи, когда подобнымъ рабамъ оставялась жизнь, ихъ отсылали на работы въ рудники или каменоломни. Если свободная женщина вступала въ связь съ рабомъ и не прекращала ея, не смотря на трехкратный протестъ господина, она считалась рабыней того, кому принадлежалъ рабъ. Если вольно-отпущеникъ оказывался непочтительнымъ или неблагодарнымъ по отношенію къ господину, преторъ возвращалъ его въ рабство*.

Еще Юмъ доказалъ, что рабство не благопріятствуетъ приросту народонаселенія, и даже римскія войны въ состояніи были поддерживать его постоянно на одномъ уровнѣ, пополняя убыль плѣнными. Въ виду этого была установлена правильная торговля рабами, основанная на «систематической охотѣ за человѣкомъ»; это было уже полное извращеніе примитивной формы рабства, неразрывно связанной съ войной.

Крупнымъ рынкомъ торговли рабами явился Делосъ¹⁾, куда этотъ товаръ въ огромномъ количествѣ поставляли пираты; то-же продолжалось, хотя и не такъ явно, и послѣ удачнаго похода Помпея. Въ Римѣ періодически ввозились рабы отчасти изъ Африки, Испаніи и Галліи, но главнымъ образомъ изъ Азіатскихъ земель—Вионніи, Галатіи, Каппадокіи и Сиріи. При ввозѣ и вывозѣ за cadaго раба платилась пошлина — $\frac{1}{8}$ стоимости, за евнуха, $\frac{1}{4}$ за остальныхъ; при продажѣ государство взимало отъ 2—4%²⁾.

* Благодаря огромному количеству рабовъ, доставляемому изъ разныхъ источниковъ, работорговля развилась въ Римѣ быстро и широко. Во время войны предводители иногда сзывали кунцовъ со всего міра непосредственно на поле битвы и тамъ онѣмъ продавали имъ своей

1) Strabo, IV, p. 205. 2) Ioc. Флав. Bell. jud., VI, IX, 2, VII, II, 1.

живой товаръ. Товаръ этотъ потому появлялся на рынкахъ и Греціи, и Италіи. Въ мирное время купцы тоже разъѣзжали по всѣмъ странамъ, гдѣ можно было купить рабовъ, и особенно посѣщали азіатскія государства, такъ какъ тамъ, вслѣдствіе крайней нищеты, рабство сдѣлалось явленіемъ повальнымъ. Самый крупный рынокъ работорговли, Делосъ, затмилъ собой, какъ складочное мѣсто, всѣ другіе рынки. Въ Делосѣ имѣлись помѣщенія на десять тысячъ рабовъ, а въ гавани соответствующее количество кораблей для одновременной нагрузки. Торговля рабами была однимъ изъ самыхъ выгодныхъ занятій, и ей отдавались самые знатные римляне. При Августѣ одинъ изъ работорговцевъ пользовался большою извѣстностью. Катонъ Цензоръ рекомендовалъ ради большей доходности скупать и дрессировать рабовъ для перепродажи. Но первое мѣсто на рынкѣ принадлежало Грекамъ, за которыми въ этомъ отношеніи было преимущество опыта. Въ Римѣ ихъ купцы располагались на священной дорогѣ (via sacra) или возлѣ храма Кастора въ жалкихъ тавернахъ и всецѣло предавались своему промыслу. Это были жестокіе, алчные люди, не знавшіе ни жалости, ни состраданія, заклейменные и общественнымъ мнѣніемъ, и закономъ. Законъ принималъ различныя мѣры для предупрежденія обмановъ въ торговлѣ и огражденія интересовъ и государства, и частныхъ лицъ. Такъ какъ работорговля подлежала извѣстному налогу, то купцы часто скрывали настоящую цѣну своего товара и даже иногда переодѣвали рабовъ въ подходящее платье съ цѣлью выдать ихъ за свободныхъ: такимъ способомъ былъ проданъ въ Римѣ одинъ молодой рабъ, но когда обманъ открылся, ему предоставили свободу.

* Рабовъ выводили на рынокъ съ ногами, обмазанными бѣлой краской въ знакъ рабства. Иногда предводители брали съ собою и на войну мѣлъ, чтобы помѣчать плѣнныхъ. Предназначенныхъ для продажи рабовъ обыкновенно выставляли на подмосткахъ, а если они бывали поцѣннѣе.

то иногда держали въ особыхъ помѣщеніяхъ вродѣ клѣтки, чтобъ этой таинственностью привлечь вниманіе серьезныхъ любителей. Оба эти способа выставки рабовъ назывались однимъ именемъ *catastu*, такъ какъ собственно одна и та же вещь имѣла двойное примѣненіе: клѣтка внутри и платформа сверху. Помѣщенные на глазахъ у всѣхъ, на платформѣ, имѣли какіе нибудь общіе знаки: вѣнокъ (этотъ символъ побѣды обозначалъ военнопленныхъ) или колпакъ (знакъ того, что за нихъ не ручались); надпись, висѣщая на шеѣ, указывала происхожденіе раба, его качества, способности, а, по требованію градоначальника, и недостатки. Продавали рабовъ или обыкновеннымъ порядкомъ, или съ аукціона (о послѣднемъ случаѣ объявлялось заранее), оптомъ или врознь. При продажѣ рабовъ цѣлыми партіями, все равно были ли это рабы труда или удовольствіи, въ придачу прибавлялось нѣсколько стариковъ, представлявшихъ изъ себя настоящіе скелеты. При розничной продажѣ въ то время, когда рабы одинъ за другимъ, по требованію продавца, поворачивались, прыгали или давали какое нибудь другое доказательство «гимнастики или литературы», особый герольдъ, взойдя на камень, объявлялъ ихъ происхожденіе и имена, возвышалъ ихъ достоинства, а если возможно, то и цѣну. Продавцы пускались на всякія хитрости, чтобъ показать товаръ лицомъ. Они умѣли придать членамъ гладкость, округлость или блескъ, продлить дѣтство или, по крайней мѣрѣ, задержать первыя проявленія возмужалости. Обе всемъ этомъ зналъ и покупатель. Но продавецъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ остерегаться: если онъ выступалъ изъ рамокъ общей похвалы и останавливался на какихъ нибудь опредѣленныхъ качествахъ, то въ случаѣ лжи и обмана, покупатель могъ предъявить противъ него искъ. При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ даже простое молчаніе уничтожало продажу. Недовѣріе къ работорогцамъ вызвало со стороны эдиловъ цѣлый рядъ эдиктовъ, устанавливающихся отвѣтственность про-

давна за разные недостатки товара, лишающіе возможности должнымъ образомъ пользоваться имъ. Эдикты опредѣляли также случаи уничтоженія договора (*actio redhibitoria*), а юристы въ своихъ комментаріяхъ развивали ихъ смыслъ и значеніе. Эдиктами вмѣнялось продавцамъ въ обязанность во всеуслышаніе предупреждать во время продажи о болѣзняхъ или недостаткахъ каждаго изъ рабовъ, о томъ кто въ нихъ бѣглый или бродяга, кто спускался на арену для борьбы съ дикими звѣрями (такая смѣлость могла внушать опасенія господину) или покушался на самоубійство, на комъ тяготѣло преступленіе. Лицамъ, продающимъ рабовъ безъ соблюденія этихъ предписаній или съ обманомъ, угрожали отвѣтственностью. Въ число недостатковъ, уничтожающихъ договоръ, римскіе юристы включали слѣдующіе: нѣмота, глухота, близорукость или та слабость зрѣнія, которая замѣчается при слабомъ утреннемъ или вечернемъ свѣтѣ, трехдневная или четырехдневная лихорадка, подагра, эпилепсія, полипъ, чирьи, расширеніе венъ, органическій порокъ въ ногахъ или бедрахъ, дыханіе, указывающее на болѣзнь легкихъ или печени, для женщинъ безплодіе, выкидыши вслѣдствіе какихъ нибудь органическихъ пороковъ или разные другіе недостатки въ ихъ тѣлосложеніи. Легкая же уредливость, ускользавшая при первомъ осмотрѣ, какъ напр.: слишкомъ широкая грудь, слишкомъ сильное плечо, сгорбленный станъ, не совсѣмъ прямыя ноги, не очень здоровая кожа, нѣкоторое несходство глазъ или челюстей, не мѣшавшее видѣть или ѣсть, нѣсколько затрудненная рѣчь или слухъ, незначительное изуродованіе, недостающее или излишнее количество пальцевъ на рукахъ или ногахъ, не считались уважительной причиной для уничтоженія договора. Но и въ данномъ случаѣ покупатель не оставался безъ защиты: путемъ иска онъ могъ вознаградить себя за убытокъ (*ex empto*). По объясненію юристовъ, точно также не имѣли значенія и моральные аффекты, по крайней мѣрѣ поскольку они являлись результа-

томъ физической причины или посколькy они не влекли за собой дѣйствительной неспособности, какъ нѣкоторые случаи сумасшествія. Что же касается такихъ пороковъ, какъ страсть къ игрѣ, къ вину, къ хорошему столу, наклонность къ хитрости, ко лжи, ссорамъ и воровству, то они были слишкомъ обыкновенны для раба, чтобы вмѣнять продавцу въ обязанность объявлять о нихъ подъ страхомъ уничтоженія договора. Но эти же самые пороки рядомъ съ нѣкоторыми чертами характера, какъ напр.: излишнiя робость, корыстолюбiе, скупость, привычка къ гнѣву или меланхолиi влекли за собою искъ о вознагражденiи (*ex empto*), въ случаѣ простого умолчанiя, и уничтоженiе договора, если утверждалось противное. Если при продажѣ воръ выдавался за честнаго человѣка, простой писецъ за ученаго, лѣнивый за трудолюбиваго и т. п., то покупатель имѣлъ право на уничтоженiе договора или на уменьшенiе цѣны (*aestimatoria, actio quanti minoris*). Эдиктами требовалось, чтобы продавецъ объявлялъ о бѣглыхъ, а юристы толковали, что самое намѣренiе бѣжать, если оно даже не было приведено въ исполненiе, равносильно бѣгству; раскаянiе и даже возвращенiе не заглаживали вины. Къ формальнымъ предписанiямъ эдиктовъ еще нѣкоторыя добавлены были уже юристами: на примѣръ, должна быть названа родина раба, такъ какъ та или другая страна говоритъ за раба или противъ него, привлекаетъ или отдаляетъ покупателя. Жители нѣкоторыхъ странъ пользовались по своимъ нравамъ и привычкамъ болѣе или менѣе дурной славой. Критянинецъ считался лгуномъ, фригiецъ былъ робокъ, мавръ суетенъ, далматинецъ свирѣпъ и пр. За сирiйцами признавалась сила, за iонянами красота. Имѣло также значенiе, былъ ли рабъ новичокъ или «поддержанный». Поддержаннаго раба запрещалось продавать за новичка. Рабы новички цѣнились дороже, такъ какъ предполагалось, что они способны къ работѣ, послушнiе и сподручнiе ко всякой службѣ, тогда какъ «поддержанныхъ»

рабовъ нужно еще передѣлывать, а это гораздо труднѣе. *Actio redhibitoria* имѣло мѣсто въ теченіе шести мѣсяцевъ, а *actio quanti minoris* въ теченіе года, а то и больше. Даже смерть раба не прекращала дѣла. Тѣ многочисленныя полицейскія мѣры, къ которымъ прибѣгало законодательство, имѣли въ виду соблюденіе договора, защиту интересовъ покупателя, поддержаніе законныхъ правъ продавца, но совершенно игнорировали самый объектъ купли-продажи. Хотя законъ и отказалъ ему въ названіи товара, но помѣстилъ на ряду съ низшими существами, среди которыхъ ему принадлежало первое мѣсто какъ по виду, такъ и по употребленію, потому что онъ при нуждѣ замѣнялъ всѣхъ четвероногихъ: осла подъ тяжестью, лошадь при жерновѣ, вола въ полевыхъ работахъ, сторожевую собаку у двери *).

* Что касается до цѣнъ на рабовъ, то въ первые вѣка Рима онѣ приближались къ цѣнамъ, существовавшимъ въ Греціи, но въ послѣдствіи поднялись вмѣстѣ съ поднятіемъ стоимости всѣхъ предметовъ. Послѣ битвы при Каннахъ, Ганнибалъ продавалъ всадниковъ по 136 р., легионеровъ по 82 р. и рабовъ по 27 р. Позднѣе, когда цѣны повысились, Катонъ, по сообщенію Плутарха, продавалъ своихъ самыхъ лучшихъ рабовъ дороже чѣмъ по 350 р. Съ теченіемъ времени изобиліе рабовъ понизило цѣны и ко времени Антониновъ обыкновенный рабъ стоилъ отъ 2 р. до 210 р. Но если рабъ обладалъ какими нибудь исключительными талантами, если это была граціозная молодая дѣвушка, или прекрасный юноша, или ученый, въ такихъ случаяхъ цѣна поднималась отъ 350 рублей до 8750 руб. Антоній купилъ какъ близнецовъ двухъ юншей, одного изъ Азіи, другаго изъ Галліи, заплативши 17,500 рублей. Когда обманъ открылся, продавецъ объяснилъ высокую цѣну тѣмъ рѣдкимъ сходствомъ между этими двумя чужими другъ другу людьми, которое позволило выдать ихъ за близнецовъ. При Юстиніанѣ о назначеніи цѣнъ позаботился законъ. Рабъ старше

10 лѣтъ стоилъ 100 рублей; челоуѣкъ, умѣющій писать 250 рублей: медикъ или акушерка 315 рублей; взрослый евнухъ 350 рублей. Цѣны эти очень высоки для того времени и заставляють предполагать большое богатство *.

Въ Римѣ существовали рабы, принадлежавшіе частнымъ лицамъ (*servi privati*), но были и т. наз. рабы общественные (*servi publici*). Служба при магистратахъ находилась сначала въ рукахъ свободныхъ людей, но на низшія должности, какъ то: посыльныхъ, вѣстниковъ, прислужниковъ при судахъ, тюрьмахъ и храмахъ впоследствии назначались рабы. Въ общественныхъ работахъ рабы также играли важную роль; такъ, имъ были поручены: проведеніе дорогъ, очистка клоакъ и надзоръ за водопроводами, — не только въ Римѣ, но также въ провинціальныхъ и сельскихъ муниципалитетахъ. Частные рабы состоятельнаго римлянина обыкновенно дѣлились на *familia rustica* и *familia urbana*. Во главѣ *familia rustica* стоялъ т. наз. *villicus*, также рабъ; въ помощь ему, а также для того, чтобы привязать его къ его обязанностямъ, ему давалась жена. Ему были подчинены различныя группы рабовъ; у каждой было свое специальное занятіе: обработка земли, уходъ за рогатымъ скотомъ, овцами и лошадьми, приготовленіе пиши, одежды и орудій для всего состава служащихъ, ремонтъ строеній, наконецъ услуги господину при различныхъ видахъ сельскаго спорта. При сельской колоніи непременно находилась тюрьма для рабовъ (*ergastulum*) и на обязанности избранныхъ рабовъ лежало наказывать проступки своихъ сотоварищей. *Familia urbana* также дѣлилась на группы; одни рабы исполняли всякую домашнюю работу, другіе прислуживали за столомъ, при туалетѣ, въ баняхъ, въ кухнѣ, наконецъ, иные развлекали своего господина и его гостей пѣніемъ, танцами и другими искусствами. Особо къ тому приставленные рабы сопровождали господина и госпожу при выходѣ изъ дому; наиболѣе красивые и граціозные составляли почетную стражу; наиболѣе силь-

ные назначались носильщиками; рабы, отличавшіеся своей расторопностью и способностью запоминать имена, выполняли различнаго рода порученія, передавали письма, привѣтствія и т. д. При большихъ домахъ состояли также доктора, артисты, секретари, библіотекари, переписчики, выдѣлыватели пергамента, педагоги и наставники всѣхъ родовъ—чтецы, грамматики, литераторы и даже философы—все изъ рабовъ, не говоря уже о счетчикахъ, экономахъ и всевозможныхъ агентахъ по торговымъ дѣламъ. Многие богачи, подобно Крассу и Аттику, тратили большія деньги на воспитаніе избранныхъ рабовъ и на подготовку ихъ къ этимъ, болѣе высокимъ обязанностямъ. Актеры, комическіе и трагическіе, пантомимы и акробаты въ циркахъ были большею частью рабами, также и гладиаторы. Послѣдніе набирались изъ самыхъ воинственныхъ племенъ—Самнитовъ, Галловъ и Фракійцевъ. Гладиаторами владѣли обыкновенно частныя лица, спекулировавшія имп, отдавая ихъ внаймы; иногда это были люди знатные и высокаго положенія въ обществѣ.

* Сенека рисуесть хозяевъ богатыхъ римскихъ домовъ людьми совершенно разслабленными отъ вѣчной праздности, такъ какъ рабы дѣлали для нихъ все, а они не дѣлали безъ нихъ ничего. Одна служба за столомъ римлянина требовала уже большого количества рабовъ; особые рабы пробовали кушанье, прежде чѣмъ предложить его гостямъ, изъ разливавшихъ вино были даже рабы, о волосы которыхъ господа вытирали руки. Одни молодые рабы сидѣли у ногъ господъ, чтобы исполнять ихъ приказанія или развлекать ихъ разными забавными шутками; другіе, съ кудрями до плечъ, въ бѣлыхъ легкихъ туникахъ, раздѣленные на группы по возрасту, росту и цвѣту, разливали вино въ чаши или холодную воду на руки и благовонія на голову гостей. Для подобной службы требовались самые рѣдкіе рабы изъ всѣхъ странъ. Молодыя дѣвушки услаждали пиры пѣніемъ и плясками. Къ этому нужно присоединить еще грубыхъ шутовъ, карликовъ, и т. п.

Цѣлая свита рабовъ сопровождала выходъ господина, слѣдуя за нимъ спереди и сзади, предупреждая о томъ, гдѣ нужно подниматься въ гору, гдѣ спускаться. Вечеромъ рабы съ факелами выходили на встрѣчу господину. Списокъ всѣхъ рабовъ велъ тоже рабъ. Строгой спеціализаціи занятій между рабами не было, а почти каждый могъ исполнять разные обязанности.

* У женщинъ были также свои рабы, не считая тѣхъ, которыхъ онѣ получили въ приданое и которые часто пользовались съ ихъ стороны большимъ довѣріемъ, чѣмъ мужа. Эти рабы составляли какъ бы особый домъ въ домѣ. У женъ были также свои сторожа, привратники, часто подозрительные евнухи, акушерка, кормилица, няня, носильщики. Далѣе слѣдовали женщины для разныхъ домашнихъ работъ, на обязанности которыхъ было прясть, молотъ, колотъ дрова и—получать удары палкой, какъ говорилъ Плавтъ. Женщины рабыни шили, ткали, изготовляли одежду подъ руководствомъ особо приставленныхъ для этого надсмотрщицъ. Рабыни же чесали госпожу, красили ея волосы, кропили благовоніями, заботились о ея красотѣ, махали вѣеромъ, носили зонтикъ и сандалии. Къ маленькой собачкѣ жены Августа, Ливіи, была приставлена особая рабыня. Женщины часто воспитывали молодыхъ рабовъ, чтобы забавляться ихъ болтовней, а впоследствии составлять изъ нихъ свиту при своемъ выходѣ. У Плавта одинъ старикъ ищетъ для сопровожденія матери семейства непременно старую безобразную дѣвушку, *virago*, такъ какъ красота иногда давала поводъ для скандаловъ. Но римскія матроны не особенно любили некрасивыхъ рабынь. У нихъ очень было развито желаніе блистать. Выходъ изъ дому служилъ для нихъ средствомъ выказать предъ публикой все великолѣпіе своего дома и тонкость вкуса. Въ день триумфа побѣдителей, возлѣ носилокъ матроны, фигурировали всевозможныя расы въ качествѣ лакеевъ, носильщиковъ, курьеровъ.

* Въ богатыхъ домахъ были рабы философы, ученые, артисты. Одинъ богачъ, который не могъ удержать въ памяти даже именъ Ахилла, Улисса и Приама, думалъ достигнуть учености тѣмъ, что за очень дорогую цѣну купилъ себѣ рабовъ, знавшихъ Гомера, Гезіода и девять лириковъ. Эти рабы должны были подсказывать ему стихи, которые онъ коверкалъ и угощалъ ими своихъ гостей. Одинъ шутникъ, услышавъ, что рабы эти стоили миллионъ, сказалъ ихъ владѣльцу: «отчего ты не купилъ столько ящичковъ съ книгами?» Женщины также хвастались наукой, которая такъ легко имъ доставалась. Онѣ нанимали или покупали философа, эту говорящую книгу, и заставляли произносить для себя разныя разсужденія, а сами часто отрывались для того, чтобы отвѣтить на какую нибудь любовную записку. Нерѣдко, отправляясь на свиданіе, онѣ брали съ собою въ носилки вмѣстѣ съ карликомъ и обезьяной, также и философа. Въ пользу своихъ господъ рабы занимались также мелочной торговлей. Въ числѣ лавочниковъ, разнощиковъ, банкировъ, мѣнялъ, ростовщиковъ, ссужавшихъ бѣднякамъ деньги за большіе проценты, было также не мало рабовъ. Рабовъ дрессировали для главныхъ ролей въ театрѣ, составляли изъ нихъ цѣлыя труппы, которыя такъ цѣлкомъ и продавались. Иногда хозяева возили ихъ, съ разрѣшенія эдиловъ, изъ города въ городъ для представленій.

* Что касается до положенія рабовъ въ помѣстьяхъ, то оно было не лучше, чѣмъ въ городахъ. Посредникомъ между господиномъ и рабами, населявшими обширныя помѣстья римскихъ гражданъ, являлся т. наз. *Villicus*. Это былъ тоже рабъ, который не меньше другихъ долженъ былъ повиноваться своему господину. Но въ то же время онъ и самъ являлся господиномъ по отношенію ко всѣмъ сельскимъ рабамъ, состоящимъ подъ его властью. Колумелла совѣтуетъ выбирать подходящаго для этихъ обязанностей раба еще въ дѣтскомъ возрастѣ и позаботиться о томъ, чтобъ соответствующимъ образомъ воспитать его. Такой

рабъ долженъ отличаться умѣренностью, послушаніемъ, трудолюбіемъ, бережливостью, все въ интересахъ господина, и повелѣвать, по мнѣнію Варрона, не столько путемъ ударовъ и напльи, сколько путемъ слова. На обязанности *villicus*'а лежало всегда находиться среди рабовъ, слѣдить строго за ихъ работами, разбирать ихъ ссоры, удовлетворять законныя нужды, поощрять трудолюбивыхъ и наказывать лѣнливыхъ и небрежныхъ. Въ его вѣдѣніи находился и трудъ и отдыхъ рабовъ. Колумелла находить нужнымъ, чтобы и самъ господинъ отъ времени до времени являлся въ свои владѣнія, посѣщалъ тюрьмы, смотрѣлъ, —хорошо ли закованы рабы, не уменьшиль-ли или не увеличиль ли *villicus*, по собственному произволу, вѣсъ кандаловъ,—отвѣдалъ-бы ихъ нищу и питье, осмотрѣлъ платье и обувь, освѣдомился у рабовъ, заслуживающихъ довѣрія, получаютъ ли они все, что имъ положено, наконецъ, выслушалъ-бы ихъ жалобы. Самъ Колумелла все это исполнялъ. Онъ устроилъ среди своихъ рабовъ цѣлую систему наказаній и наградъ, которыя вносили въ ихъ безправную среду какое то подобіе справедливости *.

Съ теченіемъ времени положеніе сельскихъ рабовъ ухудшилось, господа совершенно не заглядывали въ свои владѣнія, а управляющіе сдѣлались настоящими деспотами. Ихъ чрезмѣрная суровость въ обращеніи съ рабами не знала никакого сдерживающаго начала: у нихъ не было даже того сознанія необходимости беречь раба, какъ полезную собственность, какое существовало у господъ. Подобно господамъ, и рабы начали стремиться въ городъ, и на свое пребываніе тамъ смотрѣли, какъ на ссылку и наказаніе. Даже второстепенные рабы изъ *familia urbana*, попадавшіе на мѣста фермеровъ, когда то столь привлекательныя для нихъ, стали тяготиться этимъ и только и жили воспоминаніями о городѣ и его удовольствіяхъ, хотя этихъ послѣднихъ и тамъ выпадало на ихъ долю несравненно меньше, чѣмъ тюремъ и тяжелыхъ работъ. Сельскіе рабы, работающіе на полѣ въ кандалахъ, поль-

зовались по крайней мѣрѣ свѣжимъ воздухомъ и свѣтомъ солнца, чего были лишены рабы городскіе, содержащіеся въ еще большей строгости и подъ еще болѣе тщательнымъ надзоромъ; для нихъ никогда не расширялись стѣны ихъ ergastulum'a. Особенно было ужасно положеніе рабовъ на мельницахъ и въ булочныхъ.

* Вотъ какое зрѣлище представилось ослу (изъ «Метаморфозъ» Апулея) при переходѣ его изъ мельницы въ булочную: «Какіе выродки людей! Кожа исполосована багровыми слѣдами бича; искалѣченная спина едва прикрыта лохмотьями плаща; на нѣкоторыхъ надѣтъ только узкій поясъ, но у всѣхъ сквозь рубища просвѣчиваетъ тѣло; клейменный лобъ, полубритая голова, скатые желѣзнымъ кольцомъ ноги; ужасная блѣдность, вѣки такъ изъедены дымомъ и парами, что глаза съ трудомъ могутъ видѣть».

* Была изобрѣтена даже особая машина въ формѣ колеса, которую надѣвали на шею рабамъ, подносящимъ руку ко рту для отвѣдыванія муки во время работы. А философъ Анаксархъ надѣвалъ намордникъ на раба, занятаго приготовленіемъ хлѣба, изъ боязни чтобы тѣсто не было осквернено его дыханіемъ.

* О положеніи рабовъ и въ городахъ, и въ помѣстьяхъ имѣются у древнихъ писателей многочисленныя данныя, позволяющія составить о немъ вполне отчетливое представленіе. Ни душа, ни тѣло раба не принадлежали ему самому. Насиліе надъ ними было освящено преданіями, обычаями, закономъ. Только въ праздники или очень небольшіе промежутки времени, выпадавшіе на долю рабовъ, эти послѣдніе могли забывать свою неволю. Тогда они пріобрѣтали внѣшній видъ свободнаго человѣка, надѣвалъ шапку отпущенника, сажался господами за ихъ столъ, и господа даже оказывали имъ разныя почести. Изъ такихъ праздниковъ особенной извѣстностью пользовались Сатурналии въ честь Сатурна. Все же остальное время рабы были преданы полнѣйшему произволу своихъ господъ. За малѣй-

шія провинности имъ угрожали ручныя цѣпи, кандалы, удары палкой и бичеваніе; нерѣдки бывали и изуродованія. Искать выхода изъ своего тяжелаго положенія въ бѣгствѣ было очень рискованно для раба: побѣгъ считался однимъ изъ наибольшихъ преступленій. Законъ въ Римѣ имѣлъ такую силу, что даже храмы не давали права убѣжища, какъ это было въ Греціи. Рабу позволялось пойти просить защиты предъ своимъ господиномъ у друга этого послѣдняго; нужно только, чтобъ въ этомъ поступкѣ не было усмотрѣно покушенія на бѣгство. Въ противномъ случаѣ онъ не находилъ пощады даже у изображеній императоровъ. Тогда господинъ уже не ограничивался обыкновеннымъ наказаніемъ и могъ отдать свою жертву на арену амфитеатра. Извѣстенъ также случай, когда одного бѣглеца, укрывшагося случайно на аренѣ и предпочитавшаго быть растерзаннымъ дикими звѣрями, извлекли оттуда, чтобъ возвратить его господину. Когда чувство злобы и мести заглушало въ господинѣ сознаніе собственной выгоды, раба бросали въ колодезь, въ печь; изъ жестокаго желанія насладиться муками рабовъ и для большаго назиданія другимъ, ихъ заставляли умирать на вилахъ или на крестѣ за городомъ. Иногда ихъ сжигали въ засмоленныхъ платьяхъ, какъ это дѣлалъ Неронъ съ первыми христіанскими мучениками. Для поддержанія интереса къ театру и для большаго возбужденія зрителей, рабы представляли въ натуральномъ видѣ страданія молодаго Атиса (Atys), или Геркулеса на кострѣ и Прометей на скалѣ, только коршунъ былъ замѣненъ медвѣдемъ. Подобная участь постигала осужденныхъ, но господинъ во всякій данный моментъ могъ осудить своего раба только потому, что это въ его власти. Одинъ отпущенникъ, Ведій Полліонъ, бросалъ своихъ рабовъ на съѣденіе муренамъ: ему доставляло удовольствіе смотрѣть, какъ рабы пожирались ими, а для того, чтобъ подвергнуться такому безчеловѣчному наказанію, достаточно было самой незначитель-

ной провинности. У того же отпущенника, въ присутствіи Августа, одинъ изъ рабовъ уронилъ хрустальную вазу и былъ приговоренъ къ подобной казни. Несчастнѣйшій бросилъ къ ногамъ Августа, умоляя его только объ одномъ: не быть отданнымъ на съѣденіе. Августъ простилъ раба и въ гнѣвѣ велѣлъ разбить всѣ хрустальные сосуды въ домѣ Ведія, но ничего не предпринялъ для устраненія самой возможности подобныхъ явленій. Самъ Августъ распялъ на мачтѣ своего корабля одного изъ своихъ управляющихъ за то, что онъ изжарилъ и съѣлъ перепелку, прославившуюся побѣдами въ птичьихъ бояхъ, до которыхъ Римляне были такими страстными охотниками. Для приведенія въ исполненіе казней нанимались палачи, и даже сами матроны участвовали въ такихъ зрѣлищахъ, не переставая болтать съ друзьями, любоваться своимъ платьемъ, или накладывать румяна. Причина осужденія раба на самую жестокую казнь могла заключаться только въ одномъ желаніи, или въ прихоти господина. Нѣкоторые господа доходили до того, что отрѣзывали рабамъ языки чтобъ тѣ молчали. Суевѣріе побуждало искать разныхъ примѣтъ во внутренностяхъ дѣтей, рожденныхъ отъ рабовъ.

* По сообщенію Плинія, въ амфитатрѣ нѣкоторые граждане пили кровь изъ ранъ гладіаторовъ, въ которыхъ еще почти трепетала жизнь. Эта кровь считалась лекарствомъ отъ припадковъ эпилепсіи, и къ тому же самымъ дѣйствительнымъ средствомъ отъ этой болѣзни. Свидѣтельство Плинія подтверждается и медиками, рекомендовавшими употреблять въ извѣстныхъ дозахъ частицу печени убитаго гладіатора.

* Рабъ былъ движущею собственностью, которая приносила господину извѣстный доходъ, поэтому и въ обращеніи съ нею руководствовались исключительно принципомъ пользы. Вотъ почему было возможно, чтобы казуисты обсуждали и такіе вопросы: слѣдуетъ ли кормить рабовъ во время большого голода? Если необходимо

бываетъ выбросить въ море часть груза, что предпочтъ: цѣнную лошадь или ненужнаго раба? При осадѣ Перузы, когда не достало жизненныхъ припасовъ, Антоній запретилъ кормить рабовъ, а чтобъ они не донесли объ этомъ непріятелю, приказалъ ихъ задерживать: несчастные валялись на улицѣ, питаясь травой, а когда перемерли, ихъ похоронили во рву, изъ опасенія, чтобъ непріятель не замѣтилъ пламени костровъ. Катонъ совѣтуетъ продавать наравнѣ со всякими ненужными вещами и хламомъ стараго и больного раба. Если нельзя бывало его продать, господинъ выгонялъ его на улицу. Иногда Римляне прикрывали свою жестокость маской человѣчности: такъ мпlostыня считалась плохой услугой нищему, потому что удлиняла его жалкое существованіе. Больныхъ рабовъ высаживали иногда на ближайшемъ островѣ, гдѣ находился храмъ Эскулана, и поручали его заботамъ этого бога здоровья. Императоръ Клавдій объявилъ такихъ рабовъ свободными, но они любили свободу только умереть: господа опять овладѣвали ими въ случаѣ ихъ выздоровленія. Для того, чтобъ изъ этой одушевленной собственности можно было извлекать наибольшія выгоды, она должна была отличаться и нѣкоторыми душевными качествами. Какая напр., польза господину отъ раба крѣпкаго и здороваго, но лѣниваго и небрежнаго? Отъ рабовъ требовалось послушаніе, трудолюбіе, усердіе, бережливость и пр. Хорошій рабъ долженъ былъ не только исполнять желанія господина, но и угадывать ихъ.

* Какъ вещь, какъ собственность, рабъ находился въ полномъ подчиненіи у господина. Приказанія, прихоти, капризы господина—законъ для раба. Никакого нравственнаго закона онъ не зналъ и не могъ знать. Результатомъ такого положенія получалась полная деморализація рабовъ: удовлетвореніе грубыхъ низшихъ чувствъ—вотъ главный стремленія рабовъ. Для нихъ ничего не стоило ложно клястися именами всѣхъ извѣстныхъ боговъ Греціи и Рима. Что для него клятвопреступленіе? Одинъ

пустой звукъ, одни пустыя слова. Тѣ излишества, которыми при всякомъ удобномъ случаѣ предавались рабы, лучше всего свидѣтельствовали объ ихъ привычкѣ къ распущенности, приобретаемой въ домѣ господина. Самп Римляне не могли не подпасть подъ вліяніе своихъ рабовъ. Сдерживающимъ началомъ для раба служилъ только страхъ наказанія. Но и къ наказаніямъ и страданіямъ рабы такъ привыкали, что относились къ нимъ иногда съ пассивной безчувственностью и даже иногда предпочитали умереть подъ ударами, чѣмъ жить такъ постоянно. О философѣ Эпиктетѣ извѣстно, что его господинъ развлекался однажды тѣмъ, что истязалъ ему ногу. Эпиктетъ замѣтилъ, что такъ можно переломить ее: когда это дѣйствительно случилось, философъ только спокойно констатировалъ фактъ. Валерій Максимъ рассказываетъ о рабѣ, который даже не оправдывался отъ взводимыхъ на него обвиненій въ убійствѣ и былъ казненъ: оказалось, что онъ былъ совершенно невиновенъ, такъ какъ мнимая жертва убійства вернулась немного спустя. Одинъ рабъ въ комедіи Плавта говорить: «я знаю, что моимъ послѣднимъ жилищемъ будетъ крестъ: на немъ покоятся мой отецъ, дѣдъ, прадѣдъ и всѣ мои предки». Рабство развращало человѣка и физически, и духовно. Распущенность считалась преступленіемъ для свободнорожденнаго, обязанностию для отпущенника и необходимою для раба.

* Результатомъ безчеловѣчнаго обращенія съ рабами было накопленіе въ нихъ чувствъ ненависти и злобы, проявившихся при всякомъ удобномъ случаѣ. Діодоръ Сицилійскій говорилъ, что если не изъ чувства долга, то по крайней мѣрѣ изъ чувства благоразумія нужно гуманно обращаться съ рабами, чтобы не сдѣлать изъ нихъ своихъ враговъ и не вызвать возстанія. * Колумелла подобно, Ксенофонту, поощряетъ дружеское и даже фамиллярное отношеніе къ членамъ *familia rustica* ¹⁾. Катонъ питался той же грубой пищей, какъ

¹⁾ I VIII, 15.

и его рабы, и даже приказывалъ своей женѣ кормить ихъ дѣтей своей грудью, чтобы они могли всосать въ себя преданность и привязанность къ семейству господина. Но во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ рабамъ этотъ суровый старый экономистъ прежде всего соблюдаетъ собственную выгоду. ¹⁾ Онъ допускаетъ сожителство между рабомъ и рабыней, но за извѣстное вознагражденіе, которое рабъ долженъ уплачивать господину звонкой монетой изъ своего *rescūtum*'а. Колумелла считалъ выгоду отъ рожденія дѣтей достаточной причиною для поощренія подобнаго рода союзовъ и находилъ, что плодovitость женщинъ слѣдуетъ вознаграждать облегченіемъ въ работѣ и даже отпускомъ на волю. Варронъ также совѣтуетъ разрѣшать браки, видя въ нихъ гарантію хорошаго поведенія и вѣрной службы ²⁾. Благоразумные и добрые хозяева сами иногда помогали рабамъ составить себѣ *rescūtum*; но личная нравственность немногихъ отдѣльныхъ владѣльцевъ не помогала положенію дѣлъ. Большинство изъ нихъ рѣдко посѣщали свои имѣнія, и рабы были предоставлены въ полное распоряженіе *villicus*'а, на произволь его прихоти. Помѣстья часто занимали такое огромное пространство земли, что господину было и физически невозможно узнать всѣхъ своихъ рабовъ, еслибы даже онъ захотѣлъ дать себѣ трудъ познакомиться съ ними. Съ расширеніемъ имѣній даже и надсмотрщикамъ становилось не легко слѣдить за рабами. Были введены цѣпи; рабы не только носили ихъ въ полѣ, въ рабочіе часы, но не снимали ихъ даже и ночью, въ *ergastulum*'ѣ, гдѣ они спали. Плиній ³⁾ скорбитъ объ этомъ обычаѣ, какъ такомъ, который унижаетъ не раба, а земледѣльца. Мы видѣли, какова была жизнь городскихъ рабовъ: особенно она была тя-

1) Plut., Cato, 3 21.

2) I. VIII. 18.

3) II. X. 6-9 и I. XVII. 5.

4) XVIII. IV 4, 5 и VII. 4.

5) XVIII. IV. 4, 5, и VII. 4.

жела для тѣхъ, которые работали на ремесленниковъ спекуляторовъ. Въ частныхъ домахъ, даже во времена Овидія ¹⁾, привратниковъ держали въ цѣпяхъ. Въ *familia urbana* у каждаго господина, конечно, находились свои любимцы, съ которыми онъ обращался хорошо; имъ жилось легче другихъ; подчасъ они пріобрѣтали даже большое вліяніе на хозяина, и тѣ, кому нуженъ былъ его голосъ или поддержка, старались задобрить ихъ лестью и подарками. Безъ сомнѣнія бывали примѣры и совершенно безкорыстной взаимной привязанности; во время гражданскихъ войнъ бывали случаи, когда рабы выказывали большое благородство души и преданность господину и для спасенія его жизни даже жертвовали своей. Рабы, которые не жили въ самомъ домѣ, но служили внѣ его, шкиперами на судахъ, прикащиками въ магазинахъ или завѣдывали мастерскими, конечно, пользовались преимуществомъ болѣею свободой дѣйствій. Рабы, принадлежавшіе *lensu* и *lanista*, были по всей вѣроятности въ большинствѣ случаевъ не только унижены, но и несчастны. За легкія провинности господинъ наказывалъ раба собственноручно или ссылая его изъ города въ деревню; за серьезныя служила наказаніемъ работа на мельницѣ (*pistrinum*) или ссылка въ рудники и каменоломни, гдѣ, судя по дошедшимъ до насъ описаніямъ египетскихъ рудниковъ, до владычества римлянъ, — а при нихъ едва-ли положеніе вещей измѣнилось — люди работали полунагіе, мужчины и женщины вмѣстѣ, въ цѣняхъ, подъ надзоромъ и кнутомъ солдатъ и надсмотрщиковъ ²⁾. Во время республики господинъ могъ послать своего раба на битву съ дикими звѣрями въ амфитеатрѣ. Извѣстны примѣры, когда хозяева увѣчили и даже распинали своихъ рабовъ. Злоупотребленія властью были, разумѣется, не рѣдкими исключеніями, но и гуманное отношеніе къ рабамъ обуславливалось часто

¹⁾ Аног. I. VI, 1.

²⁾ Діод., III. 12. 13. Относительно каменоломень см. Плавта, Сарт V. 3. 932.

не добротой, а соблюденіемъ собственныхъ интересовъ. А этотъ самый мотивъ обращался и противъ раба, когда тотъ, вслѣдствіе старости или болѣзни, становился неспособнымъ къ труду. Катонъ совѣтуетъ земледѣльцу продавать старыхъ быковъ и старыхъ рабовъ, точно также и больныхъ.

Какъ исключенія, бывали примѣры безкорыстной преданности со стороны рабовъ. Извѣстны рабы, выведеніе изъ города во время осады свою госпожу подъ предлогомъ, что ведутъ ее на казнь. Рабы Корнута бросили въ пламя трупъ неизвѣстнаго человѣка, сказавши, что это ихъ господинъ. Другіе рабы спасали жизнь своимъ господамъ цѣною своей собственной. Но несравненно чаще бывали обратныя явленія, которыя часто не проходили безнаказанно. Одинъ рабъ, донесшій на своего господина во время борьбы Марія и Суллы, хотя и былъ награжденъ свободой, но потомъ казненъ какъ измѣнникъ. Въ періодъ втораго тріумvirата былъ распятъ одинъ рабъ, обнаружившій употребленную его товарищемъ хитрость для спасенія своего господина. По сообщенію историковъ, наибольшей вѣрностью отличались женщины, средней — отпущенники и наименьшей — рабы. Послѣ уничтоженія закона, запрещавшаго рабу показывать противъ господина, въ большомъ изобиліи посыпались со стороны рабовъ обвиненія противъ господъ. Впрочемъ, по словамъ Сенеки, число господъ, павшихъ жертвою мщенія рабовъ, далеко не превышало числа погибшихъ рабовъ. Въ смутныя времена рабы прибѣгали къ измѣнѣ. въ эпохи тираніи — къ доносу, а въ обыкновенное время пользовались ядомъ и тайными кознями.

Опредѣлить съ точностью, хотя-бы даже приблизительно, число рабовъ въ Римѣ или въ Италіи вообще, — очень трудно. Гиббонъ ¹⁾ предполагаетъ, что въ Римѣ, въ царствованіе Клавдія, было по крайней мѣрѣ столько-

¹⁾ Decline and Fall, гл. II. (Рус. пер.).

же рабовъ, сколько и свободныхъ жителей. Но, по нашему мнѣнію, Блеръ ¹⁾ правъ, утверждая, что цифра эта, можетъ быть и справедливая относительно болѣе ранняго періода, далеко ниже истинной для эпохи, о которой идетъ рѣчь. Онъ опредѣляетъ отношеніе рабовъ къ свободнымъ гражданамъ, какъ 3 : 1, для періода между покореніемъ Греціи (146 до Р. Х.) и царствованіемъ Александра Севера (222—235 по Р. Х.). При Клавдіи свободныхъ гражданъ насчитывалось 6,944,000 и слѣдовательно, число рабовъ должно было достигать 20,832,000.

Относительно количества рабовъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ хозяевамъ, римскіе авторы не сообщаютъ намъ ничего опредѣленнаго, а свѣдѣнія, сообщенныя Петроніемъ и другими, несомнѣнно кажутся преувеличенными; тѣмъ не менѣе по нѣкоторымъ достойнымъ вѣры даннымъ и различнымъ косвеннымъ указаніямъ можно заключить, что богатые люди обладали очень большими *familiae*.

Для возмущенія, служившаго прелюдіей ко Второй Войнѣ Рабовъ ²⁾, Ветціусъ вооружилъ четыреста человекъ своихъ собственныхъ рабовъ. Послѣ смерти Педанія Секунда, рабы его, въ количествѣ 400 человекъ, были всѣ умерщвлены, Этотъ звѣрскій поступокъ чуть было не вызвалъ взрыва народнаго негодованія, такъ какъ рабы были умерщвлены только за то, что находились подъ кровлей своего господина въ то время, какъ его убивали ³⁾. Плиній сообщаетъ, что Цециліи, вольноотпущенникъ временъ Августа, оставилъ послѣ себя ни болѣе, ни менѣе, какъ 4116 рабовъ ⁴⁾.

Тоже заключеніе о числѣ рабовъ можно вывести и изъ описанія *columbaŕia* дома Ливіи и другихъ большихъ домовъ *. *Columbaŕii*—это были высокія и боль-

¹⁾ Havery among the Romans, гл. 1.

²⁾ Diod., Fr. XXXI II. 3. (Didot).

³⁾ Tac., Ann. XIV. 43.

⁴⁾ Hist. Nat., XXXIII 47.

шія гробницы, въ которыхъ въ нѣсколько этажей располагались похоронныя урны рабовъ или отпущенниковъ. Въ XVIII столѣтіи подъ однимъ изъ холмовъ была открыта пещъ виноградниками Columbaria Ливіи, жены Августа. По сохранившимся надписямъ и номерамъ можно судить о занятіяхъ и количествѣ ея рабовъ. Это все были рабы, исполнявшіе всевозможныя домашнія службы, прислуживавшіе при всѣхъ тонкостяхъ туалета. Одна нескромная урна открыла даже раба, на обязанности котораго было румянить и красить Ливію. Количество рабовъ, помѣщенныхъ въ этой колумбаріи, было очень значительно, не смотря на то, что туда вошли только высшіе рабы, начальники десятковъ. Columbaria Ливіи была въ два этажа, въ каждомъ этажѣ болѣе чѣмъ по 500 отдѣленій, каждое на двѣ урны. Число урнъ было меньше числа умершихъ, такъ какъ часто, по желанію друзей или родственниковъ, одна урна заключала въ себѣ смертныя останки нѣсколькихъ человѣкъ. Частныя лица также имѣли свои мавзолеи для рабовъ*.

* Что количество рабовъ, которыми располагали богатые римскіе граждане, было очень велико, доказательствомъ тому служатъ еще два закона изъ временъ Августа: одинъ запрещалъ отправляющимся въ ссылку увозить съ собой болѣе 20 рабовъ, другой имѣлъ цѣлью ограничить освобожденіе рабовъ: по духовному завѣщанію дозволялось, смотря по количеству рабовъ, отпустить на волю ^{1/3}, ^{1/4}, ^{1/5} часть ихъ, чтобъ число отпущенниковъ ни въ какомъ случаѣ не превышало 100. Изъ этого видно, что 500 рабовъ далеко не были рѣдкостью для одного гражданина. Одни удовлетворяли большимъ количествомъ рабовъ свое честолюбіе, доставляя народу удовольствія (бои гладіаторовъ) или оказывая ему услуги (напр. на пожарахъ); для другихъ рабы были предметомъ спекуляціи. Такъ Крассъ скушалъ участки земли послѣ пожаровъ, строилъ на нихъ руками своихъ рабовъ дома и такимъ образомъ сдѣлался обладателемъ большей

части Рима. Онъ самъ ихъ обучалъ, дрессировалъ и всячески извлекалъ выгоду изъ разныхъ ихъ талантовъ. И этимъ занимался не одинъ только Крассъ. Рабами владѣли не только богатые граждане, но и бѣдные; даже у высшихъ рабовъ бывали свои рабы, данные имъ господами въ видѣ *rescilium'a* какъ бы для того, чтобы скрасить его положеніе внѣшними признаками господства. Тацитъ указываетъ на возростаніе числа рабовъ и уменьшеніе числа свободныхъ гражданъ, какъ на одну изъ серьезныхъ опасностей, угрожающихъ Риму. По свидѣтельству Сенеки, этотъ фактъ не мало тревожилъ римскихъ патриціевъ. Однажды въ сенатѣ рѣшили назначить для всѣхъ рабовъ одинаковое платье; но вскорѣ отказались отъ этой мѣры изъ опасенія, что въ такомъ случаѣ рабы могутъ сосчитать всѣхъ господъ. *

Римскій законъ высказывался о рабахъ очень опредѣленно и предоставлялъ господину неограниченную власть надъ рабомъ, надъ его жизнью и смертью; да это и не удивительно, если мы примемъ во вниманіе свойства *patria potestas*. Рабу не дозволялось имѣть никакой собственности; все, что онъ пріобрѣталъ, по закону принадлежало его господину. Впрочемъ, на практикѣ ему разрѣшалось имѣть свой *rescilium*, включавшій его заработки, сбереженія и причитающуюся на его долю часть продуктовъ его труда. Господинъ не могъ заключить контракта съ своимъ рабомъ, не могъ также обвинить раба въ воровствѣ передъ судомъ, ибо, если рабъ присвоивалъ себѣ добро господина, это было не похищеніе, а только перемѣщеніе собственности. Союзъ раба и рабыни не имѣлъ легальнаго характера брака; это было только сожительство (*contubernium*), которое господинъ могъ терпѣть, или прекратить по произволу; слѣдовательно, рабъ не могъ быть повяненъ въ прелюбодѣяніи. Впрочемъ, общественное мнѣніе санкционировало этого рода союзы; на сценѣ, въ надписяхъ на надгробныхъ памятникахъ и даже въ законахъ рабамъ сплосъ и ря-

домъ даются названія мужа и жены. За вступленіе въ военную службу или принятіе на себя какой-либо государственной должности, рабъ предавался смерти. Вообще онъ не могъ быть свидѣтелемъ на судѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда допросъ сопровождался пыткой. Если господина обвиняли въ какомъ-нибудь преступленіи, онъ могъ прислать на судъ своихъ рабовъ для допроса подъ пыткой, или потребовать, чтобы такимъ образомъ допросили рабовъ обвинителя; въ последнемъ случаѣ за увѣчые или смерть раба владѣлецъ его получалъ вознагражденіе. Рабъ не могъ обвинить своего господина ни въ одномъ преступленіи, кромѣ прелюбодѣянія и кровосмѣшенія (последнее включало также оскверненіе священныхъ мѣстъ и сосудов); впоследствии сюда былъ присоединенъ еще третій случай—государственной измѣны. Обвиненный рабъ не могъ обратиться за помощію къ трибунамъ ¹⁾. Всякое преступленіе раба каралось сильнѣе, чѣмъ преступленіе свободнаго человѣка; «*maiores nostri*», говорятъ юристы, «*in omni supplicio severius servos quam liberos punierunt*». Въ случаѣ смертнаго приговора свободнаго гражданина ждали мечъ или пронасть; раба—топоръ или крестъ. По закону Аквилія господинъ могъ требовать вознагражденіе за смерть или увѣчые раба; этотъ законъ ставилъ обиду раба на одну доску съ поврежденіемъ четвероногаго («*servis nostris exæquat quadrupes quæ residuum numero sunt*»). Законъ Корнелія ²⁾ каралъ одинаково за убійство раба и свободнаго человѣка; но этотъ законъ не могъ быть примѣненъ къ господину, убившему своего собственнаго раба.

Римскихъ рабовъ не удерживали въ повиновеніи систематическимъ терроризмомъ, подобно спартанскимъ илотамъ, но все-же значительное численное преобладаніе ихъ

1) Seneca, *Controv.*, III. 9.

2) *De sicariis et veneficis* B. C. 62.

надъ свободными гражданами служило постояннымъ источникомъ заботъ и тревогъ для правительства послѣднихъ временъ республики и начала имперіи. Законъ, въ силу котораго рабы Педанія были преданы смерти, впервые примѣненный, по всей вѣроятности, Августомъ и окончательно вошедшій въ силу при Неронѣ—явное доказательство этой тревоги; то-же утверждаетъ и Тацитъ, повѣствуя объ этомъ событіи ¹⁾. Развитие *latifundia* постепенно увеличивало силы и численность рабовъ. Свободный трудъ былъ совсѣмъ въ загонѣ. Катонъ, Варронъ и Колумелла—все совѣтуютъ предпочитать свободному труду подневольный, за исключеніемъ работы въ нездоровыхъ мѣстностяхъ и большихъ предпріятій, превосходящихъ способности и пониманіе постоянного состава *familia rustica* ²⁾. Цицеронъ и Ливій свидѣтельствуютъ объ исчезновеніи въ провинціяхъ свободного плебса и замѣнѣ его толпами рабовъ, работающихъ въ большихъ помѣстьяхъ ³⁾. Гракхи и преемники ихъ, стоявшіе во главѣ народной партіи, были противъ такой убыли свободно-трудящагося населенія, и вся политика ихъ клонилась къ тому, чтобы продвигать ея аграрными законами и колонизаціей на широкую ногу: но проекты ихъ не могли осуществиться на дѣлѣ, пока гражданская власть не соединилась съ военной въ рукахъ единого народнаго главы: и даже когда имперія удовлетворила этому условію, такихъ мѣръ оказалось слишкомъ недостаточно, чтобы бороться со зломъ.

Начиная съ первыхъ вѣковъ республики, рабы не переставали устраивать заговоры, имѣвшіе цѣлью сжечь

¹⁾ А п н. XIV. 42—44. См. также IV. 27. «*Indicta est aliquando a senatu sententia ut servos a liberis cultus distingueret; deinde apparuit quantum periculum immineret, si servi nostri numerare nos coepissent.*». Seneca, *De Clem.* I. 24.

²⁾ Катонъ, V. 4; Варронъ, I XVII. 2; Колум. I. VII. 4—6.

³⁾ Cicero. II. c. Rulle 30, 31; Liv. VI. XII.

городъ, завладѣть Капитоліемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ этому еще присоединилось намѣреніе избить господъ и водвориться на ихъ мѣстѣ, завладѣвши ихъ женами и имуществомъ. Исторія Рима даетъ намъ много примѣровъ заговоровъ между рабами, а также нѣсколько открытыхъ возстаній. Мы читаемъ, напримеръ, о заговорѣ въ 500 г. до Р. X. и о другомъ, въ 419 г. до Р. X.; потомъ еще были заговоры передъ морской битвой при Дуліѣ и между сраженіями при Тразименѣ и Каннахъ. Въ 198 г. до Р. X. чуть было не вспыхнула война рабовъ; въ 196 г. было возстаніе въ Этруріи, а въ 185 г. въ Апуліи. Заговоры не удавались, заговорщики платились жизнью. Еще до Пуническихъ войнъ упоминается о нѣсколькихъ заговорахъ. Разъ даже чуть было не вспыхнула война рабовъ у самыхъ воротъ Рима, но, благодаря доносу двухъ рабовъ, до войны не дошло, а было казнено 500 человекъ *

Худшая форма земледѣльческаго рабства существовала въ Сициліи: Моммсенъ предполагаетъ, что самыя жестокія черты ея были заимствованы у Карфагенинъ ¹⁾. Оттого то въ Сициліи и вспыхнулъ первый серьезный мятежъ рабовъ, вызванный ихъ бѣдственнымъ положеніемъ и облегченный привычкой къ разбойничеству, которое терпѣли и, говорятъ, даже поощряли сами хозяева, такъ какъ оно сокращало расходы на содержаніе рабовъ.

* Въ Сициліи рабы были слишкомъ обременены непосильнымъ безпрестаннымъ трудомъ и недостаточно обезпечены даже необходимымъ платьемъ и пропитаніемъ. Сами господа рекомендовали имъ заботиться о себѣ путемъ грабежа и насилій; поэтому грабежи въ Сициліи распространились до такой степени, что не безопасно было отправляться въ путь, чуть только начинало темнѣть. Пастухи, по самому роду занятій проводившіе всю жизнь на открытомъ воздухѣ, вооружались чѣмъ могли

1) History of Rome, IV: II (Рус. пер. .

съ ногъ до головы. Начальники провинцій безсилны были въ борьбѣ съ этимъ зломъ, такъ какъ они ничего не могли подѣлать противъ богатыхъ римскихъ гражданъ, владѣльцевъ Сициліи. Недовольство скоплялось среди рабовъ и тѣмъ легче соединяло ихъ, что противъ нихъ не употреблялось никакихъ мѣръ предосторожности. Слишкомъ безвыходное положеніе этихъ несчастныхъ сдѣлало ихъ очень воспримчивыми ко всякимъ броженіямъ и мятежамъ. Послѣдніе то и дѣло всныхивали при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ напр. однажды среди нихъ проявился нѣкій рабъ Эвней, который, по его словамъ, получилъ во снѣ откровеніе будущаго и этимъ привлекъ къ себѣ вниманіе не только рабовъ, но и господъ. Онъ увѣрялъ, что имѣетъ прямое сообщеніе съ богами и въ подтвержденіе этого давалъ разные отвѣты не иначе, какъ извергая изо рта искры и пламя. Себѣ лично Эвней предрекалъ царскую будущность. Господа часто потѣшались надъ этимъ оракуломъ, а рабы возлагали на него всѣ свои надежды. Для возстанія рабовъ не доставало только его слова. Выведенные изъ терибнїи жестокостями Дамофила, одного изъ первыхъ сицилійскихъ богачей, рабы обратились къ Эвнею съ вопросомъ, не разрѣшаютъ ли имъ боги устроить заговоръ. Оракуль отвѣтилъ, что боги не только разрѣшаютъ, но даже приказываютъ возстать сейчасъ же, не теряя ни минуты. Самъ онъ сталъ во главѣ рабовъ. Повсюду пошли грабежи, насиліе и убійства. Самого Дамофила завлекли въ театръ и тамъ умертвили, а жену его женщины низвергли съ башни. Дочь же ихъ, не разъ проявлявшая свою доброту по отношенію къ рабамъ, была не только оставлена въ живыхъ, но и окружена извѣстной заботой. По словамъ Діодора, этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, что чрезвѣрная жестокость, проявляемая рабами, была не прирожденной чертой ихъ характера, а только отвѣтомъ на все то, что имъ пришлось перенести и выстрадать. Количество мя-

тежниковъ возросло до 200 тысячъ. Римскіе полководцы были обращены въ бѣгство. Это возстаніе встрѣтило горячее сочувствіе и среди сицилійской черни, тоже слишкомъ свыкшейся съ нищетой. Только благодаря измѣнѣ, Рутилію удалось подавить возстаніе. Эвней убѣжалъ въ горы, но былъ найденъ и сгноенъ въ тюрьмѣ (133 г. до Р. X.).

* Не смотря на эту неудачу, Сицилія не могла не быть главнымъ ядромъ возстаній, пока еще существовало рабство. Во время борьбы съ Югуртой Марію необходимо было увеличить свои военныя силы. Не ограничившись включеніемъ въ свое войско пролетаріевъ, онъ получилъ отъ сената разрѣшеніе набрать себѣ вспомогательныя войска въ земляхъ по ту сторону Средиземнаго моря. Царь Виѳинскій отвѣтилъ, что у него нѣтъ подданныхъ, такъ какъ большая часть гражданъ за долги, пондобившіеся для уплаты налоговъ, продана въ рабство. Сенатъ, по крайней мѣрѣ для виду, не могъ признать этого явленія законнымъ, и особымъ постановленіемъ запретилъ обращать въ рабство свободнорожденныхъ. Когда это стало извѣстнымъ въ Сициліи, считавшейся провинціей Рима, 800 рабовъ провозгласили себя свободными. Господа подняли тревогу. Запротестовавшіе рабы получили отъ начальника провинціи приказаніе вернуться назадъ къ своимъ господамъ, но они не повиновались, а удалились въ священный лѣсъ и обдумывали тамъ планъ возстанія. На этотъ разъ возстаніе не достигло большихъ размѣровъ, такъ какъ изъ ихъ собственной среды вышелъ предатель, погубившій все дѣло: это былъ человѣкъ, котораго они сами поставили во главѣ. Не желая отдаться живыми, мятежники бросились съ утеса въ пропасть.

* Не успѣвъ преторъ распусить войско, какъ пронесся слухъ, что рабы убили одного римскаго всадника и снова подняли возстаніе. Мятежники провозгласили своимъ королемъ флейтиста Сальвія, человѣка сердеч-

наго и талантливаго, снискавшаго своими пророчествами и сумасбродствами общую любовь. Какъ и въ первую войну, число мятежниковъ быстро увеличивалось, привлекая сочувствіе и городской черни. Одновременно съ этимъ происходило возстаніе и на другомъ концѣ Сициліи подъ предводительствомъ нѣкоего Атеніона, популярности котораго основывалась на его мужественности и астрономическихъ познаніяхъ. Онъ образовалъ вокругъ себя новую банду изъ самыхъ сильныхъ и храбрыхъ рабовъ, предоставивши остальнымъ домашнія работы. Всѣмъ рабамъ грабежи и насилія были безусловно запрещены. Оба предводителя соединились вмѣстѣ для осады Тріокаля. Сальвій сдѣлалъ этотъ городъ своей столицей: тамъ былъ дворецъ для него и Форумъ для народныхъ собраний. Онъ заботился много объ украшеніи своей новой столицы: у него даже былъ нѣкоторый планъ государственнаго устройства; онъ засѣдалъ въ совѣтѣ, а при выходахъ появлялся не иначе, какъ въ сопровожденіи ликторовъ, въ тогѣ претекстѣ, окрашенной пурпуромъ, съ обычными эмблемами царской власти. Это было странное сочетаніе республиканскихъ обычаевъ съ формами азіатской деспотіи. Другъ Марія Аквилій подавилъ возстаніе, и оба предводителя погибли. Тысяча рабовъ, способныхъ еще оказать сопротивленіе, были оставлены въ живыхъ и предназначены для потѣхи римскихъ гражданъ, въ борьбѣ съ дикими животными. Но подобная смерть являлась для нихъ слишкомъ унижительною, и они сами перебили на аренѣ другъ друга. Предводитель же ихъ былъ умерщвленъ, по его собственному приказанію, послѣ всѣхъ послѣднихъ рабовъ, который уже самъ покончилъ съ собой.

* Хотя возстаніе и было подавлено, но грабежи не прекращались и составляли какъ бы продолженіе войнъ рабовъ *. За нимъ послѣдовали отдѣльныя вспышки мятежа въ различныхъ мѣстностяхъ Италіи. Затѣмъ въ самую критическую для Италіи минуту, разразилась Война

рабовъ, явившаяся суровымъ испытаніемъ для военныхъ силъ Рима *). Въ послѣдующихъ гражданскихъ смутахъ, обѣ стороны некали помощи рабовъ, даже самъ Марій ¹⁾ и въ послѣдствіи Катиллина ²⁾, впрочемъ, послѣдній въ концѣ концовъ отказался отъ ихъ услугъ. Клодій и Милонъ, бунтуя, городъ, прибѣгали къ помощи гладиаторовъ, и такой образъ дѣйствій послѣдняго одобряетъ Цицеронъ ³⁾. Въ первую гражданскую войну мы встрѣчаемъ гладиаторовъ въ обоихъ лагеряхъ; они-же сопровождали въ Капитолій убійцъ Цезаря—этихъ *soi-disant* мстителей за свободу. Во вторую гражданскую войну ихъ призывали Антоній, Октавій и Секстъ Помпей; Августъ въ надписи на *Monumentum Aesuganum* говоритъ, что онъ выдалъ обратно хозяевамъ до 30,000 бѣглыхъ рабовъ, поднявшихъ оружіе противъ государства. При Тиверіѣ, затѣмъ послѣ смерти Калигулы и при Неронѣ ропотъ и недовольство рабовъ каждую минуту грозили возстаніемъ. Опасность эта, нависшая надъ имперіей, не исчезала и въ послѣдующія эпохи. Во время нашествія Готовъ, къ нимъ присоединились всѣ ихъ земляки, купленные или взятые въ плѣнъ римлянами. Рабы въ Галліи почти en masse приняли участіе въ возстаніи Багодеи, и сорокъ тысячъ рабовъ бѣжали къ Алариху во время осады Рима.

О нравственномъ вліяніи рабства вообще, мы уже говорили. Въ частности, относительно Рима, нельзя сомнѣваться, что оно сильно благопріятствовало разврату, грязнившему частную жизнь римлянъ, по свидѣтельству Ювенала, Марціала и Петронія. Оно также способствовало развращенію юношества, потворствуя его слабостямъ, развивая въ подросткахъ скрытность и склонность къ интригамъ. Воспитателемъ ребенка былъ рабъ, часто человѣкъ недостойный: посредствомъ лести и по-

*) См. дополненіе къ этой главѣ.

1) Plut., Sull., 9.

2) Sall., Cat., 24 и 56.

3) De off., II, VII.

творства они мало по малу овладѣвали довѣріемъ своего питомца, становился его совѣтникомъ и добровольнымъ орудіемъ его распущенности. Въ то время, какъ одни благодаря такимъ позорнымъ услугамъ, пріобрѣтали чрезмѣрное и опасное вліяніе на своихъ господъ, другіе становились беззащитными жертвами ихъ чувственности. Просто совѣстно читать, какимъ тономъ Гораций, чело-вѣкъ вообще такой веселый и добродушный, говоритъ о подчиненіи рабовъ животнымъ страстямъ своихъ хозяевъ ¹⁾). Ожесточающее вліяніе рабства сказывалось можетъ быть нагляднѣе всего въ варварскихъ зрѣлищахъ въ амфитеатрѣ: даже женщины находили удовольствіе въ такихъ зрѣлищахъ и требовали смерти гладиатора, своимъ отчаяннымъ удалствомъ не удовлетворившаго требованіямъ кровожадной черни. Политическое вліяніе рабства въ ту эпоху также было печальное. Оно влекло за собой униженіе свободнаго труда: даже земледѣліе мало по малу перестало пользоваться уваженіемъ ²⁾). Рабы, успѣшно конкурируя съ гражданами во всякой городской работѣ, способствовали умноженію въ Римѣ празднои и разгульной черни, требовавшей только «хлѣба и зрѣлищъ». При республикѣ эта чернь содержалась на общественныя средства—императоры также не рѣшились положить конецъ публичной раздачѣ милостыни—и на щедроты своихъ патроновъ, и, подобно «meal whites» въ современной Америкѣ, чернь образовала изъ себя опасный классъ людей—продажныхъ, проникнутыхъ мелкимъ, эгоистическимъ честолюбіемъ и готовыхъ раздуть каждую гражданскую смуту ³⁾).

Блерь, сравнивая между собой рабство у грековъ и римлянъ ⁴⁾), по справедливости отдастъ предпочтеніе по-

1) Sat., I, 2, 116.

2) «Quum sit publice accepta et confirmata jam vulgaris existimatio, rem rusticam sordidum opus». Col., I, proef. 20.

3) См. дополненіе къ этой главѣ.

4) Slavery among the Romans, гл. XI.

слѣдному въ одномъ отношеніи,—именно въ виду большей легкости и болѣе частыхъ случаевъ эмансипаціи. По словамъ его, ни одинъ римскій рабъ «не могъ отчаяваться въ томъ, что онъ когда-нибудь сдѣлается свободнымъ человѣкомъ и гражданиномъ». Освобожденіе было двухъ родовъ—*justa* или правильное, и *minus justa*. *Manumissio justa* могло совершиться слѣдующимъ образомъ:—1) посредствомъ усыновленія, но къ этому средству прибѣгали рѣдко; 2) по завѣщанію; 3) посредствомъ *census* (представленія цензору и внесенія въ списки гражданъ): къ *census* прибѣгали въ исключительныхъ случаяхъ и послѣ Веспасіана этотъ способъ былъ совсѣмъ оставленъ; и 4) посредствомъ т. наз. *vindicta*—самый употребительный способъ. Онъ состоялъ въ томъ, что господинъ поворачивалъ своего раба на-лѣво кругомъ, со словами «*liber esto*», въ присутствіи претора или другаго представителя власти, причемъ этотъ послѣдній или его ликторъ ударялъ раба пучкомъ прутьевъ. Для *manumissio minus justa* достаточно было господину выразить свое желаніе освободить раба—письменно, или на словахъ, въ кругу друзей, или надѣть ему на голову *pileus* (головной уборъ, присвоенный свободнымъ людямъ),—вообще продѣлать ту или другую формальность, въ силу обычая выражающую собой намѣреніе отпустить на волю, или-же наконецъ, назначить раба опекуномъ своихъ дѣтей. Этотъ, такъ сказать, экстра-легальный видъ отпуска на волю имѣлъ лишь неполное и спорное значеніе; даже послѣ того, какъ законъ Юлія Норбана (19 г. по Р. X.) приравнялъ освобожденнымъ этимъ путемъ рабовъ къ латинскимъ колонистамъ, подъ именемъ *Latini juniores*, они до самой смерти продолжали оставаться въ глазахъ закона рабами и не могли располагать своимъ *resulium*омъ.

Вольноотпущенникъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда его освобождалъ самъ законъ, становился кліентомъ своего господина, и эти новыя отношенія налагали на обонхъ

извѣстныя обязанности. Обязанности эти были одинаковы и для отпущенныхъ на волю государствомъ, городами, храмами и корпораціями. Господинъ — нынѣ патронъ долженъ былъ покровительствовать своему кліенту и защищать его въ судѣ, а также быть его опекуномъ, если кліентъ былъ несовершеннолѣтній, и кормить его, если онъ не имѣлъ средствъ къ жизни. Вольноотпущеникъ носилъ фамилію своего прежняго господина, обязанъ былъ оказывать ему почтеніе (*obsequium*) и помощь (*officium*)—въ нѣкоторыхъ случаяхъ денежную; нарушение этихъ обязанностей наказывалось; крайней мѣрой наказанія было лишеніе свободы и новое рабство. При отпускѣ на волю господинъ могъ ставить условіе—напр. обязать раба жить въ его домѣ, служить ему вообще или заниматься какимъ нибудь специальнымъ дѣломъ, или наконецъ, потребовать съ него денежный выкупъ. Но преторъ Рутилій, въ началѣ 1-го столѣтія до Р. Х. ограничилъ права хозяевъ, злоупотреблявшихъ такими условіями; позднѣе, эти ограниченія были подтверждены юристами и законами имперіи. Въ случаѣ отсутствія прямыхъ наслѣдниковъ, имущество умершаго кліента наслѣдовало его патронъ и бывший хозяинъ; да и вообще вольноотпущеникъ могъ располагать по духовной только половиной своего имущества; другая половина, по закону, доставалась патрону. Гражданскія права вольноотпущениковъ и дѣтей ихъ были ограничены: только третье поколѣніе становилось *ingenua* (полноправными гражданами). Этимъ процессомъ постепенной инфильтраціи рабскій элементъ стремился впитаться въ народный организмъ и Сципионъ Эмилианъ имѣлъ право отвѣтить на ропотъ черни: «*Faceant quibus Italia novetia est: non efficietis ut solutos verear quos alligatos adduxi*»¹⁾.

Господину часто бывало въ матеріальномъ отношеніи выгодно освободить раба; онъ получалъ выкупъ, на ко-

1) Val. Max., VI. 2, 3.

торый могъ купить другаго раба, взаи́мнѣ освобожденнаго, и въ то-же время пріобрѣталъ кліента. Разумѣется, тутъ предполагается, что рабъ имѣлъ признанное право на свой *resciliunt*; тоже подразумѣваетъ и Цицеронъ, утверждая, что умный рабъ въ шесть лѣтъ можетъ откупиться на волю. Августъ самъ возставалъ противъ слишкомъ широкаго пользованія правомъ отпуска на волю, вѣроятно, находя быстрый приростъ новыхъ гражданъ источникомъ государственной неустойчивости, и рекомендовалъ подобную-же политику своему преемнику. Законъ *Ælia Sentia* (около 3 г. по Р. X.) запрещаетъ отпускать на волю раба моложе 30 лѣтъ и не давалъ права на отпускъ господину моложе 20 лѣтъ; законъ *Fugia Sabinia* (около 7 г. по Р. X.) устанавливалъ количество рабовъ, которые могли получить свободу по духовной пропорціонально общему количеству ихъ, и не позволялъ отпускать такимъ образомъ болѣе сотни, какъ бы ни была велика *familia* господина. Во времена имперіи вольноотпущенники постепенно добились большаго вліянія; они получили доступъ въ сенатъ и въ сословіе всадниковъ (*equites*); имъ поручали управленіе провинціями и такія должности при дворѣ императора, которыя фактически ставили ихъ въ главѣ административныхъ учрежденій. Представителями недостойныхъ членовъ сословія вольноотпущенниковъ могутъ служить Палласъ и Нарциссъ; многіе изъ нихъ, безъ сомнѣнія, и внѣ оффиціальной жизни обнаруживали чванство и дерзость, присущія выскочкамъ, или безсовѣстную низость паразитовъ; но были и другіе, заслуживавшіе полного уваженія. Болѣе скромные вольноотпущенники занимали мелкія должности въ администраціи, служили въ городскихъ когортахъ и въ арміи; мы находимъ ихъ въ большомъ количествѣ во всѣхъ профессіяхъ и во всѣхъ отрасляхъ ремеслъ, гдѣ началъ оживать свободный трудъ. Выступали они и въ литературѣ; извѣстно много историческихъ и біографическихъ мемуаровъ, написанныхъ

вольнотпущенниками, во времена республики и начала имперіи: многіе изъ нихъ были профессорами грамматикъ и родственныхъ ей наукъ, какъ напр. Тиронъ—*ataniensis* Цицерона, и Гигиній (*Huginus*)—библіотекарь Августа; есть и болѣе громкія имена—Ливій Андроникъ, Стацій Цецилій, Теренцій, Публий Сиръ (*Syrus*), Федръ и Эпиктетъ.

Во второмъ вѣкѣ христіанской эры мы находимъ замѣтную перемѣну по отношенію къ рабству, какъ въ области мысли, такъ и въ области закона. Въ разсужденіяхъ о рабствѣ принципы разума и гуманности впервые были примѣнены уже Сенекой ¹⁾; что-бы мы ни думали о немъ, какъ о человѣкѣ, мы должны быть благодарны ему за его справедливое и либеральное отношеніе къ рабамъ, которыхъ, по его словамъ, мы должны считать своими «смирненными друзьями», и въ особенности за его энергическій протестъ противъ гладіаторскихъ боевъ и жестокостей толпы, унижающейя такими кровавыми зрѣлищами ²⁾. Его образъ мыслей такъ близокъ къ духу христіанства, что Тертуллианъ говорилъ о немъ «*Seneca, saepe noster*» ³⁾. Существуетъ преданіе, будто онъ находился въ дружбѣ со св. Павломъ, не подтверждаемое впрочемъ, ничѣмъ, кромѣ апокрифовъ: Тролонъ (*Trolog*) ⁴⁾ и другіе изъ его сочиненій, проникнутыхъ христіанскимъ духомъ, выводятъ заключеніе,—но, повидимому, безъ достаточныхъ основаній—что онъ читалъ священное писаніе и вдохновлялся имъ. Но лишь во второмъ столѣтіи «нравственныя идеи одержали рѣшительную побѣду какъ въ этой, такъ и въ другихъ областяхъ жизни...

Цонъ Хризостомъ, совѣтникъ Траяна—первый грече-

¹⁾ См. дополненіе къ этой главѣ.

²⁾ Цицеронъ осуждалъ ихъ довольно двусмысленно: «*Crudele gladiatorum spectaculum et in humanum nonnullis videri solet, et haud scio an ita sit ut nunc fit*». *Tusc.*, II. 17.

³⁾ *De anima*, 20.

⁴⁾ *Sur l'influence du Christianisme dans le droit romain*, стр. 71—79.

скій писатель, объявившій ¹⁾ рабство противнымъ естественному закону ²⁾). Соответственно этому измѣняло свое отношеніе къ нимъ и правительство. Римъ выполнилъ свое завоевательное призваніе: владѣнія его достигли естественныхъ предѣловъ: за вѣкомъ побѣды послѣдовалъ вѣкъ администраціи: императоры, сознавая необходимость развитія промышленности и торговли, насколько было возможно, подготовляли уничтоженіе рабства, оказывая почетъ вольноотпущенникамъ, принимая подъ свое покровительство рабовъ, угнетаемыхъ господами, и облегчая имъ отпускъ на волю.

За отсутствіемъ признанной духовной власти въ римской имперіи, обязанности ея по своему исполняли юристы, приводя въ систему различныя указанія практической морали: полезнымъ напоминаніемъ объ *jus naturale* они смягчали суровое высокомѣріе закона и мѣшали его недостойнымъ служителямъ толковать его въ свою пользу ³⁾). Какъ императоры, такъ и законодатели во всѣхъ своихъ постановленіяхъ высказывались въ пользу свободы ⁴⁾).

Продажа дѣтей и выдача ихъ въ качествѣ заложниковъ при займѣ денегъ, были запрещены. Эдиктомъ Цюклетіана запрещалось свободному человѣку отдавать себя въ кабалу. Похитители взрослыхъ людей и дѣтей (*plagiarii*) предавались смерти. Законъ исторгалъ неоплатнаго должника изъ оковъ кредитора. Торговля рабами была еще разрушена, но столь часто практикуемое изувѣчиваніе мальчиковъ и юношей каралось изгнаніемъ, ссылкой въ рудники и даже смертию. Въ случаѣ отгнѣны

1) Orat. XV стр. 258.

2) Mark Pattison, University sermons, стр. 158.

3) «Quod ad jus naturale attinet, omnes homines aequales sunt Ulpian.

«Servitus est constitutio juris gentium, qua quis dominio alieni contra naturam subicitur.»—Florentinus

4) «Nec ignotum est quod multa contra juris rigorem pro libertate sint constituta.»—Ulpian.

торговой сдѣлки, если покупатель возвращалъ раба продавцу, то долженъ былъ вернуть также и его родителей, братьевъ и personam contubernio conjunctam. При составленіи духовной, нельзя было разъединить семью, отказавъ отдѣльныхъ членовъ ея разнымъ лицамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ законъ охранялъ также неприкосновенность ресціпіи¹⁾, хотя въ принципѣ это послѣднее все еще оставалось собственностію господина. Общественнымъ рабамъ государство предоставляло право располагать по завѣщанію половиною своего имущества: такимъ-же правомъ, и даже въ большихъ размѣрахъ, часто пользовались рабы частныхъ лицъ, хотя наследство не должно было выходить изъ предѣловъ familia¹⁾. Адрианъ отнялъ у хозяевъ власть надъ жизнью и смертію рабовъ и уничтожилъ подземныя тюрьмы. Антонинъ Пій наказывалъ хозяина, безъ законнаго повода (sine causa) убившаго своего раба, такъ-же строго, какъ и за убійство чужого. Уже во времена Нерона судьямъ приказано было принимать жалобы рабовъ на дурное обращеніе съ ними хозяевъ, а законъ Петронія, относящійся къ той-же или даже къ болѣе ранней эпохѣ, запрещалъ хозяевамъ посылать своихъ рабовъ въ циркъ на борьбу съ дикими звѣрями. Антонинъ повелѣлъ продавать въ другія руки рабовъ, которые бѣжали отъ жестокости своихъ хозяевъ и нашли пріютъ у алтарей боговъ, или у подножія статуи императора: это-же постановленіе примѣнялось и въ тѣхъ случаяхъ, когда господинъ требовалъ отъ раба поступковъ позорящихъ и унижительныхъ для него.

Маркъ Аврелій требовалъ, чтобы рабовладѣльцы со всякими жалобами обращались прямо въ судъ, отдавая такимъ образомъ отношенія рабовъ и хозяевъ подъ наблюденіе закона и общественнаго мнѣнія. Клятва раба все еще не имѣла значенія на судѣ: его допрашивали

¹⁾ «Dumtaxat intra domum», Plin. Epist. VIII. 16.

подъ пыткой; но императоры и юристы старались разными путями ограничить примѣненіе пытки и прибавили къ двумъ случаямъ, когда показаніе раба принималось во вниманіе, еще третій — оскорбленіе величества. За нѣкоторые тяжкіи обиды со стороны господина, рабъ также могъ завести съ нимъ процессъ, причемъ его на судѣ представлялъ *adsertor*. Правительство поощряло освобожденіе рабовъ; большинство прежнихъ формальностей были уничтожены, препятствія и затрудненія со стороны закона по возможности устранены.

Право хозяина ставить условія при отпускѣ на волю по духовной было также ограничено, и эти условія толковались въ смыслѣ благопріятномъ для отпущенника. Императоръ могъ дать свободу рабу, подаривъ ему золотое кольцо, съ согласія его господина, а послѣ судебного процесса, называемаго *restitutio natalium*, таковой рабъ становился полноправнымъ гражданиномъ.

Ко времени распространенія христіанства среди римлянъ, положеніе рабовъ постепенно улучшалось ¹⁾. Чувства, внушаемыя новой религіей, не только вызвали гуманное отношеніе къ рабамъ въ настоящемъ, но и носили въ себѣ зародыши грядущаго освобожденія. Христіанскую Церковь часто и несправедливо упрекали въ томъ, что она не объявила сразу рабство преступленіемъ противъ общества и не настояла на его немедленномъ уничтоженіи, а напротивъ, какъ-бы поощряла его: лица духовнаго званія и религіозныя общины сами владѣли рабами ²⁾. Мы уже видѣли, что рабство было основнымъ элементомъ старо-римскаго государственнаго устройства, не только пустившимъ глубокіе корни въ законахъ, но и неизбѣжно вытекающимъ изъ воинствен-

1) См. дополненіе къ этой главѣ. Не впадъ соглашаясь въ послѣдующемъ изложеніи съ мнѣніемъ почтеннаго автора, позволяемъ себѣ оставить его безъ замѣчаній, а въ приложеніи къ этой главѣ, приводимъ мнѣнія другихъ авторовъ, держащихся нѣсколько другой точки зрѣнія. Ред.

2) См. дополненіе къ этой главѣ.

ной миссиі государства. Дѣло завоеванія наконецъ завершилось, но нельзя же было ожидать быстрой и радикальной перемѣны, какъ въ общественномъ строѣ, отлочно уживавшемся съ рабствомъ, такъ и въ возрѣвнхъ общества, сложившихся подъ вліяніемъ его. Время подтачивало послѣднія постепенно; мы уже прослѣдили измѣненія въ законѣ, указывавшія на измѣнившееся отношеніе общества къ сословію рабовъ: эта перемѣна совершилась, повидимому, вовсе не подъ вліяніемъ новаго ученія, но находилась въ зависимости отъ измѣнившихся условій жизни и смягченія правовъ, обусловленнаго въ свою очередь болѣе мирнымъ режимомъ. Но все-же этого учрежденія нельзя было разрушить сразу; оно пустило слишкомъ глубокіе корни и было слишкомъ тѣсно связано съ существующимъ порядкомъ вещей. Еслибы рабство было уничтожено вдругъ, весьма возможно, что результаты получились-бы не только свѣтлыя, но и печальныя, главнымъ образомъ—для самихъ-же рабовъ. Прежде всего, необходима была существенная перемѣна въ государственномъ строѣ: государство, организація котораго была приспособлена прежде всего для нападенія на другіе народы, нужно было приспособить теперь и организовать для защиты, а такая перемѣна не можетъ совершиться въ одинъ день. Въ ожиданіи же ея, многое могло быть сдѣлано, а кое что отчасти и дѣлалось для смягченія зла; въ особенности важно было точнѣе опредѣлить взаимныя обязанности раба и господина; важно было наблюдать за выполненіемъ ихъ, установивъ надъ тѣми и другими независимый нравственный авторитетъ ¹⁾. Вотъ такая задача предстояла христіанскому духовенству, и нельзя отрицать, что оно выполнило ее болѣе или менѣе добросовѣстно. Оно не могло, конечно,

¹⁾ Взаимныя обязанности господина и раба съ христіанской точки зрѣнія, устанавливаетъ св. Павелъ съ отличающимъ его благородствомъ чувства. См. Посл. къ Ефес. гл. VI. 5--9; къ Кол., гл. III, 22, VI, 1; а также Посл. къ Филіпону.

кореннымъ образомъ преобразовать это учрежденіе, помѣнать его вредному вліянію на нравственность и предотвратить злоупотребленія, имѣвшія мѣсто среди язычниковъ и послѣ введенія новой вѣры, но оно могло уменьшить и ослабить ихъ.

Отцы церкви въ своихъ воззрѣніяхъ на рабство приближаются къ стоикамъ второго столѣтія; они также считаютъ рабство или свободу несущественными съ точки зрѣнія религіи и морали, но вмѣсто презрѣнія, которое слишкомъ часто выказывали стоики по отношенію къ сословію рабовъ, они питаютъ къ рабамъ искреннюю симпатію. Они возстаютъ противъ тщеславія вельможъ, стремящихся умножить число своихъ рабовъ, противъ поединковъ гладіаторовъ (впослѣдствіи воспрещенныхъ благодаря высокому самоотверженію одного монаха ¹⁾) а также противъ отдачи рабовъ въ театральныя школы, которыя часто становились школами разврата. Церковь покровительствовала также освобожденію рабовъ и выкупу плѣнныхъ. Вліяніе ея сказалось въ законодательствѣ христіанскихъ императоровъ, которое смягчило еще ужаснѣшія жестокія черты рабства. Нельзя сказать, чтобы это законодательство неуклонно шло по пути прогресса; порою мы замѣчаемъ даже регрессъ—напримѣръ при Константинѣ, возобновившемъ право отца продавать своихъ дѣтей (сохраняя за собой право когда угодно выкупить ихъ) и право того, кто нашелъ подкинутого ребенка, считать его своимъ рабомъ: эти уступки нѣкоторыя стараются оправдать крайнею бѣдностью населенія въ ту эпоху. Болѣе сильное вліяніе имѣло христіанство на Феодосія, а своего апогея это вліяніе достигло въ кодексѣ Юстиніана, систематически стремившагося, по его собственнымъ словамъ «*pro libertate, quam et*

¹⁾ Телемакъ, въ царствованіе Гонорія. Онъ бросился на арену, чтобы разнять гладіаторовъ; народъ забросалъ его камнями, но это самоотверженіе повело къ запрещенію поединковъ. Вся исторія разсказана въ одной изъ поэмъ Теннисона.

fovere et tueri Romanis legibus et præcipue nostro iurini peculiare est».

Законъ все еще въ принципѣ не признавалъ браковъ между рабами: но Юстиніанъ призналъ ихъ законными послѣ освобожденія, предоставивъ дѣтямъ право наследовать имущество освобожденныхъ родителей.

Союзы между рабами и свободными женщинами или между свободными гражданами и рабынями долго были запрещены и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже наказывались съ варварской жестокостью. Но бракъ господина съ его вольноотпущенницей освобождалъ и узаконялъ ихъ дѣтей, рожденныхъ въ рабствѣ, и, если даже безъ брака рабыня жила съ господиномъ всю жизнь, какъ жена, дѣти ихъ считались свободными. Какъ свидѣтели, раба все еще допрашивали подъ пыткой: какъ преступникъ—онъ несъ болѣе суровую кару, чѣмъ свободный человѣкъ. Раба, обвинявшаго своего господина въ какомъ-нибудь преступленіи (кромѣ преступленія государственной измѣны); сжигали на кострѣ. Но теперь рабъ получилъ право передъ судомъ отстаивать свою свободу и уже не черезъ *adsertora*, а лично. Рабыня все еще не могла быть обвинена въ прелюбодѣяннн, но кодексъ Юстиніана одинаково наказывалъ смертью какъ похищеніе свободной дѣвушки, такъ и похищеніе рабыни или вольноотпущенницы. Господинъ теперь уже наказывался за убійство своего раба, какъ за убійство вообще,—за исключеніемъ случаевъ непредумышленнаго убійства, когда рабъ умиралъ подъ наказаніемъ. Константинъ считалъ нѣкоторые, специально перечисленные проявленія жестокости равносильными убійству. Еще и при Θεодосіѣ правительство если не поощряло, то допускало поединки въ амфитеатрѣ; честолюбцы, добивающіеся общественныхъ почестей, даже какъ-бы обязаны были публично выказывать свою силу и мужество. Дальше всего удержалась борьба людей съ дикими звѣрями.— даже до первыхъ лѣтъ царствованія Юстиніана.

Константинъ ввелъ новый способъ освобожденія— совершавшагося въ церкви, при участіи священниковъ; позднѣе лицамъ духовнаго званія даровано было право освобождать рабовъ въ какое угодно время, однимъ словеснымъ выраженіемъ своей воли. Рабъ, поступавшій въ члены какого-либо ордена или въ монастырь, становился свободнымъ человѣкомъ, съ извѣстными ограниченіями, въ предупрежденіе обмана или несправедливости. Юстиніанъ отмѣнилъ личныя условія (возраста), которыми, по декрету Августа, должны были удовлетворить хозяинъ и рабъ при отпускѣ на волю послѣдняго, и разрѣшилъ отпускать на волю неограниченное число рабовъ. Переходная стадія между рабствомъ и свободой также была уничтожена. Послѣ отпуска на волю, какимъ-бы путемъ ни досталась ему свобода, рабъ сразу становился свободнымъ гражданиномъ, но бывшій господинъ его все-таки удерживалъ надъ нимъ права патрона; лишеніе хозяевъ этихъ правъ по всей вѣроятности задержало-бы эмансипацію.

I ДОПОЛНЕНИЕ КО II ГЛАВЪ.

Хлѣбъ, зрѣлища, гладіаторы и возстаніе ихъ.

(Tourmagnes. Histoire de l'esclavage)

Въ первомъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія римское общество заключало въ себѣ два класса людей: господь и рабовъ. Первые владѣли богатствомъ и почестями, вторые ничѣмъ: они даже не располагали собственнымъ трудомъ, такъ какъ должны были работать даромъ. Рабовъ покупали какъ скоть и кормили, не платя имъ. Варронъ называетъ ихъ машинами съ человѣческимъ голосомъ. Дѣйствительно, они играли въ античной промышленности ту же роль, какая въ новѣйшей принадлежитъ машинамъ, съ той однако разницей, что ихъ работа, не нуждавшаяся ни въ какихъ пособіяхъ, изгоняла свободный трудъ, тогда какъ новѣйшая машина его требуетъ. Таково было положеніе большей части римскаго населенія въ началѣ нашей эры. Къ этимъ двумъ элементамъ общества прибавился третій: народъ. Могущественный во время республики, но мало-по-малу уменьшившійся количественно, благодаря войнамъ, лихоимству и конкуренціи съ рабами, онъ потерялъ всякое вліяніе, политическое и общественное. Не владѣя больше ничѣмъ, онъ жилъ не заработкомъ, а подачками отъ знати, отъ своихъ патроновъ или городскихъ эдировъ. Онъ составлялъ четвертую часть населенія Рима. Его можно назвать переходной ступенью между классомъ рабовъ и господь въ Римѣ. Но это

были уже не тѣ плебеи, которые добивались и добились когда-то расширенія своихъ правъ.—это были плебей, потерявшій права и спустившійся до положенія, близкаго къ положенію рабовъ. Плебей теперь имѣли болѣе общаго съ рабами, чѣмъ съ свободными гражданами. И у нихъ была также нищета, также ненависть къ высшему классу. Въ минуты опасности плебей болѣе былъ на сторонѣ рабовъ, чѣмъ на сторонѣ этого послѣдняго.

И такъ, богачи, заставлявшіе работать, рабы, работавшіе на нихъ, и нищіе, которые не могли трудиться— вотъ составные элементы населенія Рима и его провинцій во время имперіи ¹⁾.

Вотъ происхожденіе этого явленія. При каждой побѣдѣ, при каждомъ присоединеніи территоріи. Римляне часть земли оставляли побѣжденнымъ, а часть распредѣляли между солдатами и колонами. Послѣ этого раздѣла неплодородные или невоздѣланные участки оставались для желающихъ обрабатывать ихъ за извѣстный оброкъ. Но патриціи, побуждаемые собственной выгодой, округляли свои владѣнія на счетъ всѣхъ прилегавшихъ къ нимъ полей, легко удаляя владѣтелей, а потомъ и прямо захватывая земли. Частью обманомъ, частью благодаря попустительству, они вскорѣ овладѣли общественной землей (*ager publicus*) и создали тѣ обширныя помѣстья, которыя, будучи обращены въ пастбища или населены рабами, совершенно отстранили солдата, гражданина мало свѣдущаго. Свободное населеніе, изгнанное отъ сельскаго труда, нашло послѣднее убѣжище въ колонатѣ, получая за трудъ девятую и шахимши пятую часть плодовъ ²⁾. Вся эта толпа нищихъ нахлынула изъ деревни въ городъ, чтобы тамъ просить милостыни или продавать свои голоса. Такой порядокъ вещей угрожалъ Риму большой опасностью въ будущемъ. Гракхи пыта-

1) Ciceron, *Plaidoyers*.—Sallust., *Catilina*, 37.

2) Dureau de la Malle. *Ec. pol.*, II, 59.

лись отклонить эту опасность своими аграрными законами, требовавшими раздѣла между всѣми гражданами оставшихся еще общественныхъ земель и тѣхъ, которые уже были захвачены патриціями. Это была самая справедливая и своевременная мѣра; въ ней заключалось спасеніе Рима и Италіи ¹⁾. Но она стоила жизни обоимъ братьямъ и, предлагаемая послѣ ихъ другими, имѣла не больше успѣха. Цезарь сдѣлалъ робкіи и запоздалый опытъ приложенія ея на практикѣ.

Въ теченіе этого времени населеніе, изгнанное изъ деревень, безпрестанно стекалось въ города, которые привлекали всѣхъ праздныхъ и нуждающихся въ даровой раздачѣ хлѣба. Тамъ они встрѣтились съ конкуренціей рабовъ, въ рукахъ которыхъ были всѣ профессіи и всѣ ремесла ²⁾. И вотъ такой плохой совѣтникъ, какъ голодъ, побудилъ этихъ людей средства къ существованію искать въ своемъ званіи римскаго гражданина. Съ этого времени, чтобъ существовать, они стали продавать себя; они торговали своимъ правомъ голоса и предлагали свои услуги разнымъ честолюбцамъ, которые оплачивали ихъ помощь ³⁾. Все это явилось результатомъ рабства, которое, изгоняя свободнаго человѣка изъ деревни и оспаривая его долю труда въ городѣ, привело его въ состояніе отчаянія и нищеты и создало ту продажную толпу, которая дѣйствуетъ на государственныя учрежденія только развращающимъ и разрушающимъ образомъ. Съ этихъ поръ плебсъ и рабы пользуются одинаковымъ презрѣніемъ, и разные честолюбцы одинаково записываютъ въ нихъ. Они являются солдатами гражданскихъ войнъ и вспомогательными войсками цезарей ⁴⁾.

Въ первое консульство Цезаря, въ 694 г. отъ осн. Рима, эта безпорядочная толпа, постоянно угрожавшая безопас-

1) Plutarque, Tib. Gracch, 80. 9.

2) Cic., De officiis, 42.

3) Plutarque, Cat. minor, 41.

4) Salluste, Catil. 50.

ности государства и разорявшая казну, обремененную общественной раздачей хлѣба, состояла изъ 400,000 чело- вѣкъ. Изъ нихъ 100,000 было поселено Цезаремъ въ каче- ствѣ колоновъ въ Кампаньѣ ¹⁾. Не смотря на это, десять лѣтъ спустя, во время его диктаторства, пролетаріевъ по народной переписи числилось 320,000. Цезарь снова отос- лалъ 80,000 чело- вѣкъ въ колоніи, а 20,000 надѣлилъ общественной землей ²⁾. Этимъ же примѣрамъ слѣдовалъ и Августъ, будучи не въ силахъ искоренить зла, которое только усиливалось ³⁾.

Для того, чтобы отвлечь и сдѣлать безвредной эту праздную толпу, законъ долженъ былъ обезпечить ея существованіе ежедневной раздачей хлѣба. Поэтому плебеи, въ качествѣ государственныхъ пансіонеровъ, были занесены въ списки, и это давало каждому изъ записав- шихся право на государственную помощь какъ ему, такъ и каждому изъ членовъ его семьи ⁴⁾. Кроме того эту толпу нужно еще было развлекать, доставляя ей даро- выя зрѣлища въ этихъ общественныхъ мѣстахъ, театрахъ, циркахъ, на аренахъ, гдѣ были тысячи жителей. Большіе чиновники при вступленіи въ должность обязаны были доставлять толпѣ эти дорогія зрѣлища, и эдилы были заняты организаціей «*franes et circenses*» ⁵⁾.

Августъ съ гордостью рассказываетъ въ Анкирской надписи, «что при своемъ вступленіи онъ считалъ изъ добычи, полученной на войнѣ, на каждого плебея по 300 сестерцій (21 рубль) на отца и по 400 (28 руб.) на него. Такую же сумму онъ ассигновалъ изъ своего собствен- наго состоянія. Потомъ онъ произвелъ на собственный счетъ двѣнадцать раздачъ хлѣба и выдалъ по 400 се- стерцій на душу, и нужно замѣтить, что всякій разъ

1) Suét., in Coes., XX.

2) Suét., in Coes., C. LXII.

3) Suét., Cesar, 42.

4) Suétone, Auguste, c. XLII.

5) Suetone, Auguste, 43.

его щедростью пользовалось по крайней мѣрѣ 250,000. чел. Въ другомъ случаѣ каждому изъ 320,000 обитателей Рима онъ выдалъ по 17—18 р. на наши деньги; затѣмъ спустя нѣкоторое время, по 70 р. каждому солдату и постольку же 120,000 колонамъ. Въ свое тринадцатое консульство онъ произвелъ раздачу хлѣба 200,000 пролетаріевъ, прибавивъ къ этому по 17—18 р. поголовно».

На этихъ же самыхъ мраморныхъ таблицахъ послѣ примѣровъ поражающей щедрости онъ перечисляетъ и всевозможныя зрѣлища, доставленныя имъ народу: среди нихъ значится морская битва съ 10,000 сражающихся.

Надпись прибавляетъ, что «Августъ заплатилъ муниципіямъ за земли, которыя онъ взялъ для своихъ солдатъ, и за поля, расположенныя въ Италіи, 600 милліоновъ сестерцій (42 милліона рублей), а за тѣ, которыя въ провинціяхъ, 260 милліоновъ (18 мил. руб.). Онъ одинъ поступилъ подобнымъ образомъ».

Таковы тѣ драгоценныя указанія, которыя намъ сообщаетъ таблица дѣяній Августа, которую онъ велѣлъ вырѣзать на многочисленныхъ мраморныхъ дощечкахъ Анкирского храма, замѣчательно хорошо сохранившихся отъ времени и возстановленныхъ нашими учеными (1863 г.)¹⁾.

Этой колоссальной щедрости, введенной Цезаремъ и Августомъ, подражали всѣ слѣдовавшіе за ними императоры. Только при этомъ условіи они и были популярны и могли поддерживать себя. Плебеи же смотрѣли на это, какъ на пріобрѣтенное право и слѣдили за тѣмъ, чтобы оно не вышло изъ употребленія.

Раздача хлѣба была сначала непостоянная и за полцѣны, но въ 123 г. (до Р. Х.) законъ сдѣлалъ ее правильной, а въ 58 г. она стала даровой.

При Помпее число пользующихся ею равнялось 320,000. При Цезарѣ, Августѣ и при императорахъ оно держалось приблизительно на этой цифрѣ. Въ 270 г. раз-

¹⁾ См. Exploration de Galatis, Paris, 1863 Ed. Didot.

дача хлѣба изъ ежемѣсячной превратилась въ ежедневную. вмѣсто пяти мѣръ зерна ежемѣсячно, каждый пролетарій сталъ получать по два фунта хлѣба ежедневно. Часто къ этому прибавлялась дополнительная раздача вина, масла и мяса. Впослѣдствіи сюда присоединились и денежныя подачки. Цезарь завѣщалъ плебсу по 450 сестерцій на душу. Августъ въ теченіе своего царствованія выдалъ болѣе чѣмъ по 4200 сест. каждому плебею: Тиверіи 1332 сест.; Калигула 900, а Клавдіи, Неронъ, Домиціанъ въ два раза больше. Траянъ 3900 сест., Адрианъ по 6000 сест., Антонинъ и Маркъ Аврелій приблизительно ностольку-же ¹⁾).

Въ то же самое время примѣру императоровъ слѣдовали въ Римѣ разные богачи, правители провинцій, военачальники—побѣдители. Одинъ изъ богачей Аррій послѣ смерти своего отца пригласилъ на похоронный обѣдъ нѣсколько тысячъ пролетаріевъ. Лукуллъ, по возвращеніи изъ Азіи, роздалъ народу 100 тысячъ бочекъ вина ²⁾). Цезарь проявилъ еще больше величія: каждый изъ гостей-плебеевъ, былъ надѣленъ послѣ одного пышнаго ипршества амфорой фалернскаго вина и боченкомъ хіосскаго, а это были самыя лучшія вина. Вдобавокъ къ этой развращающей щедрости, онъ платилъ въ теченіе года за наемъ низшихъ пролетаріевъ по 60.300 сестерцій ³⁾). Тиверій, вернувшись изъ Германіи, велѣлъ поставить для народа тысячу столовъ ⁴⁾). Вотъ какое примѣненіе давалось состоянію, доставляемому провинціями и налогами, разорванными гражданъ. Другіе, какъ Агриппа, зять Августа, открывали въ Римѣ термы, гдѣ плебеи даромъ купались, и гдѣ даже въ теченіе одного года, ихъ даромъ брили ⁵⁾). При Калигулѣ, Неронѣ и его наследникахъ въ толпу лопатой бросались деньги вмѣстѣ съ лотерейными биле-

1) De Champagny. Les Antonins, t. III, p. 325.

2) Senèque. De beneficiis, V. 10.

3) Pline XIV, 17.

4) Suétone Tib. 20.

5) Pline, Hist. nat. XXXVI. 25.

тами, по которымъ можно было выиграть платье, драгоценности, картины, рабовъ, корабли, дома и поля ¹⁾). Дѣлалъ это и честный Титъ въ тѣ стодневныя празднества, которыя онъ устроилъ народу ²⁾). Въ это же время римскіе патриціи и патроны отпущенниковъ расточали щедроты своимъ избирателямъ и клиентамъ. Подкупленный плебей ежедневно являлся у дверей ихъ дворцовъ съ сумой, которую уносилъ наполненной съѣстными принадлежностями и монетою. Это происходило утромъ. Вечеромъ же плебей сопровождалъ своего патрона въ баню, на форумъ или на прогулку, потомъ кончалъ свой день въ театрѣ или въ циркѣ, наслаждаясь даровыми зрѣлищами. Такъ проходилъ день плебея: хлѣбъ и зрѣлища ничего ему не стоили ³⁾).

Такимъ образомъ римскій плебей, котораго кормили и развлекали, потерялъ всякую гордость, всякое достоинство. Это было животное, котораго кормили и которое привѣтствовало радостными криками каждаго кормильца. Ему было все равно, звали-ли кормильца Коммодомъ или Калигулою. Его жизнь протекала въ праздности и блудности.

Таковъ былъ процессъ общественнаго распада. Плебей, съ его мало развитымъ сознаниемъ, съ дурными нравами и легковѣсною моральною, чуждый общественнымъ дѣламъ и общественнымъ интересамъ, всегда былъ готовъ торговать своимъ правомъ голоса и помогать всякимъ низкимъ и подлымъ поступкамъ. Въ Римѣ уже не было гражданъ, способныхъ интересоваться общественными дѣлами и защищать ихъ. Граждане были замѣнены отпущенниками и рабами, и этимъ то и была облегчена главнымъ образомъ побѣда варварамъ. Это же обстоятельство было причиной и неоднократныхъ внутреннихъ потрясеній.

1) Suetone, Néron, 11.

2) Dion Cass. Hist. rom. LXVI, 25.

3) Naudet, Secours publics chez les Romains, Passim.

Въ Римѣ была одна разновидность рабовъ, заслуживающая особеннаго вниманія. Она родилась среди блестящей и жестокой римской цивилизаціи и умерла вмѣстѣ съ нею. Это рабы гладіаторы,—рабы для потѣхи толпы. На ихъ обязанности лежало потѣшать толпу ни чѣмъ инымъ, какъ своею смертію. Сначала гладіаторы, по приказанію господъ, боролись въ циркахъ съ дикими животными, а позднѣе боролись и другъ съ другомъ. Первоначально бои гладіаторовъ служили похоронными играми и въ первый разъ произошли въ 324 г. (до Р. Х.) на похоронахъ Брута. Въ нихъ принимало участіе три бойца. Постигшая городъ вслѣдъ за этимъ чума была признана божескимъ наказаніемъ за такую профанцію смерти. Но боговъ умилостивили жертвами, а бои возобновили: суевѣріе уступило предъ жаждой крови. Одинъ изъ боговъ, Сатурнъ, даже покровительствовалъ этимъ кровавымъ зрѣлищамъ, упиваясь кровью, струившеюся съ арены. Многіе граждане заказывали для своихъ похоронъ бои гладіаторовъ, а республика устраивала ихъ, въ видѣ награды за услуги отечеству, въ честь умершихъ великихъ гражданъ. Во времена имперіи они вошли даже въ число государственныхъ повинностей, налагаемыхъ императорами на вступающихъ въ должностъ: эти лица должны были устраивать для народа бои гладіаторовъ. Но граждане не могли удовлетвориться хотя и постоянными, но не частыми официальными играми. и число ихъ очень увеличилось. Предъ выступленіемъ въ походъ, предводители тоже устраивали бои гладіаторовъ либо для умилостивленія боговъ, либо для закаленія солдатъ видомъ крови и ранъ. Они же служили средствомъ къ достиженію цѣли для лицъ, добывающихся изъ корыстныхъ видовъ народной любви. Постепенно количество участвующихъ въ нихъ гладіаторовъ увеличивалось. При Цезарѣ оно зашло такъ далеко, что устрашенный сенатъ долженъ былъ его ограничить 320 парами. Въ пору своего расцвѣта игры эти представляли настоящія стычки людей.

лошадей и слоновъ. Изъ Рима эти зрѣлища перешли въ провинціи, гдѣ, пользуясь народной любовью, получили такое широкое распространеніе, что нѣкоторые императоры, какъ напримѣръ Тиверій, стремились даже ограничить ихъ, но большая часть императоровъ дѣйствовала въ обратномъ направленіи. Бились не только днемъ, но и ночью, при свѣтѣ факеловъ. Траянъ однажды бросилъ на арену 10 тысячъ плѣнныхъ. Увлеченіе боями было такъ велико, что на арену выходили и свободные граждане, и императоры, и даже знатныя римскія женщины.

Гладиаторы выбирались изъ самыхъ сильныхъ и здоровыхъ плѣнниковъ Фракіи, Галліи, Германіи. Для обученія ихъ, существовало много школъ, главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ, извѣстныхъ своимъ здоровымъ климатомъ, какъ Равенна и Кампанья. Въ этихъ школахъ спеціальныя учителя обучали ихъ правиламъ фехтованья и всевозможнымъ тонкостямъ этой жестокой профессіи, послѣднее слово которой состояло въ томъ, чтобъ унестись и красиво умереть. Чтобы разнообразить удовольствія этого зрѣлища роли гладиаторовъ видоизмѣнились до безконечности. Существовали особыя термины для обозначенія различныхъ приемовъ борьбы. На арену, гдѣ ихъ ожидала смерть или побѣда, гладиаторы выходили многочисленными парами. Количество паръ доходило до 300, а Цезарь въ день своего триумфа предложилъ морскую битву съ участіемъ 10 тысячъ гладиаторовъ. Въ бояхъ, доставляемыхъ народу Августомъ, сражалось также 10 тысячъ гладиаторовъ; въ 26 битвахъ съ африканскими звѣрями въ циркѣ ихъ погибло 3,500. Тотъ же Августъ устроилъ морскую битву, гдѣ сражалось 30 кораблей и огромное число триремъ. На этихъ судахъ, не считая гребцовъ, было 3,000 человекъ экипажа. Сами сенаторы дрессировали рабовъ для сраженій. По окончаніи счастливой войны эти зрѣлища устраивались въ теченіе 120 дней. Они продолжались вплоть до Константина.

Тяжелое положеніе гладіаторовъ было естественной причиной неоднократныхъ ихъ возстаній. Замѣчательнѣйшее изъ нихъ—возстаніе Спартака или война гладіаторовъ, охватившая въ 73—71 г. до Р. Х. всю Италію. Предводительствовали гладіаторами Спартакъ, родомъ Фракіецъ. Онъ отличался большою физической силой и способностью увлекать толпу. Къ этому еще присоединилось обаяніе чудеснаго. Когда Спартака въ первый разъ привели въ Римъ для продажи, однажды вечеромъ вокругъ его лица обвилась змѣя, не нарушивши его тихаго, спокойнаго сна. По толкованію его жены, занимавшейся гаданьемъ, этотъ фактъ предвѣщалъ Спартаку могущество и власть, соединенную съ счастливымъ концомъ.

Одинъ отпущенникъ, Лентулій (Lentulus), содержалъ въ Капуѣ школу гладіаторовъ, для того, чтобы отдавать ихъ въаймы знатымъ Римлянамъ для разныхъ игръ и празднествъ. Однажды 200 человекъ изъ этой школы, большею частью Галлы и Фракійцы, составили заговоръ и рѣшили убѣжать. Хотя заговоръ былъ открытъ, но 78 человекъ успѣли спастись бѣгствомъ. Дорогой они встрѣтили повозку, нагруженную оружіемъ для гладіаторовъ, овладѣли ею и разбили высланный противъ нихъ изъ Капуи отрядъ, послѣ чего съ гордостью промѣнили копья гладіаторовъ на оружіе солдатъ. Бѣглецы направились къ Везувію. Изъ Рима противъ мятежниковъ выступилъ преторъ Клавдіи. Онъ овладѣлъ единственной тропинкой, ведущей на Везувій, гдѣ расположился Спартакъ со своими товарищами. Но бѣглецы, устроивши себѣ по склону горы лѣстницы изъ виноградныхъ лозъ, неожиданно напали на войско Клавдія и разбили его. Этотъ первый успѣхъ привлекъ къ нимъ толпы пастуховъ и значительно увеличилъ ихъ силы. Они разбили новый отрядъ, высланный противъ нихъ подъ предводительствомъ Варинія. Но Спартакъ очень хорошо понималъ, что имъ не справиться съ римскимъ могуществомъ, поэтому хотѣлъ

пробратся къ Альпамъ. чтобъ оттуда каждый могъ отправиться на родину и уже тамъ наслаждаться своей свободой. Но его товарищи, развращенные рабствомъ, некали въ свободѣ только возможности отомстить за себя, насладиться послѣ убійствъ всѣми излишествами роскоши, которой они успѣли вкусить въ рабствѣ, заставить въ честь умершаго товарища сражаться самихъ римлянъ въ качествѣ гладіаторовъ— и отказались слѣдовать за Спартакомъ. Произошло разногласіе. Германцы-рабы отдѣлились, но были разбиты Римлянами. Спартакъ отомстилъ за это пораженіемъ двухъ консуловъ и очистилъ себѣ дорогу къ сѣверу. Но его остановилъ разливъ рѣки По. Онъ уступилъ желанію товарищей и хотѣлъ пойти на Римъ. Для облегченія похода были умерщвлены плѣнники и выючныя животныя, сожжена добыча, но потомъ Спартакъ вдругъ самъ оставился, не рассчитывая на силу своего войска. Онъ расположилъ свои отряды въ Туріумъ, привлекалъ туда рабовъ обѣщаніемъ свободы, заботился о снабженіи своей арміи всѣмъ необходимымъ и укрѣплялъ ее упражненіями.

Римъ, угрожаемый еще войной со стороны Испаніи и Азіи, былъ объятъ ужасомъ, и никто не рѣшался выступить противъ Спартака. Послѣдній господствовалъ въ Италіи болѣе двухъ лѣтъ. Наконецъ Луціній Крассъ вызвался выступить противъ него съ шестью легіонами, употребивши всѣ усилія, чтобъ возможно лучше дисциплинировать ихъ. Въ арміи же Спартака происходили въ это время раздоры: Галлы и Германцы отдѣлились. Спартакъ рѣшилъ вызвать еще войну въ Сициліи, переправивши туда двѣ тысячи человекъ изъ своего отряда, но пираты, обѣщавшіе свое содѣйствіе въ переправѣ, получивши впередъ условленную плату, обманули его. Спартакъ расположился лагеремъ на полуостровѣ Регіумъ. Крассъ велѣлъ вырыть громадный ровъ и укрѣпить его толстой стѣной, чтобъ закрыть непрятелю вы-

хоть и уморить его голодомъ. Въ одну снѣжную ночь Спартакъ засыпалъ ровъ и перешелъ черезъ него съ частью своего войска. Крассъ въ страхѣ написалъ въ Римъ, чтобы для помощи ему вызвали Лукулла изъ Азій и Помпея изъ Испаніи, но скоро раскаялся въ этомъ, боясь, чтобы усилѣхъ побѣды не былъ приписанъ кому нибудь другому, и поторопился самъ кончить войну. Онъ далъ битву мятежникамъ, въ которой ихъ погибло до 12 тысячъ человекъ. Спартакъ удалился въ горы, преслѣдуемый врагами, но внезапно обратился противъ нихъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Послѣ этого онъ хотѣлъ продолжать путь во Фракію, но товарищи криками и угрозами заставили его идти противъ Римлянъ. Въ это время уже приближался Помпей. Крассъ велѣлъ окружить Спартака окопами. Предъ началомъ битвы, когда Спартаку привели лошадь, онъ велѣлъ умертвить ее, говоря, что если онъ побѣдитъ, у него будетъ много хорошихъ лошадей, а если его побѣдятъ, то въ ней не будетъ нужды; онъ пробился сквозь ряды непріятелей, чтобы найти Красса, но скоро самъ погибъ, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами.

Отъ грозной арміи гладиаторовъ остались очень немногіе, которые и направились къ сѣверу, чтобы перебраться черезъ Альпы. Но тамъ встрѣтилъ ихъ Помпей и разбилъ. Пять тысячъ человекъ пало въ битвѣ. Одержавши побѣду, сенатъ не пожалѣлъ враговъ, нагнавшихъ ему столько страха: шесть тысячъ крестовъ было воздвигнуто на дорогѣ изъ Капуи въ Римъ и по ней радостные и увѣнчанные цвѣтами побѣдители вступили въ Вѣчный городъ, провожаемые криками и проклятіями несчастныхъ жертвъ.

II ДОБАВЛЕНІЕ КО II ГЛАВЪ.

Отношеніе къ рабству философіи и христіанства.

(Tourmagne. Histoire de l'esclavage).

Еще до появленія христіанства или скорѣе до его обнаруженія, что относятъ обыкновенно къ концу 2-го столѣтія, рабство начало уже численно уменьшаться, такъ какъ перестало пополняться путемъ войнъ. Въ то же время рабы, ввозимые изъ Греціи, возбуждали въ римлянахъ уваженіе къ знанію и къ занятію науками, чему и предавался римлянинъ въ мирное время. Въ качествѣ наставниковъ дѣтей господина, рабы-греки обучили нѣсколько поколѣній. Именно такимъ путемъ Полибій и Теренцій пріобрѣли дружбу Сципіона и Ленія. Высшая, утонченная цивилизація повлекла за собой смягченіе нравовъ, доказательствомъ чего съ одной стороны явились законы, издаваемые императорами, а съ другой—философскія ученія, все болѣе и болѣе стремившіяся умѣрить строгость рабства.

Давно уже Филиппъ разгромилъ Грецію, а побѣды его сына затмили тотъ блескъ, который она пролила въ міръ. Древняя Эллада томилась въ позорѣ и уныніи. Въ этой средѣ, тревожной и безсильной, развивалась ненависть. Между тѣмъ сосредоточенное напряженіе греческой мысли разрѣшилось появленіемъ философскихъ идей, выразившихся въ двухъ философскихъ школахъ. Первая, привлекая людей слабыхъ, главнымъ образомъ принимала совершившійся фактъ и искала только счастья, какъ

единственного блага въ этомъ мірѣ, во всѣхъ видахъ, въ какихъ оно могло проявляться, и относилась безучастно ко всему, что не являлось счастьемъ. Это была школа Эпикура, благородная и чистая при своемъ происхожденіи, но искаженная въ послѣдствіи его учениками. Другая школа изъ людей озлобленныхъ, съ Зенономъ во главѣ, называлась стоической. По ея ученію, человѣкъ былъ гражданиномъ всего міра вообще, а не того или другого города, поэтому онъ долженъ любить всѣхъ себѣ подобныхъ: въ жизни человѣкъ долженъ быть наиболѣе всего занятъ исполненіемъ долга. Антикоенъ, слѣдуя этому пути, поучалъ и нищихъ, и рабовъ, внушая имъ дурное обращеніе съ тѣломъ, презрѣніе къ удовольствіямъ и страданіямъ и сосредоточеніе на чувствѣ долга. Въмѣстѣ съ Діогеномъ онъ образовалъ школу циниковъ, ксати сказать, далеко не заслуживающую при ближайшемъ разсмотрѣніи того презрѣнія, которымъ ее надѣлили.

Эти ученія чистой и возвышенной морали, не сразу вышли за предѣлы Греціи, породившей ихъ: только тогда, когда Римъ лишился свободы, а жестокости и безуміе Нерона привели въ ужасъ честныя сердца, вспомнилась поработенная Греція, и ученіе «философовъ Портика» (stoа), т. е. стоиковъ нашло подходящую почву. Особенное уваженіе приобрѣла философія Зенона.

Мы уже видѣли, что среди древнихъ философовъ Аристотель считалъ рабство естественнымъ и необходимымъ явленіемъ и даже исключалъ раба изъ рода человѣческаго. Его подражатели въ Римѣ говорили тоже самое, можетъ быть, съ тѣмъ же презрѣніемъ, но съ нѣкоторымъ милосердіемъ. Варронъ и Колумелла ссылались на Аристотеля, доказывая, что рабъ есть только орудіе ¹⁾. Цицеронъ отличался большимъ благодушіемъ ²⁾: рабъ Тиرونъ былъ даже его задушевнымъ другомъ. Тѣмъ не

1) Varron. De rust. XVII.

2) Cic. De rep. III, 25

менѣе онъ требуетъ освобожденія гражданина отъ всякаго труда. дозволяя ему только земледѣліе, крупную торговлю и умственныя занятія; къ ремесламъ же и наемному труду онъ питаетъ только презрѣніе, считая заработную плату залогомъ рабства ¹⁾). Послѣ Эпикура, Лукрецій считаетъ рабство и свободу, равно какъ и бѣдность и богатство случайными обстоятельствами, которыя не должны волновать человѣка, потому что они не касаются его природы ²⁾). Кто же свободенъ? спрашиваетъ Гораций. «Мудрецъ. Человѣкъ всегда чей нибудь рабъ, но въ самомъ худшемъ рабствѣ держать человѣка страсти. Только тотъ истинно свободенъ, кто умѣетъ освободиться отъ нихъ». Такъ думали стоики (за одно столѣтіе до Р. Х.). Таково было отношеніе къ рабству греческой философіи въ Римѣ.

Свѣтъ Хризостомъ въ свою очередь утверждаетъ, что истинно свободенъ только мудрецъ, умѣющій различать, что хорошо. Отрицая реальность рабства, онъ все же даетъ господамъ нѣкоторые уроки гуманности: «нужно повелѣвать съ милосердіемъ, говорить онъ, и снисходить къ справедливымъ желаніямъ рабовъ. Отдыхъ готовится къ труду» ³⁾). «Если природа, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не установила наследственнаго рабства, то ни рожденіе, ни война не создадутъ расы рабовъ, не присваивая правъ семьи и природы» ⁴⁾).

Эпиктетъ, бывшій нѣкогда рабомъ, достигаетъ еще большей высоты мысли. Оставляя чистое умозрѣніе Зенона и школы стоиковъ, онъ превращаетъ стоическую философію въ моральную и политическую доктрину. За нимъ въ томъ же направленіи слѣдуютъ Сенека, Персій (Perse) и Маркъ Аврелій По Эпиктету, «рабъ, желающій быть свободнымъ, долженъ измѣнить свой внутренній

¹⁾ De off., I, 42.

²⁾ Lucrèce, I, 456.

³⁾ Ab. Stob. Florileg. LXII, 46.

⁴⁾ Orat. XI, 238.

міръ, а не свое положеніе раба. Онъ не нуждается въ сожалѣніи. Тотъ же, кто огорчается своимъ положеніемъ, даже не заслуживаетъ сожалѣнія» ¹⁾).

Но это не мѣшаетъ Эпиктету рекомендовать умѣренность по отношенію къ рабамъ и въ обхожденіи съ ними. По его мнѣнію, свободному человѣку не должны служить рабы, свободный человѣкъ не долженъ оставлять въ рабствѣ тѣхъ, кто живетъ съ нимъ вмѣстѣ. Подобнымъ безстрастіемъ отличается и Маркъ Аврелій, ученикъ Эпиктета. Каждая строка его «Мыслей» свидѣтельствуетъ объ этомъ. «Нужно жить, говоритъ онъ, сообразно съ разумомъ. Добродѣтель есть искусство сдѣлаться хорошимъ. Человѣкъ становится хорошимъ, господствуя надъ своими страстями, которыя составляютъ болѣзнь души, и достигаетъ совершенства, распространяя возможно дальше власть разума» ²⁾). Слѣдуетъ замѣтить, что законы Марка Аврелія были лучше чѣмъ его мысли, потому что они смягчали положеніе рабовъ въ Римской имперіи, ограничивая права господина надъ рабомъ. (II столѣтіе послѣ Р. X.).

Плутархъ находилъ, что кротость оказываетъ такое же дѣйствіе, какъ и строгость, и даже не допускалъ вспыльчивости противъ рабовъ. «Прогонять рабовъ или продавать ихъ, когда они достигнутъ старости,—это достойно только души низкой и гнусной» ³⁾), говорилъ онъ.

Плиній смотрѣлъ на своихъ рабовъ, какъ на дѣтей. Онъ заботился объ ихъ благосостояніи и о ихъ здоровьѣ и старался облегчить ихъ послѣднія минуты, если ему приходилось терять ихъ ⁴⁾). Эти благодѣтельные примѣры еще въ большей степени, чѣмъ философскія системы, рекомендовавшія ихъ, должны были оказать значительное вліяніе на нравы, отраженіемъ которыхъ онъ, въ свою очередь,

¹⁾ Epict. Frag. 44. (Рус. пер. Изд. «Посредника»).

²⁾ Marc-Aurèle, Н. II. 8. (Рус. пер. Изд. Суворина и «Посредника»).

³⁾ Plut. Cat. maj., V.

⁴⁾ Ep. V, 19.

служили. И кто могъ бы сомнѣваться въ этомъ, слушая правила Сенеки, такъ выдѣляющагося въ стоической школѣ?

Оставляя въ сторонѣ ученіе Платона и Аристотеля, Сенека первый провозгласилъ братство человѣческаго рода, указывая на знаменитое изреченіе: «*Homo sum, nihil humanum a me alienum esse puto*» ¹⁾. Его возвышенная мораль, превосходящая своей гуманностью и чистотой всѣ моральныя системы античнаго міра, наиболѣе приближается къ евангельской. Онъ осуждаетъ войну съ ея ужасами и спрашиваетъ, почему наказываютъ одного человѣка за убійство другого, а того, кто убиваетъ цѣлый народъ, прославляютъ? «Не стыдно ли проливать кровь людей, созданныхъ для мягкаго обращенія?»

Каждый человѣкъ долженъ быть священнымъ для другого человѣка и не долженъ лишаться жизни ради игры или забавы. Вотъ почему Сенека такъ энергично порицалъ бои гладіаторовъ ²⁾. Защищая интересы этихъ послѣднихъ, онъ защищалъ и интересы рабовъ. До сихъ поръ ни законъ, ни юристы не заботились о смягченіи участи тѣхъ, кто считался только вещью. Сенека требовалъ, чтобы съ ними обращались кротко и называлъ ихъ своими «друзьями низшаго разряда». «Всѣ мы, говорилъ онъ, сложены изъ одинаковыхъ составныхъ частей, всѣ мы одного происхожденія. Если тѣло раба и подчинено господину, душа его остается свободной» ³⁾.

Такова была та общая идея о братствѣ людей, которую развивали философы. Для нихъ, также какъ и для Цицерона, весь міръ составляетъ единое цѣлое; общія узы должны соединять всѣ племена; во всемъ мірѣ отъ одного конца до другого существуютъ только сограждане. Идя далѣе, Сенека не останавливается на требованіи лишь снисхожденія и кротости: онъ рекомендуетъ и «не-

¹⁾ Sénèque, Ep. XCV, 53.

²⁾ De tranquillitate animi, an. 1, Sect. 9.—Ep. XCV, 33.

³⁾ De beneficiis. III. 28.

устанную благотворительность и щедрость по отношению ко всѣмъ страдающимъ... Онъ рекомендуетъ протянуть руку помощи потерѣвшему кораблекрушеніе, указать путь заблудшему, раздѣлить хлѣбъ съ голоднымъ» ¹⁾. Вотъ правила высшаго милосердія, преподаваемые Сенекой. Но онъ идетъ еще далѣе. Онъ требуетъ сердечной любви къ ближнимъ; той любви, которая утѣшаетъ страждущихъ сочувствіемъ. Подобно христіанину, онъ требуетъ, чтобы «подавали нищимъ милостыню, выкупали раба и гладиатора».

Устремляясь въ еще болѣе возвышенныя сферы, онъ говоритъ: «нужно помогать своимъ врагамъ и дѣлать это съ кротостью, грѣшника нужно встрѣчать кротко и отечески и вмѣсто преслѣдованія стараться обратить его на истинный путь». Потомъ онъ рекомендуетъ производить каждый вечеръ испытаніе своей совѣсти «посредствомъ того священнаго разума, который обитаетъ въ насъ»... И сейчасъ же самъ показываетъ примѣръ: «когда уносятъ свѣтъ изъ моей комнаты, жена моя, знающая мои привычки, молчитъ. Тогда я подвергаю изслѣдованію весь мой день, разбираю всѣ мои слова и всѣ мои поступки»... ²⁾.

Сенека не былъ первымъ и единственнымъ философомъ своего времени, раздѣлявшимъ подобныя чувства; онъ не былъ новаторомъ, и его мудрость есть только резюме философскихъ ученій прошлыхъ столѣтій. Его учителями были Кризинъ, Клеантъ, Эпикуръ. До него Аттала публично восхвалялъ бѣдность и доказывалъ, какъ бесполезно все то, что превосходитъ необходимое. Пифагореецъ Соціонъ воспламенялъ его своими рѣчами объ умѣренности и цѣломудріи. Совѣтъ о воздержаніи и испытаніи своей совѣсти исходилъ изъ школы Пифагора, равно какъ и великія идеи о любви къ ближ-

1) De Clementia, I, 18.

2) De serenitate animae. Passim.

нему и братствѣ человѣческаго рода, которыя онъ развивалъ такъ охотно. Не подлежитъ сомнѣнію, въ самомъ дѣлѣ, что философы и мудрецы Греціи и Рима еще до него выражали эти великія мысли и что тогда онѣ составляли общее основаніе, на которомъ покоилась философія цѣлыя вѣка.

Эти общія правила гуманности, уваженія съ такой высоты, должны были принести свой плодъ въ римскомъ обществѣ. Они проявились и въ законахъ, вышли изъ области личной морали и, путемъ законодательства, сдѣлались однимъ изъ общихъ условій, регулирующихъ отношенія человѣка къ человѣку, господина къ рабу.

Во II главѣ этой книги уже сказано, что подъ общимъ влияніемъ этихъ великихъ принциповъ смягчилось положеніе рабовъ путемъ законодательства. О смягченіи формъ рабства начиная уже со II вѣка свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ фактовъ, отчасти уже указанныхъ выше.

Антонинъ въ 138 г. уничтожилъ неограниченную власть отца семьи, отнявши у него также и право жизни и смерти надъ своимъ ребенкомъ. Въ то же время было запрещено право подкидыванія и продажи ¹⁾ (которое разъ запрещено было и раньше). Антонинъ повелѣлъ даже, чтобъ ребенокъ, зачатый въ свободномъ состояніи и рожденный въ рабствѣ рабомъ, былъ возвращаемъ на свободу ²⁾. Если господинъ злоупотреблялъ своимъ рабомъ или если требовалъ отъ него услугъ, несоответствующихъ его положенію или характеру (если, напр., банщика и музыканта хотѣлъ заставить чистить отхожія мѣста), то это считалось злоупотребленіемъ собственностью и доходило до суда ³⁾. По постановленію Марка Аврелія въ 161 г., если рабъ появлялся предъ судомъ въ качествѣ свидѣтеля или обвиняемаго, съ нимъ уже должны были обра-

1) Pline. Ep., X, 72.

2) Diog. L., I. t. XI.

3) D., VII, I, de us.

щаться не какъ съ вещью, а какъ съ лицомъ, за которымъ признаны извѣстныя права ¹⁾).

Послѣдующіе императоры не всѣ въ равной степени отличались гуманными мѣрами. Если одни и слѣдовали гуманному направленію, то другіе являлись жестокими и кровожадными. Септимій Северъ, даже Каракалла (211) твердо придерживались хорошихъ традицій. Даже Домиціанъ въ 284 г., вступивши на путь Антонина, высказывается на каждомъ шагу въ пользу свободы. Онъ запрещаетъ человѣку продаваться въ рабство, а его кредитуру порабощать его ²⁾. Подъ большимъ страхомъ суровыхъ наказаній онъ запрещаетъ также изувѣчваніе рабовъ и торговлю свободнымъ человѣкомъ. При продажѣ законной дѣти не могутъ быть разлучены съ отцомъ. Рабъ имѣетъ право жаловаться въ судъ на господина за злоупотребленіе властью. Въ то же время законодательство признаетъ нѣчто вродѣ естественнаго права раба, получающаго свободу, на ресціпш и на вступленіе въ бракъ ³⁾.

Извѣстенъ фактъ, что когда произошло убійство одного господина, всѣхъ его рабовъ безъ различія признали участниками преступленія ⁴⁾; ихъ было распято около 400 человѣкъ, не смотря на ропотъ народа. Императоръ постановилъ, чтобы наказанію подлежали только тѣ, которые находились довольно близко отъ мѣста преступленія, и могли знать о немъ ⁵⁾, и чтобы пытка примѣнялась къ свидѣтелю или преступнику только въ такомъ случаѣ, когда слишкомъ очевидна была вѣроятность преступленія ⁶⁾. Всѣ запасныя преграды, выдвигаемыя древнимъ правомъ противъ освобожденія, исчезли одна за другой, а во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ одерживала верхъ сво-

¹⁾ C. J., IX, IV.

²⁾ C. J., VII, XVI, de liberali causa.

³⁾ Dig. I, XVII.

⁴⁾ Dig. XXIX, t. V.

⁵⁾ C. Just., VI, XXXV.

⁶⁾ Dig. XL XIII, de questionibus.

бода. Патронъ въ случаѣ нужды долженъ обезпечить пропитаніе своему отпущеннику, и не имѣеть права настолько обременять его трудомъ, чтобы тотъ не мѣшалъ ему содержать свою семью; такіе случаи даже разсматривались въ судѣ. Достигнувъ 50 лѣтъ, рабъ освобождался отъ уплаты аренды господину, и эта повинность не переходила на его сына ¹⁾. Въ теченіе первыхъ вѣковъ имперіи было много издано всякихъ другихъ предписаній хотя и менѣе важныхъ, но тѣмъ не менѣе благоприятныхъ для рабовъ. Всей своей совокуиностью и непрерывностью они свидѣтельствуютъ о томъ гуманномъ вѣяніи, которое проникло въ нравы и во дворцы императоровъ.

Итакъ, новый духъ одушевилъ право и законодательство. Рабъ уже не былъ вещью. Было признано равенство въ естественномъ правѣ. Не смотря на это, самая законность рабства не оспаривалась и ничто не давало предчувствовать, что потребуется скоро и его уничтоженіе. Законодательство стремилось къ мягкости, къ облегченію, но не къ свободѣ. И само это вліяніе, совершенно неизвѣстное въ республикѣ, проявилось только въ имперіи. Оно должно быть приписано философскимъ направленіямъ и тому смягченію нравовъ, которое они обусловили. Проникнутые имъ императоры не переставали въ продолженіе трехъ первыхъ столѣтій рядомъ рескриптовъ способствовать улучшенію участи рабовъ.

Было бы ошибкой приписывать вышеуказанныя перемены лишь распространенію новаго иноземнаго ученія. Христіанство проникло въ Римъ лишь къ концу 2-го столѣтія; сами императоры не переставали его преслѣдовать вплоть до царствованія Константина (330).

Первое преслѣдованіе христіанъ явилось при Клавдіи, который проявлялъ весьма гуманное отношеніе къ рабамъ (53 г. до Р. Х.), второе при Неронѣ отъ

¹⁾ Dig. XXXV. 111.

64—68 г., третье при Диоклетіанѣ (отъ 90—96 г.). Преслѣдованія продолжались также при Траянѣ, Адріанѣ, Антонинахъ и Маркѣ Авреліи (161—174). Каждое царствованіе отмѣчено гоненіемъ христіанъ. Отъ нихъ не свободно было даже царствованіе Диоклетіана, столько сдѣлавшаго для рабовъ (303—310). Это было 13-е гоненіе. Только съ воцареніемъ Константина роли перемѣнились и начались преслѣдованія язычниковъ (330). Очевидно, въ эти три столѣтія императоры не могли находиться подъ вліяніемъ христіанскаго ученія. Только внушенія философіи, не чуждой и нѣкоторымъ изъ нихъ, направили ихъ дѣйствія въ сторону благорасположенія къ участи рабовъ.

Среди такихъ-то стремленій мало-по-малу и распространялось все болѣе и болѣе христіанство. Такимъ образомъ, съ самого же начала оно для себя нашло почву прекрасно подготовленную. Справедливость требуетъ замѣтить, что, несомнѣнно, оно внесло въ освобожденіе рабовъ санкцію евангельской морали.

Иисусъ сказалъ: «любите другъ друга». Святой ап. Павелъ, согрѣвая это ученіе своимъ дыханіемъ, сказалъ послѣ Него: «нѣтъ раба, ни свободнаго: ибо всѣ вы одно во Христѣ Иисусѣ» ¹⁾. Къ этимъ святымъ словамъ онъ прибавилъ нижеслѣдующія: «нѣтъ другаго рабства, кромѣ рабства грѣха». Не осуждая собственно рабства, онъ отсылаетъ назадъ къ господину раба Оннисима, который некалъ себя прибѣжища возлѣ него ²⁾. «Рабъ, призванный въ Господѣ, есть свободный Господа, равно и призванный свободнымъ есть рабъ Христовъ» ³⁾. «Господа, говоритъ онъ далѣе: оказывайте рабамъ должное, и справедливое, зная, что и вы имѣете Господа на небесахъ» ⁴⁾. Святой Петръ и Святой Павелъ поучали въ сво-

1) Гал. III, 28.

2) Посл. къ Филимону, I, 10.

3) I Коринт. VII, 22.

4) Колос., IV, 1.

ихъ посланіяхъ. чтобы господи́нь, любилъ своихъ рабовъ и считалъ ихъ равными себѣ, поскольку они люди. Пусть господи́нь, имѣющій вѣрнаго раба, любить его какъ сына или брата, во имя той общей вѣры, которая ихъ соединяетъ...

Оригенъ во 2-мъ столѣтіи слѣдующими словами подтверждаетъ эти возвышенныя наставленія: «не повелѣвай съ жестокостью твоему рабу, который такъ же какъ и ты надѣется на Спасителя». Онъ требуетъ, чтобы съ рабомъ обращались какъ съ самимъ собою, «потому что онъ чело-вѣкъ и чадо Божіе, подобное намъ».

Св. Климентъ (110) считаетъ, подобно святому Павлу, что только порокъ составляетъ рабство и въ этомъ отноше-ніи онъ слѣдуетъ и ученію стойковъ, процвѣтавшему въ то время.

Іустинъ, (114) наканунѣ своего мученичества, смѣло напоминалъ Римлянамъ о принципѣ всеобщаго братства. Тертуллианъ и Минуцій Феликсъ (160) въ свою очередь взывали, во имя всего человѣчества, къ той же общности происхожденія и къ тому же братству. «Развѣ Богъ создалъ души для того, чтобы подчинить ихъ рабству, восклицаетъ Арнобъ: чтобы дать одному чело-вѣку право надъ дру-гимъ и испровергнуть такимъ образомъ права рожденія?»

Таковы голоса, правда, весьма немногочисленные, раздававшіеся въ защиту рабовъ въ продолженіе трехъ первыхъ вѣковъ перкви, среди равнодушія народа и гоненій императоровъ. Они говорятъ о равенствѣ всѣхъ людей предъ Богомъ и о братствѣ, доходящемъ до общности имуществъ, осуществляемой на практикѣ по примѣру апостоловъ и ихъ учениковъ. Но они не говорятъ о томъ, что рабство, какъ учрежденіе, должно быть уничтожено. Въ этотъ періодъ времени, когда преслѣдованіе христіанъ чередовалось съ терпимымъ отношеніемъ къ нимъ, никто ни изъ среды его защитниковъ, ни изъ среды враговъ не говоритъ объ уничтоженіи рабства, какъ слѣдствіи этого новаго ученія.

Между тѣмъ это послѣднее, ограничивавшееся вначалѣ низшими классами, мало-по-малу достигаетъ и высшихъ, а вскорѣ привлекаетъ къ себѣ Тертуллиана и Лактанція, затѣмъ въ лицѣ жены и дочери Діоклетіана проникаетъ и ко двору (284 г. послѣ Р. X.).

Если до сихъ поръ вліяніе философіи, входя въ нравы трехъ первыхъ столѣтій вдохновляло царствовавшихъ императоровъ, то съ 4-го вѣка, какъ только новое ученіе, достигши ступеней трона, восторжествовало вмѣстѣ съ отцами церкви,—произошло внезапное движеніе въ обратномъ духѣ. Съ этого времени стоическая философія была отвергнута христіанскими императорами. Она привлекала къ себѣ все меньше и меньше приверженцевъ ¹⁾ и исчезла вмѣстѣ съ имперіей. Подъ наплывомъ теологій и схоластики даже имя ея было забыто, и она возродилась только въ 17-мъ столѣтіи. Было бы несправедливо упрекать стоическую философію въ томъ, что она не восторжествовала надъ рабствомъ. Удаляясь, она уступила мѣсто новому ученію. Теперь только законы стало одушевлять съ вершины трона христіанство.

Изъяснитель Траянъ во II вѣкѣ запретилъ подкидываніе и продажу дѣтей. Константинъ въ IV вѣкѣ возобновилъ эдиктъ Траяна и приказалъ, чтобы не только дѣти снабжались необходимой пищею и одеждою, но чтобы и бѣднымъ родителямъ помогала казна. Это уничтожило одинъ изъ самыхъ значительныхъ источниковъ рабства. Константинъ возобновилъ также подъ страхомъ самыхъ строгихъ наказаній запрещеніе продавать свободаго челоувѣка и подвергать должника пыткамъ. Господинъ не только лишался права жизни и смерти надъ рабомъ, но являлся отвѣтственнымъ также за всякую жестокость и варварство по отношенію къ нему ²⁾. Но, по необъяснимому противорѣчію, этотъ же самый милостивый государь

¹⁾ Ср. Корелъпъ. Паденіе античнаго міросозерцанія. Изд. О. Пововой. Ц. 75 к.

²⁾ Code Th. IX—XIV.

бросалъ звѣрямъ на арену столько плѣнныхъ, что даже лютыя звѣри утомлялись пожирать ихъ. Этотъ фактъ дважды подтверждаетъ одинъ панегиристъ Константина ¹⁾. Отцы собора 321 г. заговорили съ нимъ другимъ языкомъ и несомнѣнно подъ ихъ вліяніемъ запрещены были въ амфитатрѣ сраженія осужденныхъ, хотя еще и не кровавыя игры гладиаторовъ. Въ то же время многіе указы благоприятствовали ходу освобожденія, которое должно было происходить въ церкви, въ присутствіи народа и давало права римскаго гражданства. Въ одномъ изъ рескриптовъ императоръ объявилъ, наконецъ, что права свободы не допускаютъ никакой давности.

Отцы церкви ратовали противъ общественныхъ зрѣлищъ и въ особенности противъ зрѣлищъ частныхъ, устраняемыхъ въ дни семейныхъ праздниковъ. Рескриптами императоровъ, церкви давалось право освобождать тѣхъ, кто желалъ избѣжать гладиаторства или позорной профессіи комедіанта. Но церковь не могла еще восторжествовать надъ пристрастіемъ римлянъ къ этого рода зрѣлищамъ ²⁾. Въ данномъ случаѣ ей помогла бѣдность, по причинѣ которой, какъ сообщаетъ Мюллеръ, всѣ театры къ концу пятаго вѣка закрылись ³⁾. Бѣдностью же было вызвано и то, что снова было дано позволеніе отцамъ продавать своихъ новорожденныхъ младенцевъ, чтобы спасти ихъ отъ смерти, которой угрожала нищета семьи ⁴⁾.

Христіанское вліяніе, воздѣйствовавшее на большую часть актовъ Константина, хотя иногда и дѣлая уступки общественной необходимости, продолжалось и въ законахъ Констанція, Валентиніана и Θεодосія, такъ же какъ и при ихъ слабыхъ наслѣдникахъ, вплоть до Ромула Августула, съ которымъ и кончилась восточная им-

1) Gumenius, Panég. de Const., an. 350.

2) Code Théod., XV, De Scenicis.

3) Calvin, VI, 8.

4) Code Théod., V—VII. De Expositis.

перія въ 476 г. Съ особенной силой оно проявляется въ законодательныхъ актахъ Юстиніана.

Торжество христіанства дало христіанскому духовенству свободу распространять свое ученіе по всѣмъ концамъ имперіи. Съ этого лишь момента его вліяніе, до того времени почти скрытое, начинаетъ проявляться съ особенной силой. Духовнымъ предоставлена свобода слова и дѣйствія. Святой Павелъ сказалъ: «рабство—это есть грѣхъ», Климентъ неоднократно проводилъ ту мысль Платона, что порокъ одинъ создаетъ рабство, а добродѣтель свободу. Духовенство IV вѣка продолжаетъ дѣлать подобныя же заимствованія у современной философіи, и подъ ихъ перомъ постоянно возрождаются аргументы Эпиктета. Иеронимъ говорилъ, что освобожденіе заключается лишь въ познаніи истины (346). Иларіи называетъ царями тѣхъ, которые не поработены своими страстями и умѣютъ управлять ими; онъ учитъ также, что какъ бы ни было жестоко рабство, къ нему нужно относиться съ презрѣніемъ, потому что оно касается только тѣла. Святой Амвросій, вмѣстѣ съ св. Павломъ и философами, доказывали, что всѣ люди—рабы судьбы, страстей и случайностей жизни. Одинъ только мудрецъ свободенъ, исполняя свой долгъ, каковъ бы онъ ни былъ. Эта смѣсь философскихъ и христіанскихъ аргументовъ встрѣчается во многихъ мѣстахъ произведеній Амвросія, особенно въ его письмѣ къ Симплиціану, гдѣ онъ доказываетъ, что наша свобода состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ познаніи мудрости ¹⁾ (397).

Эти же самыя идеи о природѣ рабства и о свободѣ, съ тѣмъ же философскимъ и религіознымъ оттѣнкомъ, встрѣчаются у двухъ писателей, наиболѣе прославившихъ великую эпоху церкви: у Августина и Иоанна Златоуста (407—430). По ихъ ученію, человѣкъ сотворенъ по образу Божію; одинъ грѣхъ повелъ его къ паденію. Грѣхъ

¹⁾ De vita beata, passim.

низвелъ путемъ проклятiя въ низшее состояніе женщину, равно какъ и племя Хама. Такъ продолжалось до Иисуса Христа, но съ этого момента человѣкъ былъ искупленъ отъ грѣха, а, слѣдовательно, и отъ рабства. Всѣ рабы Божіи получили освобожденіе и стали его дѣтьми ¹⁾. Тѣ-же писатели провозвѣщали также величіе и единство человѣческихъ племенъ; если паденіе повлекло за собой рабство, то оно искуплено Иисусомъ Христомъ. Это ученіе тоже не влечетъ за собой уничтоженія рабства, на которое они смотрятъ, какъ на наказаніе или искупленіе для грѣшника. Рабъ долженъ покоряться своей участи: повинуюсь господину, онъ повинуется Богу. Служить Богу—значитъ обладать истинной свободой ²⁾.

Таковы поученія рабамъ. Но отцы церкви указываютъ не только рабамъ, но и господамъ: они поучаютъ ихъ, какъ надо повелѣвать. Святые Петръ и Павелъ формулировали эти наставленія въ своихъ посланіяхъ: «Господинъ да любитъ своихъ рабовъ и считаетъ ихъ равными себѣ». То же говорили св. Климентъ и Оригенъ въ I-мъ и II-мъ столѣтіи. Святой Амвросій (340), вдохновляясь тѣми же мыслями, настаивалъ, чтобъ господинъ помнилъ, что у раба такая же самая душа и, подобно Сенецкѣ, рекомендовалъ отеческую кротость по отношенію къ рабу ³⁾. По наставленію святого Августина господинъ долженъ обращаться съ рабомъ, какъ съ сыномъ, и давать ему право на участіе въ наслѣдствѣ ⁴⁾. Господинъ долженъ беречь рабовъ, какъ равныхъ по свободѣ, какъ братьевъ по рабству. Отцы Церкви развивали это положеніе для того, чтобъ внѣдрить въ души людей чувство равенства. «Всѣ мы рождены въ рабствѣ; это общее условіе. Какъ ни возвышенъ господинъ, онъ не

1) De Civitate Dei, XIX.

2) De Civ. Dei., XIX, 15

3) Ep. 1, 11, 31.

4) De Civitate Dei, XIX, 16.

могъ бы его избѣжать. Нужно, чтобъ онъ служилъ Богу, волей или неволей: или какъ свободный человѣкъ или какъ рабъ. Пускай же онъ служить не изъ страха, но изъ любви; пусть будетъ рабомъ христіанской любви»¹⁾. Епископы называли себя рабами вѣрныхъ, а намѣстникъ св. Петра называлъ себя рабомъ рабовъ. Подобными примѣрами они стремились привести господъ и рабовъ къ сознанию взаимности услугъ и необходимости взаимнаго уваженія. Дѣлая еще шагъ далѣе, святой Златоустъ требуетъ, чтобъ въ домѣ господина былъ взаимный обмѣнъ услугъ для того, чтобъ не было рабства. «Пусть господа и рабы служатъ другъ другу, и подобное рабство будетъ предпочтительнѣе свободы»²⁾. Этими воззрѣніями объясняется отчасти и организація тѣхъ христіанскихъ общинъ, которыя процвѣтали въ первые вѣка церкви.

Не смотря на эти трогательныя и краснорѣчивыя внушенія, въ римскомъ обществѣ почти не замѣтно было измѣненій къ лучшему, если судить по твореніямъ святого Іоанна Златоуста. Онъ съ горечью жалуется, «что дома богачей не перестаютъ быть полны рабами, что въ нихъ господствуетъ прежнее устройство и прежніе пороки». Нѣкоторые отцы церкви съ тѣмъ же ревностнымъ негодованіемъ описываютъ плачевное положеніе рабовъ среди христіанъ. Какъ и во времена Августа, теперь тоже разорялись на шутовъ, уродовъ и карликовъ³⁾. Женщины еще любили показываться предъ публикой, окруженныя молодыми и красивыми рабами⁴⁾, а если отправлялись въ баню, то въ сопровожденіи цѣлой толпы свнуховъ, отъ которыхъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти онѣ получали обыкновенныя услуги⁵⁾. Литературные памятники

1) Св. Амвросій, de Vita beata.—S. Augustin.

2) Ефес.

3) Chrys., Ep. à Thimotheé.

4) Saint Jérôme, Ep. à Saloins, LXXXV.

5) Chrys., de dignitate Servandá.

этихъ временъ констатируютъ ту-же выпыльчивость въ приказаніяхъ, тѣ же строгости, тѣ же пытки. Не перемѣнились въ свою очередь и рабы, не смотря на внушеніе христіанства. Въ 5-мъ вѣкѣ Сальвіанъ признаетъ за рабами тѣ же самыя пороки, что существовали раньше, и къ тому же чуть ли не въ большемъ количествѣ. Онъ требуетъ во всемъ этомъ отчета у господъ, такъ какъ они подаютъ рабамъ примѣръ и имѣютъ на нихъ вліяніе ¹⁾. Рабство поддерживалось самыми потребностями извѣстнаго класса людей и привычками его къ услугамъ рабовъ. Духовенство тоже владѣло рабами, которые обрабатывали ихъ поля или оказывали имъ разныя домашнія услуги. Трудно было не имѣть рабовъ, живя въ обществѣ, гдѣ все было еще основано на рабствѣ, что и подтверждается примѣромъ Амвросія и Іеронима. Эти послѣдніе никогда не требовали уничтоженія рабства.— фактъ, указывающій, насколько это послѣднее проникло въ нравы общества. Любовь, кротость, благодушіе, принципъ равенства и братства— вотъ единственныя основанія поученій, которыя поэтому и оставались почти безъ результата въ дѣлѣ освобожденія рабовъ.

Будучи безсильны восторжествовать надъ устройствомъ общества, основанномъ на рабствѣ и эгоизмѣ, и отчаявшись въ его преобразованіи, духовенство направило свои усилія на множество мелкихъ вопросовъ, наименѣе совмѣстныхъ съ христіанскою религіею.

Даже тогда, когда христіанство уже стало господствующею религіею, рядомъ съ нимъ язычество не переставало существовать. Оно продолжало покровительствовать играмъ и зрѣлищамъ, для которыхъ по прежнему требовались рабы. Напрасно церковь выражала протестъ противъ такихъ святотатственныхъ забавъ, какъ бои животныхъ и гладіаторовъ. Онѣ существовали. Тертуліанъ съ горькимъ чувствомъ упрекаетъ языческую

¹⁾ Salvien De guber. Dei. IV.

религію «въ этихъ нечестивыхъ обычаяхъ, которыми она чтитъ своихъ боговъ и своихъ умершихъ» ¹⁾. Кипріанъ указывалъ «на этихъ несчастныхъ, откормленныхъ для жертвы; убійство сдѣлалось ремесломъ, искусствомъ, которому обучаютъ» ²⁾.

Дорожа, какъ видно изъ предыдущаго, и жизнью рабовъ, церковь еще больше заботилась объ ихъ душѣ. Она осуждала театръ, какъ очагъ разврата съ его преступленіями, утонченностями и плясками. Блаженный Августинъ въ Африкѣ и среди утонченнаго разврата въ Константинополѣ возвышали въ свою очередь голоса противъ жестокостей цирка и распущенности театра ³⁾. Но напрасные вопли! Публика ради театра забывала все, и святой епископъ проливаетъ слезы при видѣ народа, толпой стремящагося въ гипподромъ въ то самое время, когда церковь остается пустой. Кромѣ зрѣлищъ общественныхъ, въ частныхъ домахъ устраивались игры и представленія съ цѣлой свитой мимовъ и танцовщицъ, а рядомъ съ ними находились евнухи, молодые юноши съ прелестными кудрями и безчисленное число рабовъ для всевозможныхъ услугъ. Златоустъ громогласно требуетъ освобожденія всѣхъ классовъ общества. «Зачѣмъ столько рабовъ? говоритъ онъ: нужно ограничиваться необходимымъ. Господишь долженъ ограничиваться однимъ слугой».

Всѣми этими внушеніями церковь все-же содѣйствовала освобожденію нѣкоторыхъ рабовъ. Она помогала этому также и денежными выкупами. Святой Діонисій посылалъ въ Каппадокію уполномоченныхъ, чтобъ извлекать изъ рабства несчастныхъ братьевъ: одинъ святой епископъ продавалъ священные сосуды съ цѣлью выкупать плѣнниковъ; святой Павлинъ самъ отдался въ рабство, чтобъ избавить отъ него сына одной вдовы.

1) *Pert. liien, Spect.*, XII, p. 78.

2) *Epist.* 1. *Ad. Donatum.*

3) *De Civitate Dei.* 1, 33, t. VII.

И такъ, церковь съ жаромъ работала надъ уничтоженіемъ нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ рабства, совѣтуя выкупать и сама выкупая плѣнныхъ, давая пристанище тѣмъ дѣтямъ, которыхъ продавали или подкидывали изъ-за нищеты. вмѣстѣ съ Моисеемъ она порицала заемъ подъ проценты и требовала освобожденія заключеннаго должника. Она прославляла бѣдность, превознося ея преимуществу, ту безопасность, которой она пользуется, тѣмъ добродѣтели, которая она порождаетъ, напоминая въ то же время богачу о суетности, безпокойствахъ и опасностяхъ того положенія, которымъ онъ гордится. Церковь напоминала ему и объ его обязанностяхъ: «Земля есть общее достояніе. Богатый не хозяинъ, а только раздаватель имущества, даннаго ему Богомъ, милостыня есть право. Избытокъ богача есть необходимое для бѣдняка. Онъ похищаетъ у бѣдныхъ то, чего не отдаетъ имъ» ¹⁾.

Голоса эти были слышаны, и со всѣхъ концовъ стекались благочестивые дары; всюду устраивались монастыри, больницы. Эти новыя учрежденія пришли на помощь бѣдности.

Но и вся эта преданность дѣлу, всѣ эти великодушныя мысли тѣмъ не менѣе не измѣнили римскаго общества. Господа долгое время еще продолжали имѣть рабовъ и не считались съ новой моралью. Въ тѣни христіанства, по свидѣтельству отцовъ церкви, всетаки продолжалось древнее рабство со всѣми его пороками, равно гибельными для обоихъ классовъ. Благіе результаты всѣхъ внушеній ограничились только нѣкоторымъ смягченіемъ и нѣкоторой обезпеченностью въ положеніи рабовъ.

Въ обществѣ, основанномъ на рабствѣ и столько вѣковъ практиковавшимъ его, никому и на мысль не приходило, что оно можетъ быть уничтожено безъ всякой опасности для всего строя; съ другой стороны никто и не счи-

¹⁾ I. Aug. Sermon.

талъ его незаконнымъ. Самы священники, монастыри и церкви владѣли рабами и освобождали ихъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Если въ первые вѣка церкви вѣрные и отсылали своихъ рабовъ, и святые люди считали достойнымъ дѣломъ освобожденіе ихъ, нужно замѣтить все же, что подобныя примѣры были рѣдки и недостаточно распространены. Церковь совѣтовала освобожденіе, но не вмѣняла его въ обязанность всѣмъ вѣрнымъ. Вотъ почему она, не смотря на все свое могущество, особенно при тѣхъ императорахъ, которые царствовали въ Константинополѣ, никогда не одержала верхъ надъ рабствомъ

ГЛАВА IV.

Переходъ къ крѣпостному праву.

Рабство рабочихъ классовъ, въ которомъ Юмъ видитъ наибольшую разницу между общественной жизнью древнихъ и новыхъ временъ, не сразу уступило мѣсто личной свободѣ: между ними существовала промежуточная стадія — крѣпостное право. Къ сожалѣнію, не всѣ историки рѣзко разграничиваютъ другъ отъ друга эти два состоянія, хотя смѣшиваніе ихъ ведетъ къ безконечнымъ недоразумѣніямъ. Изучая особенности этого переходнаго состоянія, мы должны имѣть въ виду слѣдующія, весьма важныя соображенія.

1) По замѣчанію Гиббона, когда римляне, преслѣдуя свою систему завоеваній и присоединенія покоренныхъ народовъ, достигли желанныхъ результатовъ и воинственная эпоха смѣнилась болѣе мирной, привозъ рабовъ извнѣ почти прекратился, и работорговля свелась на куплю и продажу рабовъ во вновь установленныхъ предѣлахъ Имперіи ¹⁾. Правда, во время нашествій варваровъ въ третьемъ столѣтіи, въ Римѣ появлялось много плѣнныхъ, которыхъ частію заносили въ списки арміи, частію распредѣляли, въ качествѣ слугъ, по знатымъ домамъ, а главнымъ образомъ отправляли въ провинцію, для занятія земледѣіемъ, — но правильный ввозъ ра-

¹⁾ Decline and Fall, гл. II. (Рус. пер.).

бовъ значительно сократился, и римлянамъ оставалось прибѣгать къ «болѣе кроткой, но и болѣе медленной системѣ размноженія своихъ рабовъ». Результатомъ этого было улучшеніе быта рабовъ, такъ какъ хозяева начали болѣе дорожить ихъ здоровьемъ и жизнью. Кромѣ того, это естественно влекло за собой переходъ рабства въ крѣпостное право, такъ какъ въ интересахъ каждой семьи было обезпечить за собою на неограниченное время наслѣдственное пользованіе принадлежащими ей рабами, перемѣщеніе которыхъ было сопряжено съ большими трудностями и издержками. Прекращеніе ввоза рабовъ положило конецъ и внутренней работорговлѣ, и отнынѣ рабы были прикрѣплены къ домамъ и землямъ своихъ господъ.

2) Уменьшеніе ввоза рабовъ способствовало также реабилитаціи свободнаго труда. Движеніе въ этомъ направленіи замѣчается уже начиная со второго столѣтія. Правда, часть государственныхъ должностей и всегда была предоставлена свободнымъ людямъ; такъ—мѣста помощниковъ жрецовъ и судей, а также мѣста писцовъ, ликторовъ, віаторовъ, глашатаевъ могли быть заняты только гражданами. Персоналъ служащихъ въ новыхъ административныхъ учрежденіяхъ, созданныхъ императорами, также состоялъ изъ свободныхъ плебеевъ, и только низшія должности занимали рабы; въ этихъ новыхъ учрежденіяхъ служили болѣею частью вольноотпущенники. Такимъ образомъ, общественное дѣло и производящая промышленность государства были распределены между корпораціями свободныхъ плебеевъ и общественными рабами. Нерѣдко высшіе посты на частной службѣ занимали вольноотпущенники: представителями высшихъ искусствъ—медицины, грамматики, живописи—являлись также частію вольноотпущенники и даже *ingenii*; наиболѣе прославленные актеры и гладиаторы были опять-таки вольноотпущенники; нѣкоторые императоры поощряли даже свободныхъ гражданъ по-

являться на подмосткахъ театра и на аренѣ. Въ мастерскихъ и на фабрикахъ богачей работали главнымъ образомъ рабы, но часто и свободные ремесленники предлагали свои услуги такимъ учрежденіямъ, или образывали ассоціаціи, чтобы конкурировать съ ними. Въ земледѣліи свободные наемные рабочіе были также до известной степени обычнымъ явленіемъ: какъ мы сейчасъ увидимъ, они иногда были и арендаторами въ большихъ имѣніяхъ. Какимъ образомъ это могло случиться, мы поймемъ яснѣе, разсмотрѣвъ замѣчательную организацію государства, введенную Діоклетіаномъ и его преемниками.

3) Никто не имѣлъ права переимѣнить свою профессию или должность; профессии и мѣста переходили по наслѣдству;—эта организація не далеко ушла отъ системы кастъ на Востокѣ. Цѣлью ея было несомнѣнно желаніе, посредствомъ строгой солидарности внутреннихъ интересовъ, придать государству какъ можно больше устойчивости, чтобы оно могло противостоять вторженіямъ варваровъ; затѣмъ—стремленіе упрочить порядокъ, укрѣпить промышленность и обезпечить доходы государства. Принося въ жертву личную независимость своихъ подданныхъ, государство достигало очень важныхъ результатовъ. Насколько такая система захватывала всѣ области жизни, мы поймемъ изъ слѣдующихъ подробностей.—Всѣ лица, принадлежавшія къ администраціи, были абсолютно прикованы къ своимъ должностямъ: они не имѣли права ни сами жениться, ни выдавать замужъ своихъ дочерей внѣ своей коллегіи и передавали свои обязанности по наслѣдству дѣтямъ. Если кто-нибудь изъ такихъ чиновниковъ покидалъ свой постъ, его розыскивали и силою водворяли на мѣсто. Лишь въ нѣкоторыхъ, строго опредѣленныхъ случаяхъ, имъ разрѣшалось представлять замѣстителей, къ которымъ и переходила ихъ служебная отвѣтственность. Въ муниципалитетахъ, *civitates*, или члены городскихъ

сенатовъ были еще крѣпче прикованы къ своимъ мѣстамъ и обязанностямъ, часто сопряженнымъ съ крупными расходами: нѣкоторымъ членамъ муниципалитета предоставлено было право представлять вмѣсто себя замѣстителя, при условіи передачи ему своего имущества: но этимъ правомъ пользовались немногіе. Ихъ семьи также обязаны были оставаться при нихъ, а слуги были прикрѣплены по закону къ той коллегіи или учрежденію, въ которыхъ служилъ господинъ. Солдатъ, поступившій рекрутомъ въ армію, служилъ до тѣхъ поръ, пока старость или болѣзнь не дѣлали его негоднымъ для исполненія своихъ обязанностей, а послѣ него должны были служить его сыновья. Члены свободныхъ промышленныхъ корпорацій, по крайней мѣрѣ такихъ, которыя были признаны и урегулированы центральной или мѣстной властью, подвергались, повидимому, тѣмъ-же стѣсненіямъ. Словомъ, каждый считался слугою государства и обязанъ былъ отдавать ему свой трудъ или деньги, или то и другое. Тѣ, кто трудился только для своей собственной выгоды, считались «лѣнивыми», (*otiosi*), и ихъ могли насильно приписать къ какой-нибудь коллегіи, въ случаѣ убыли среди ея членовъ. Для каждаго человека были заранее предначертаны его карьера и родъ занятій: каждый, выражаясь языкомъ закона, былъ «*conditionis laqueis irretitus*». Такая система, отнимая у свободного человека право располагать своею личностью и выбирать родъ занятій, сокращала разстояніе между нимъ и рабомъ; съ одной стороны этотъ послѣдній, съ другой—свободный слуга и рабочій незамѣтно приближались другъ къ другу и сливались въ одномъ общемъ состояніи — крѣпостномъ.

4. Въ положеніи рабовъ земледѣльцевъ произошла соответственная перемѣна: они были зачислены въ разрядъ *coloni*. Римскимъ колономъ вначалѣ назывался свободный человекъ, бравшій землю на аренду, обязуясь по контракту выплачивать владѣльцу земли или извѣст-

ную сумму денегъ ежегодно, или (*colonus partiaris*) известную часть продуктовъ урожая. Въ четвертомъ вѣкѣ это названіе уже обозначало землепашца, который, будучи лично свободенъ, тѣмъ не менѣе былъ прикрѣпленъ къ своему участку и передавалъ свое занятіе по наслѣдству дѣтямъ и внукамъ; вскорѣ, это названіе и связанныя съ нимъ условія жизни были распространены на всю массу римскихъ земледѣльцевъ. Санкціонируя это личное и наслѣдственное прикрѣпленіе къ землѣ, законъ, по всей вѣроятности, просто признавалъ и расширялъ положеніе вещей, существовавшее уже гораздо раньше и естественно вытекавшее изъ условій общественнаго строя, въ особенности-же изъ потребностей земледѣлія. Классъ колоновъ состоялъ частью изъ арендаторовъ по контракту, сильно оттянувшихъ взносъ арендной платы и удерживаемыхъ въ имѣніи въ качествѣ должниковъ, (*obserati*), частью изъ плѣнныхъ чужеземцевъ или иммигрантовъ, частью, можно предполагать, изъ людей, бѣжавшихъ отъ варваровъ, которыхъ государство такимъ образомъ вновь садило на землю, затѣмъ, изъ мелкихъ землевладѣльцевъ и другихъ бѣдниковъ, которые добровольно принимали порядокъ вещей, улучшавшій ихъ положеніе. Они отдавали владѣльцу имѣнія опредѣленную часть продуктовъ урожая (*pars agraria*), а также должны были работать опредѣленное количество времени (*operæ*) на землѣ, которую онъ оставлялъ за собою (*mansus dominicus*). Законъ долго не обращалъ вниманія на такой порядокъ вещей, освященный обычаемъ, и не занимался систематически землепашцами до четвертаго вѣка. Но требованія фиска и воинской повинности заставили государство наконецъ урегулировать положеніе колоновъ. Они были внесены (*adscripti*) въ списки гражданъ, платящихъ государственные налоги, но отвѣтственнымъ лицомъ за нихъ являлся землевладѣлецъ, который вознаграждалъ себя изъ арендной платы. Къ колонамъ былъ примѣненъ

тотъ-же принципъ легальнаго прикрѣпленія. дѣйствіе котораго мы уже наблюдали въ области городской промышленности. Сводъ законовъ Константина (332 г. по Р. Х.) пожизненно прикрѣпилъ колона къ землѣ. Если онъ покидалъ свой участокъ, его возвращали назадъ и наказывали; всякій, пріютившій бѣглаго колона, обязанъ былъ не только выдать его, но и заплатить штрафъ за укрывательство. Онъ могъ выбирать себѣ невѣсту только въ предѣлахъ своей колоніи; если онъ женился на чужой, ее насильно возвращали домой, а дѣтей ихъ землевладѣльцы дѣлили между собою. Дѣти колона приписывались къ тому-же сословию и не имѣли права покинуть родную землю. И они, и потомки ихъ были, выражаясь словами закона Феодосія— «quodam aeternitatis jure» и никонмъ образомъ не могли освободиться отъ своихъ обязанностей. По закону Анастасія, изданному въ концѣ пятаго вѣка, колонъ, добровольно пришедшій въ имѣніе и взявшій землю въ долгосрочную аренду (на 30 лѣтъ), оказывался на вѣки къ ней прикрѣпленнымъ. Хозяинъ (*dominus*) имѣлъ право налагать на своихъ колоновъ «умѣренные наказанія» и за попытку къ бѣгству заковывать ихъ въ кандалы, но въ случаѣ несправедливыхъ требованій со стороны хозяина или оскорбленія имъ колона и его домашнихъ, послѣдній могъ прибѣгнуть къ защитѣ закона. Арендная плата или количество обязательной работы на хозяина ни въ какомъ случаѣ не могли быть увеличены. Ни колона безъ земли, ни земли безъ колона нельзя было передать другому владѣльцу; точно также, въ случаѣ продажи, нельзя было разъединять членовъ одной семьи. Колонъ могъ пріобрѣтать и владѣть собственностью, но не могъ отрицать ее безъ согласія хозяина. Такимъ образомъ, съ одной стороны, колоны лично были свободны; съ другой—положеніе ихъ имѣло характеръ полурабства. Феодосій называетъ ихъ— хотя уклончивый языкъ его кодекса не слѣдуетъ пони-

мать слишкомъ буквально—«*servi terræ cui nati sunt*». А Сильвіанъ считаетъ выраженіе «*coloni divitum fiunt*» равносильнымъ выраженію «*vertuntur in servos*»¹⁾. Это уже прямое преувеличеніе: колоновъ не притѣсняли; напротивъ, ихъ ограждали отъ неразумныхъ требованій и насилія; это былъ уже большой шагъ впередъ въ сравненія съ системой обработки земли при помощи *familia rustica*. Для нашихъ цѣлей важно собственно выяснитъ точки соприкосновенія между положеніемъ раба и положеніемъ колона, которыя повели за собою сляніе обоихъ въ одномъ и томъ-же сословіи. Чтобы выяснитъ это, намъ придется нѣсколько вдаться въ подробности.

Кромѣ колоновъ въ большихъ помѣстьяхъ—а въ четвертомъ вѣкѣ помѣщики владѣли особенно большими имѣніями—были еще особые рабы «землепашцы», которые обрабатывали, подъ надзоромъ надсмотрщиковъ, ту часть земли, которую владѣлецъ оставлялъ за собою. Но помѣщики нашли удобнымъ, — и вскорѣ это вошло въ обычай—сажать нѣкоторыхъ рабовъ (а можетъ быть и вольноотпущенниковъ также) въ другихъ частяхъ имѣнія, на маленькихъ фермахъ, на условіяхъ, близкихъ къ тѣмъ, какія ставились колонамъ. Ульпіанъ называетъ такихъ рабовъ *quasi coloni*. Они имѣли свое собственное хозяйство и отнынѣ считались уже *casati*. По закону, вначалѣ хозяинъ могъ безусловно распоряжаться личностью такого раба; послѣдній не могъ владѣть собственностью въ строгомъ смыслѣ этого слова и могъ быть проданъ другому владѣльцу отдѣльно отъ своей семьи. Но, въ интересахъ самихъ помѣщиковъ и въ силу смягчившихся взглядовъ общества, такое положеніе вещей измѣнилось даже ранѣе вмѣшательства закона: на дѣлѣ ферма принадлежала такимъ рабамъ-арендаторамъ столько-же, сколько и колонамъ; они пользовались доходами

¹⁾ De Gubern. Dei, V. 8, 9.

съ нея. за вычетомъ части владѣльца, и передавали ее по наслѣдству своимъ дѣтямъ. По закону Валентиніана I (377 г.), продавать такихъ рабовъ разрешалось только въ случаѣ продажи земли, на которой они сидѣли. Законъ продолжалъ дѣлать разницу между колонами и рабами арендаторами, но на практикѣ она почти сгладилась. Колонъ нѣрѣдко сидѣлъ на участкѣ раба, а рабъ на участкѣ, вначалѣ отданномъ колону. Браки между обоими сословіями сдѣлались обычнымъ явленіемъ. Уже въ концѣ седьмого столѣтія не замѣтно существенной разницы между ними. Аренда раба была такъ-же прочна и наслѣдственна, какъ у колона, да и тяготы обоимъ были почти одинаковы.

Отдавая должное значенію социальнымъ и экономическимъ условій, подготовлявшихъ сліяніе свободныхъ работниковъ, рабовъ и колоновъ въ одномъ и томъ-же сословіи крѣпостныхъ, мы не должны ни на минуту упускать изъ виду вліянія Церкви. Ея нравственное воздѣйствіе на общество сильно способствовало видоизмѣненію рабства и вызывало частные случаи эмансипаціи. Мы не должны также—какъ это слишкомъ часто дѣлается—ограничивать это воздѣйствіе вліяніемъ христіанскаго ученія и завѣтовъ Евангелія: сами по себѣ они дали-бы, сравнительно, ничтожные результаты; главное было въ томъ, что это ученіе и эти завѣты прилагались на практикѣ, проводились въ жизнь независимой духовной властью, набравшей своихъ представителей во всѣхъ классахъ общества и одинаково чтимой обѣими сторонами, отношенія которыхъ она стремилась урегулировать. Общій взглядъ духовенства на рабство ярко сказался въ знаменитой деклараціи Григорія Великаго ¹⁾.

1) «Salubriter agitur, si homines quos ab initio natura creavit liberos et protulit, et jus gentium jugo substituit servitutis, in ea natura in qua nati fuerant, manumittentis beneficio, libertati reddantur». Ep. St. Gregorii Magni. 1, V, ep. XII.

Обзоръ всего сказаннаго наглядно докажетъ, какъ мало общаго имѣли и вторженія сѣверныхъ варваровъ съ видоизмѣненіемъ рабства въ крѣпостное право. Эти вторженія могли, пожалуй, только ускорить перемѣну, и вотъ какимъ образомъ: 1) Мало вѣроятія, чтобы новые владѣльцы земли поняли или стали уважать на практикѣ различіе между двумя классами, столь близкими по условіямъ жизни; они скорѣе всего, поставили на одну доску и рабовъ, и колоновъ. 2) Германцы, если вѣрить Тациту ¹⁾, у себя на родинѣ не имѣли домашнихъ рабовъ, но у нихъ также было въ обычаѣ, чтобы рабы селились на отдѣльныхъ участкахъ земли и обрабатывали ихъ, отдавая владѣльцу опредѣленную часть произведеній этой земли. Эти соображенія имѣютъ свой вѣсъ, но, въ общемъ, вліяніе сѣверныхъ націй играло, повидимому, очень ничтожную роль въ развитіи какъ феодальной системы вообще, такъ и связаннаго съ нею крѣпостного права и ограниченія личной свободы; всѣ эти перемѣны одинаково совершились-бы, хотя, можетъ быть, и не такъ скоро, еслибы великое переселеніе народовъ и не имѣло мѣста въ исторіи.

Эта революція, произведенная мирнымъ путемъ, была поистинѣ благотвельной. Рабъ, освободившись отъ страха разлуки съ женой и дѣтьми, могъ теперь образовать семью, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ качествѣ главы семьи и домохозяина, онъ могъ требовать для себя и своихъ домашнихъ своей доли изъ сокровищницы нравственнаго воспитанія, которсе давала своимъ вѣрнымъ Церковь. Получивъ право удерживать для себя часть своихъ доходовъ и заработка, онъ могъ разсчитывать современемъ окончательно откупиться на свободу. Эта необходимость покупать свою свободу сама по себѣ еще не была зломъ, какъ не была она зломъ и

¹⁾ De morib. germ., с. 25

для римскихъ рабовъ. Перспектива свободы поощряла челоѣка къ труду, развивала въ немъ привычку къ самонаблюденію, расчетливости, предусмотрительности, и такимъ образомъ гарантировала его способность руководить собой послѣ полного освобожденія.

ГЛАВА V.

Уничтоженіе рабства.

Древнее рабство было, какъ мы видѣли, цѣлой системою, вызванной извѣстными соціальными условіями и выполнявшей опредѣленную политическую функцію; крѣпостное право, смѣнившее его, когда эта функція была выполнена, являлось лишь переходнымъ состояніемъ, не имѣвшимъ другаго назначенія, какъ привести рабочіе классы къ состоянію полной личной свободы. Легко себѣ представить, какимъ образомъ подневольный трудъ въ городѣ съ теченіемъ времени уступилъ мѣсто свободному труду наемныхъ рабочихъ: въ большинствѣ случаевъ рабъ, скопивъ изъ своихъ заработковъ необходимую сумму, откупался на волю; въ другихъ, самому хозяину невыгодно было удерживать у себя рабовъ, содержаніе которыхъ обходилось слишкомъ дорого. Освобожденію рабочаго сословія вообще много способствовало другое соціальное движеніе, (не слѣдуетъ только смѣшивать ихъ), клонившееся къ образованію свободныхъ промышленныхъ общинъ, обладавшихъ извѣстными юридическими правами и властью. Но весьма трудно прслѣдить всѣ переходныя ступени, пройдя которыя рабъ-земледелецъ преобразился въ свободнаго арендатора.

